

ISSN 2409-8671

www.aurora-group.eu
www.nbpublish.com

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

AURORA Group s.r.o.
nota bene

Выходные данные

Номер подписан в печать: 04-04-2023

Учредитель: Даниленко Василий Иванович, w.danilenko@nbpublish.com

Издатель: ООО <НБ-Медиа>

Главный редактор: Рыжов Игорь Валерьевич - доктор исторических наук, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", заведующий кафедрой истории и политики России, 603005, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2, оф. 313, ivr@fmo.unn.ru

ISSN: 2409-8671

Контактная информация:

Выпускающий редактор - Зубкова Светлана Вадимовна

E-mail: info@nbpublish.com

тел. +7 (966) 020-34-36

Почтовый адрес редакции: 115114, г. Москва, Павелецкая набережная, дом 6А, офис 211.

Библиотека журнала по адресу: http://www.nbpublish.com/library_tariffs.php

Publisher's imprint

Number of signed prints: 04-04-2023

Founder: Danilenko Vasilii Ivanovich, w.danilenko@nbpublish.com

Publisher: NB-Media ltd

Main editor: Ryzhov Igor' Valer'evich - doktor istoricheskikh nauk, federal'noe gosudarstvennoe avtonomnoe obrazovatel'noe uchrezhdenie vysshego obrazovaniya "Natsional'nyi issledovatel'skii Nizhegorodskii gosudarstvennyi universitet im. N.I. Lobachevskogo", zaveduyushchii kafedroi istorii i politiki Rossii, 603005, Rossiya, Nizhegorodskaya oblast', g. Nizhnii Novgorod, ul. Ul'yanova, 2, of. 313, ivr@fmo.unn.ru

ISSN: 2409-8671

Contact:

Managing Editor - Zubkova Svetlana Vadimovna

E-mail: info@nbpublish.com

тел.+7 (966) 020-34-36

Address of the editorial board : 115114, Moscow, Paveletskaya nab., 6A, office 211 .

Library Journal at : http://en.nbpublish.com/library_tariffs.php

Редсовет

Васильев Дмитрий Валентинович – доктор исторических наук, Российская академия предпринимательства, первый проректор, профессор, 109544, Москва, ул. Малая Андроньевская, д. 15 dvvasiliev@mail.ru

Крайнов Григорий Никандрович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «Политология, история и социальные технологии», Российский университет транспорта (МИИТ), 127994, г. Москва, ул. Образцова, 9, стр. 2. krainovgn@mail.ru

Рощевская Лариса Павловна – доктор исторических наук, профессор, отдел гуманитарных междисциплинарных исследований Коми научного центра Уральского Отделения РАН, главный научный сотрудник, 167982, г. Сыктывкар, Коммунистическая, 24, lp38rosh@gmail.com

Скопа Виталий Александрович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры Историко-культурного наследия и туризма, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Алтайский государственный педагогический университет», 656031, г. Барнаул, ул. Молодежная, 55. sverhtitan@rambler.ru.

Николайчук Ольга Алексеевна – доктор экономических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, профессор Департамента экономической теории, 125993, Москва, ГСП-3, Ленинградский проспект, д. 49, 18111959@mail.ru

Чирун Сергей Николаевич – доктор политических наук, доцент, Кемеровский государственный университет, институт истории и международных отношений, профессор, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, Sergii-Tsch@mail.ru

Судоргин Олег Анатольевич – доктор политических наук, профессор, МАДИ, первый проректор, профессор по кафедре МАДИ «История и культурология», 125319. Москва, Ленинградский пр., дом 64, оф. 250. sudorgin@madi.ru

Ставицкий Владимир Вячеславович – доктор исторических наук, профессор, кафедра Всеобщей истории, историографии и археологии, Пензенский государственный университет, 440052, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Тамбовская, 9 кв.106 stawiczky.v@yandex.ru

Быков Илья Анатольевич – доктор политических наук, доцент Санкт-Петербургский государственный университет Кафедра: связей с общественностью в политике и государственном управлении, 199004, Россия, Санкт-Петербург область, г. Санкт-Петербург, ул. 1-Я линия, 26, оф. 509

Костенко Николай Иванович – доктор юридических наук, профессор Кубанский государственный университет, кафедра международного права, 350915, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Восточно-Кругликовская, 76/4, кв. 133.

Василий Рудольфович Филиппов — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН 123001, Россия, Москва, ул. Спиридоновка, д. 30/1 fvrd@rambler.ru

Тиберио Грациани — директор Института изучения геополитики и смежных дисциплин

(Istituto di Alti Studi in Geopolitica e Scienze Ausiliarie). Piazza dei Navigatori, 22, 00147 - Roma - Italia <http://www.istituto-geopolitica.eu>

Фролов Дмитрий Борисович — доктор политических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой "Компьютерное право" НИЯУ МИФИ. 115409, г. Москва, Каширское ш., 31 fdb@mail.cbr.ru

Аринин Александр Николаевич - доктор политических наук, академик РАЕН, директор Автономной некоммерческой организации "Институт федерализма и гражданского общества". 115035, Россия, г. Москва, ул.Ордынка Б., 21.

Безбородов Александр Борисович - доктор исторических наук, профессор, директор Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета. 103012, Россия, г. Москва ул. Никольская, 15, кабинет 20.

Борисов Николай Сергеевич - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России до начала XIX века исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова 119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, 27, корпус 4, исторический факультет

Буданова Вера Павловна - доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института всеобщей истории Российской академии наук. 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 32а. Институт всеобщей истории РАН

Галлямова Людмила Ивановна - доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук. 690022, Россия, г. Владивосток, Пушкинская, 89

Данилов Александр Анатольевич - доктор исторических наук, профессор. Заслуженный деятель науки Российской Федерации. 119571, Россия, г. Москва, проспект Вернадского, 88.

Ершова Галина Гавриловна - доктор исторических наук, профессор, директор Учебно-научного мезоамериканского центра имени Ю. В. Кнорозова Российского государственного гуманитарного университета. Директор по науке и культуре Российско-мексиканского культурного центра (г. Мерида, Мексика), член правления итальянского Центра американистских исследований («Circolo Amerindiano», г. Перуджа, Италия). 125993, Россия, г. Москва, Миусская площадь, 6

Мартынова Марина Юрьевна - доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по науке Института этнологии и антропологии Российской академии наук, руководитель Центра европейских и американских исследований Института этнологии и антропологии РАН. Заслуженный деятель науки Российской Федерации. 119991, Россия, г. Москва, Ленинский проспект, 32а. Институт этнологии и антропологии РАН

Аюпова Зауре Каримовна - доктор юридических наук, Казахский национальный университет, профессор, 050020, Казахстан, г. Алматы, ул. ул.Тайманова, 222, кв. 16, zaure567@yandex.ru

Деметрадзе Марине Резоевна - доктор политических наук, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва, главный научный сотрудник, институт мировых цивилизаций, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС),

профессор, 117292, Россия, г. москва, ул. нахимовский проспект дом 48 кв.96,
48, demetradze1959@mail.ru

Редкоус Владимир Михайлович - доктор юридических наук, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт государства и права Российской академии наук, ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса, Федеральное государственное казенное образовательное учреждение высшего образования «Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации», Профессор кафедры управления деятельностью подразделений обеспечения охраны общественного порядка центра командно-штабных учений, 117628, Россия, г. Москва, ул. Знаменские сады, 1 корпус 1, кв. 12, rwmmos@rambler.ru

Рыжов Игорь Валерьевич - доктор исторических наук, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования "Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского", заведующий кафедрой истории и политики России, 603005, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ульянова, 2, оф. 313, ivr@fmo.unn.ru

Сушкова Юлия Николаевна - доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Национальный исследовательский Мордовский государственный университета им. Н.П. Огарева", декан юридического факультета, 430007, Россия, республика Мордовия, г. Саранск, ул. Осипенко, 40, кв. -, yulenkam@mail.ru

Шашкова Анна Владиславовна - доктор политических наук, Московский государственный институт международных отношений, профессор, 125299, Россия, г. Москва, пр-д Вернадского, 76, ауд. 3024, a.shashkova@inno.mgimo.ru

Editorial collegium

Vasiliev Dmitry Valentinovich – Doctor of Historical Sciences, Russian Academy of Entrepreneurship, First Vice-Rector, Professor, 15 Malaya Andronovskaya str., Moscow, 109544 dvvasiliev@mail.ru

Krainov Grigory Nikandrovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department "Political Science, History and Social Technologies", Russian University of Transport (MIIT), 127994, Moscow, Obraztsova str., 9, p. 2. krainovgn@mail.ru

Larisa P. Roshchevskaya – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Humanities Interdisciplinary Studies of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, 167982, Syktyvkar, Communist, 24, lp38rosh@gmail.com

Vitaly A. Osprey – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Historical and Cultural Heritage and Tourism, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Altai State Pedagogical University", 656031, Barnaul, Molodezhnaya str., 55. sverhtitan@rambler.ru .

Nikolaichuk Olga Alekseevna – Doctor of Economics, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Professor of the Department of Economic Theory, 125993, Moscow, GSP-3, Leningradsky Prospekt, 49, 18111959@mail.ru

Chirun Sergey Nikolaevich – Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Kemerovo State University, Institute of History and International Relations, Professor, 650000, Kemerovo, Krasnaya str., 6, Sergii-Tsch@mail.ru

Oleg A. Sudorgin – Doctor of Political Sciences, Professor, MADI, First Vice-rector, Professor at the Department of MADI "History and Cultural Studies", 125319. 64 Leningradsky Ave., office 250, Moscow. sudorgin@madi.ru

Stavitsky Vladimir Vyacheslavovich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of General History, Historiography and Archeology, Penza State University, 440052, Russia, Penza Region, Penza, Tambovskaya str., 9 sq.106 stawiczky.v@yandex.ru

Ilya A. Bykov – Doctor of Political Sciences, Associate Professor St. Petersburg State University Department of Public Relations in Politics and Public Administration, 199004, Russia, St. Petersburg region, St. Petersburg, 1st line str., 26, office 509

Kostenko Nikolay Ivanovich – Doctor of Law, Professor, Kuban State University, Department of International Law, 350915, Russia, Krasnodar Territory, Krasnodar, Vostochno-Kruglikovskaya str., 76/4, sq. 133.

Vasily Rudolfovich Filippov — Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute of Africa of the Russian Academy of Sciences 123001, Russia, Moscow, Spiridonovka str., 30/1 fvrdr@rambler.ru

Tiberio Graziani is the Director of the Institute for the Study of Geopolitics and Related Disciplines (Istituto di Alti Studi in Geopolitica e Scienze Ausiliarie). Piazza dei Navigatori, 22, 00147 - Roma - Italia <http://www.istituto-geopolitica.eu>

Frolov Dmitry Borisovich — Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Deputy Head of

the Department of "Computer Law" of NRU MEPhI. 115409, Moscow, Kashirskoe sh., 31
fdb@mail.cbr.ru

Arinin Alexander Nikolaevich - Doctor of Political Sciences, Academician of the Russian Academy of Sciences, Director of the Autonomous Non-profit organization "Institute of Federalism and Civil Society". 115035, Russia, Moscow g, Ordynka B. str., 21.

Bezborodov Alexander Borisovich - Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Historical and Archival Institute of the Russian State University for the Humanities. 103012, Russia, Moscow, Nikolskaya str., 15, office 20.

Nikolay Sergeevich Borisov - Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of the History of Russia before the Beginning of the XIX Century, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University 119991, Moscow, Russia, GSP-1, Lomonosovsky Prospekt, 27, Building 4, Faculty of History

Budanova Vera Pavlovna - Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher of the Institute of General History of the Russian Academy of Sciences. 32a Leninsky Prospekt, Moscow, 119991, Russia. Institute of General History of the Russian Academy of Sciences

Lyudmila Gallyamova - Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences. 89 Pushkinskaya Street, Vladivostok, 690022, Russia

Danilov Alexander Anatolyevich - Doctor of Historical Sciences, Professor. Honored Scientist of the Russian Federation. 88 Vernadsky Avenue, Moscow, 119571, Russia.

Yershova Galina Gavrilovna - Doctor of Historical Sciences, Professor, Director of the Educational and Scientific Mesoamerican Center named after Yu. V. Knorozov of the Russian State University for the Humanities. Director for Science and Culture of the Russian-Mexican Cultural Center (Merida, Mexico), Member of the Board of the Italian Center for American Studies (Circolo Amerindiano, Perugia, Italy). 125993, Russia, Moscow, Miusskaya Square, 6

Martynova Marina Yurievna - Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Director for Science of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center for European and American Studies of the Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences. Honored Scientist of the Russian Federation. 32a Leninsky Prospekt, Moscow, 119991, Russia. Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences

Ayupova Zaure Karimovna - Doctor of Law, Kazakh National University, Professor, 050020, Kazakhstan, Almaty, ul. Taimanova, 222, sq. 16, zaure567@yandex.ru

Demetradze Marina Rezoevna - Doctor of Political Sciences, D. S. Likhachev Russian Research Institute of Cultural and Natural Heritage, Chief Researcher, Institute of World Civilizations, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Professor, 48 Nakhimovsky Prospekt, Moscow, 117292, Russia sq.96, 48, demetradze1959@mail.ru

Redkous Vladimir Mikhailovich - Doctor of Law, Federal State Budgetary Institution of Science Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process, Federal State State Educational

Institution of Higher Education "Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", Professor of the Department of Management of Public Order Units of the Center for Command and Control staff exercises, 117628, Russia, Moscow, Znamenskiye sadki str., 1 building 1, sq. 12, rwmMos@rambler.ru

Ryzhov Igor Valeryevich - Doctor of Historical Sciences, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky", Head of the Department of History and Politics of Russia, 603005, Russia, Nizhny Novgorod region, Nizhny Novgorod, Ulyanova str., 2, office 313, ivr@fmo.unn.ru

Sushkova Yulia Nikolaevna - Doctor of Historical Sciences, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "National Research Mordovian State University named after N.P. Ogarev", Dean of the Faculty of Law, 430007, Russia, Republic of Mordovia, Saransk, Osipenko str., 40, sq. -, yulenkam@mail.ru

Anna Vladislavovna Shashkova - Doctor of Political Sciences, Moscow State Institute of International Relations, Professor, 76 Vernadsky Ave., Moscow, 125299, Russia, room 3024, a.shashkova@inno.mgimo.ru

Требования к статьям

Журнал является научным. Направляемые в издательство статьи должны соответствовать тематике журнала (с его рубрикатором можно ознакомиться на сайте издательства), а также требованиям, предъявляемым к научным публикациям.

Рекомендуемый объем от 12000 знаков.

Структура статьи должна соответствовать жанру научно-исследовательской работы. В ее содержании должны обязательно присутствовать и иметь четкие смысловые разграничения такие разделы, как: предмет исследования, методы исследования, апелляция к оппонентам, выводы и научная новизна.

Не приветствуется, когда исследователь, трактуя в статье те или иные научные термины, вступает в заочную дискуссию с авторами учебников, учебных пособий или словарей, которые в узких рамках подобных изданий не могут широко излагать свое научное воззрение и заранее оказываются в проигрышном положении. Будет лучше, если для научной полемики Вы обратитесь к текстам монографий или диссертационных работ оппонентов.

Не превращайте научную статью в публицистическую: не наполняйте ее цитатами из газет и популярных журналов, ссылками на высказывания по телевидению.

Ссылки на научные источники из Интернета допустимы и должны быть соответствующим образом оформлены.

Редакция отвергает материалы, напоминающие реферат. Автору нужно не только продемонстрировать хорошее знание обсуждаемого вопроса, работ ученых, исследовавших его прежде, но и привнести своей публикацией определенную научную новизну.

Не принимаются к публикации избранные части из диссертаций, книг, монографий, поскольку стиль изложения подобных материалов не соответствует журнальному жанру, а также не принимаются материалы, публиковавшиеся ранее в других изданиях.

В случае отправки статьи одновременно в разные издания автор обязан известить об этом редакцию. Если он не сделал этого заблаговременно, рискует репутацией: в дальнейшем его материалы не будут приниматься к рассмотрению.

Уличенные в плагиате попадают в «черный список» издательства и не могут рассчитывать на публикацию. Информация о подобных фактах передается в другие издательства, в ВАК и по месту работы, учебы автора.

Статьи представляются в электронном виде только через сайт издательства <http://www.e-notabene.ru> кнопка "Авторская зона".

Статьи без полной информации об авторе (соавторах) не принимаются к рассмотрению, поэтому автор при регистрации в авторской зоне должен ввести полную и корректную информацию о себе, а при добавлении статьи - о всех своих соавторах.

Не набирайте название статьи прописными (заглавными) буквами, например: «ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ...» — неправильно, «История культуры...» — правильно.

При добавлении статьи необходимо прикрепить библиографию (минимум 10–15 источников, чем больше, тем лучше).

При добавлении списка использованной литературы, пожалуйста, придерживайтесь следующих стандартов:

- [ГОСТ 7.1-2003 Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления.](#)
- [ГОСТ 7.0.5-2008 Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления](#)

В каждой ссылке должен быть указан только один диапазон страниц. В теле статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1, 3], [5-7]. Если идет ссылка на один и тот же источник, то в теле статьи нумерация ссылок должна выглядеть так: [1, с. 35]; [2]; [3]; [1, с. 75-78]; [4]....

А в библиографии они должны отображаться так:

[1]

[2]

[3]

[4]....

Постраничные ссылки и сноски запрещены. Если вы используете сноску, не содержащую ссылку на источник, например, разъяснение термина, включите сноску в текст статьи.

После процедуры регистрации необходимо прикрепить аннотацию на русском языке, которая должна состоять из трех разделов: Предмет исследования; Метод, методология исследования; Новизна исследования, выводы.

Прикрепить 10 ключевых слов.

Прикрепить саму статью.

Требования к оформлению текста:

- Кавычки даются уголками (« ») и только кавычки в кавычках — лапками (" ").
- Тире между датами дается короткое (Ctrl и минус) и без отбивок.
- Тире во всех остальных случаях дается длинное (Ctrl, Alt и минус).
- Даты в скобках даются без г.: (1932–1933).
- Даты в тексте даются так: 1920 г., 1920-е гг., 1540–1550-е гг.
- Недопустимо: 60-е гг., двадцатые годы двадцатого столетия, двадцатые годы XX столетия, 20-е годы XX столетия.
- Века, король такой-то и т.п. даются римскими цифрами: XIX в., Генрих IV.
- Инициалы и сокращения даются с пробелом: т. е., т. д., М. Н. Иванов. Неправильно: М.Н. Иванов, М.Н. Иванов.

ВСЕ СТАТЬИ ПУБЛИКУЮТСЯ В АВТОРСКОЙ РЕДАКЦИИ.

По вопросам публикации и финансовым вопросам обращайтесь к администратору
Зубковой Светлане Вадимовне

E-mail: info@nbpublish.com

или по телефону +7 (966) 020-34-36

Подробные требования к написанию аннотаций:

Аннотация в периодическом издании является источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований.

Аннотация выполняет следующие функции: дает возможность установить основное

содержание документа, определить его релевантность и решить, следует ли обращаться к полному тексту документа; используется в информационных, в том числе автоматизированных, системах для поиска документов и информации.

Аннотация к статье должна быть:

- информативной (не содержать общих слов);
- оригинальной;
- содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований);
- структурированной (следовать логике описания результатов в статье);

Аннотация включает следующие аспекты содержания статьи:

- предмет, цель работы;
- метод или методологию проведения работы;
- результаты работы;
- область применения результатов; новизна;
- выводы.

Результаты работы описывают предельно точно и информативно. Приводятся основные теоретические и экспериментальные результаты, фактические данные, обнаруженные взаимосвязи и закономерности. При этом отдается предпочтение новым результатам и данным долгосрочного значения, важным открытиям, выводам, которые опровергают существующие теории, а также данным, которые, по мнению автора, имеют практическое значение.

Выводы могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье.

Сведения, содержащиеся в заглавии статьи, не должны повторяться в тексте аннотации. Следует избегать лишних вводных фраз (например, «автор статьи рассматривает...», «в статье рассматривается...»).

Исторические справки, если они не составляют основное содержание документа, описание ранее опубликованных работ и общеизвестные положения в аннотации не приводятся.

В тексте аннотации следует употреблять синтаксические конструкции, свойственные языку научных и технических документов, избегать сложных грамматических конструкций.

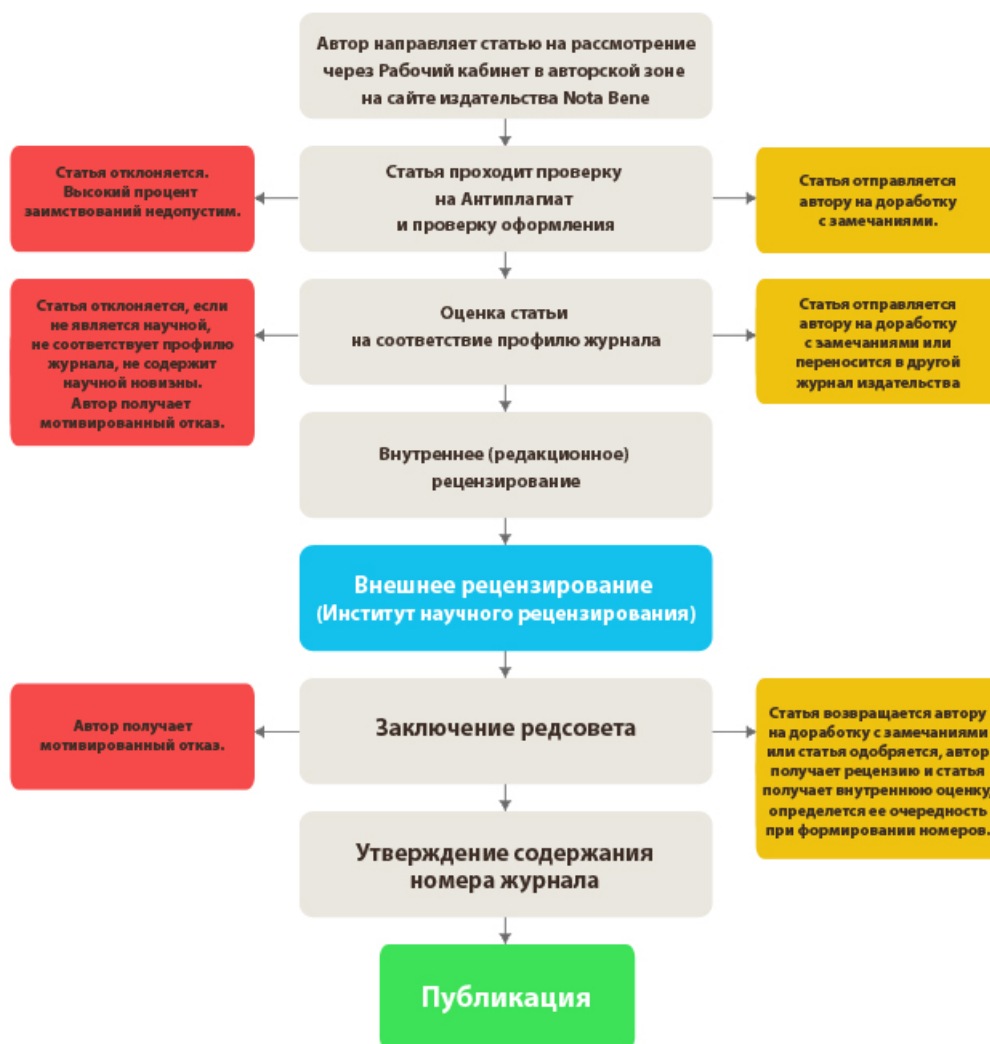
Гонорары за статьи в научных журналах не начисляются.

Материалы журналов включены:

- в систему Российского индекса научного цитирования;
- отображаются в крупнейшей международной базе данных периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory, что гарантирует значительное увеличение цитируемости;
- Всем статьям присваивается уникальный идентификационный номер Международного регистрационного агентства DOI Registration Agency. Мы формируем и присваиваем всем статьям и книгам, в печатном, либо электронном виде, оригинальный цифровой код. Префикс и суффикс, будучи прописанными вместе, образуют определяемый, цитируемый и индексируемый в поисковых системах, цифровой идентификатор объекта — digital object identifier (DOI).

[Отправить статью в редакцию](#)

Этапы рассмотрения научной статьи в издательстве NOTA BENE.

Содержание

Ван Ц. Технологическое противоборство КНР и США: фронт и ядро китайско-американской стратегической игры	1
Борисов А.В. Гуманитарная система ООН: кризис, возможности и позиция России	13
Чмырева В.А. Роль Турции на постсоветском пространстве в американской внешнеполитической экспертизе	26
Коновалова К.А. Стратегические партнерства России и государств Латинской Америки в новых геополитических условиях	37
Гадалин Д.Ю., Иманалиева М.А. Механизм реализации политики памяти в контексте социальных рамок «коллективной памяти».	52
Англоязычные метаданные	60

Contents

WANG C. The Technological Confrontation between China and the United States: the Front and Core of the Sino-US Strategic Game	1
Borisov A.V. The UN Humanitarian System: Crisis, Opportunities and Russia's Position	13
Chmyreva V. The Role of Turkey in the Post-Soviet Space in US Foreign Policy Analysis	26
Konovalova K. Russian-Latin American Strategic Partnerships in New Geopolitical Context	37
Gadalin D.Y., Imanalieva M.A. The mechanism of memory policy implementation in the context of the social framework of "collective memory".	52
Metadata in english	60

Мировая политика

Правильная ссылка на статью:

Ван Ц. — Технологическое противоборство КНР и США: фронт и ядро китайско-американской стратегической игры // Мировая политика. – 2023. – № 1. DOI: 10.25136/2409-8671.2023.1.39781 EDN: GIJKDJ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39781

Технологическое противоборство КНР и США: фронт и ядро китайско-американской стратегической игры

Ван Цунюэ

аспирант, кафедра международных политических процессов, Санкт-Петербургский Государственный Университет

191060, Россия, Санкт-Петербург область, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1-3

✉ robertwcyacademic@gmail.com

[Статья из рубрики "Теория и методология международных отношений"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2023.1.39781

EDN:

GIJKDJ

Дата направления статьи в редакцию:

08-02-2023

Дата публикации:

15-02-2023

Аннотация: В последние годы научно-технологическая мощь Китая быстро росла, угрожая превосходству США в этой области. Чтобы сдержать постоянное развитие научной и технологической мощи Китая, США приняли ряд политик и мер со времен администрации Трампа. В настоящее время усиливается научно-технологическое противоборство Китая и США. Чтобы лучше понять это технологическое противоборство, в данной статье будут использованы методы анализа, синтеза информации, сравнения, индукции и дедукции для анализа причин китайско-американского технологического противостояния, перечисления конкретных мер, принятых США, изучения сравнительных преимуществ США и Китая в этом противоборстве и, наконец, анализа глобальных последствий китайско-американского технологического противоборства. С ростом и развитием четвертой промышленной революции научно-техническое противоборство постепенно становится фронтом и ядром китайско-американской стратегической игры, которое отличается от традиционной геостратегической конкуренции по содержанию и форме. Это первый случай, когда стратегическое соперничество крупных держав в основном сосредоточено на области нефизической географии человечества. Ни у Китая,

ни у США нет достаточного опыта, а также не хватает исторического опыта, на котором можно было бы учиться. В этой статье констатируется, что Китайско-американское технологическое противоборство не только повлияет на отношения между Китаем и США, но и окажет негативное воздействие на весь мир. Поэтому Китай и США должны искать области науки и техники, которые могут активно сотрудничать, способствовать общему процветанию и развитию мировой науки и техники, а также позволить науке и технике играть новую и более конструктивную роль в мировой политике.

Ключевые слова:

технологическое противоборство, Китайско-американские отношения, стратегическая игра, техническое разделение, четвертая промышленная революция, конфигурация международной системы, совокупная мощь государства, научно-техническая мощь, технология 5G, искусственный интеллект

Эта статья выполнена по гранту Китайского совета по стипендиям (CSC).

Поскольку наука и технологии занимают все более важное место в структуре производительных сил, в современном мире возрастает соперничество и конкуренция великих держав и, прежде всего США и КНР в научно-технологической сфере. С момента окончания холодной войны США сохранили абсолютное лидирующее положение в мировой научно-технической сфере. Однако после глобального финансового кризиса 2008 года экономическая, военная и научно-технологическая мощь Китая значительно возросла, сократив разрыв с США в области совокупной мощи государства. Особенно в период четвертой промышленной революции (4ПР) Китай сохранил лидирующие позиции в мире в области 5G, искусственного интеллекта и других областях. 4ПР открыла новые возможности для технологических инноваций, но и привела к новому витку конкуренции и игры великих держав. С ростом и развитием 4ПР научно-техническая конкуренция постепенно становится фронтом и ядром китайско-американской стратегической игры. Таким образом, соперничество между Китаем и США в области науки и технологии представляет собой всестороннюю игру, в которой как у Китая, так и у США есть свои преимущества и недостатки. Учитывая широту и глубину технологического противоборства Китая и США, эта игра не только окажет влияние на отношения между двумя странами, но и принесет глубокие изменения всему миру.

Причины технологического противоборства КНР и США

В последние годы совокупная мощь Китая значительно улучшилась, сократив разрыв с США. В США широко распространены дебаты о том, является ли Китай «партнером» или «соперником», и следует ли «сдерживать» Китай или «вовлекаться», что приводит к новым вызовам в китайско-американских отношениях.^[1] Обнародование «Стратегии национальной безопасности» (СНБ) администрации Трампа в конце 2017 г. и начало торговой войны с Китаем в марте 2018 г. ознаменовали новый период «стратегической игры» (strategic game) между Китаем и США.^[2]

В области науки и техники Китай сел на «последний поезд» третьей промышленной революции. Благодаря постоянному совершенствованию своей научно-технической системы научно-техническая мощь и инновационный потенциал Китая продолжали расти. В настоящее время, хотя научно-техническая мощь Китая все еще уступает мощи США в целом, Китай разделяет доминирующее положение в мире с США и даже превосходит

США в некоторых областях передовых технологий четвертой промышленной революции, таких как технология 5G, искусственный интеллект, квантовая информатика и так далее.

Глобальное господство США как ведущей мировой державы снова оказалось под угрозой. Быстрый подъем мощи Китая усилил бдительность и тревогу США. Судя по историческому опыту американо-советского соперничества и американо-японских торговых трений, США привыкли применять многомерные стратегии подавления и сдерживания против стран, экономический масштаб которых достигает двух третей их собственного, чтобы сохранить свою мировую гегемонию^[3].

В качестве основного элемента, способствующего росту национальной мощи и преобразованию международной системы, всегда ценилась важность науки и технологии.^[4] Научно-технические инновации стали фронтом и ядром этого раунда китайско-американской стратегической игры. Причины заключаются в следующем: с одной стороны, научно-технический прогресс рассматривается как «основной двигатель» для Китая, чтобы продолжать наращивать свою политическую, экономическую, военную мощь в будущем.^[5] С другой стороны, технологическое лидерство рассматривается США как фундаментальная гарантия обеспечения и сохранения своего относительного преимущества в силе и глобальной гегемонии. Таким образом, коренная причина китайско-американской технологической конфронтации кроется в мерах, принимаемых доминирующей державой для предотвращения и подавления научно-технического развития восходящей державы из страха, что технологическая мощь восходящей державы может угрожать их собственной глобальной гегемонии.^[6]

Конкретные меры, принятые США в технологическом противоборстве

Поскольку научно-технологическая мощь Китая значительно выросла, США усилили свои репрессии против китайских технологических компаний по всем направлениям. США безумно расправляются с Китаем и проводят техническое разделение (technical «decoupling»), что по сути является подавлением научно-технического прогресса и экономического развития Китая с целью сохранения научно-технической гегемонии и собственной глобальной гегемонии США. «Цель США здесь неизменна – предотвратить создание Китаем собственных цепочек поставок технологий и тем самым затормозить экономическое развитие КНР».^[7] Соответственно, США приняли следующие меры:

Во-первых, США приняли законодательство, направленное на сдерживание Китая с юридического уровня, тем самым подняв всеобъемлющую конкуренцию между Китаем и США в цепочках поставок и технологии на правовой уровень, а также институционализировав технологическую конфронтацию против Китая. С тех пор как администрация Трампа вступила в должность, большинство законопроектов, связанных с Китаем, в Конгрессе США утверждали, что они используют внутренние и внешние вызовы Китая и принимают различные меры для давления на Китай в различных областях. Общая цель состоит в том, чтобы блокировать подъем Китая и поддерживать гегемонию США в течение длительного времени посредством стратегического соперничества с Китаем. После вступления администрации Байдена в должность фокус предложений, связанных с Китаем в Конгрессе США, сместился на технологическую конкуренцию и «права человека и демократию», особенно конкуренция в области науки и техники стала ключевым вопросом, и предложения, связанные с Китаем по другим темам, связаны с этим.^[8] Например, в апреле 2021 г. Сенат США принял «Законопроект о стратегической конкуренции 2021 г.» (Strategic Competition Act of 2021). В июне 2021 г. Сенат США принял «Законопроект об инновациях и конкуренции 2021 г.» (The Innovation and

Competition Act of 2021). В феврале 2022 г. Сенат США обсудил и принял «Законопроект о КОНКУРЕНЦИИ в Америке 2022 г.» (America COMPETES Act of 2022). В августе 2022 президент США Джо Байден подписал в Белом доме «Законопроект о чипах и науке 2022 г.» (The CHIPS and Science Act of 2022).

Во-вторых, США блокируют экспорт технологий в Китай. Прежде всего, США обеспечивают правовую основу и институциональные гарантии строгого контроля за экспортом технологий в Китай посредством законодательства и административных приказов. Затем США расширили сферу контроля над технологиями и усилили наказание субъектов, нарушивших систему контроля.^[9] Наконец, США включают все больше и больше китайских научно-технических организаций в свой «список организаций» и «список китайских военных компаний». К концу 2022 года правительство США в принципе запретило экспорт более 600 китайских предприятий и групп.^[10]

В-третьих, США ограничивают въезд китайского капитала, технологий и исследователей. Прежде всего, свободный поток инвестиций из Китая был ограничен, особенно в отношении технологий. Со стороны США это наиболее ярко проявилось после реформы Комитета по иностранным инвестициям (CFIUS), целью которой было заблокировать растущий объём слияний и поглощений между компаниями Китая в США, особенно в высокотехнологичном промышленном секторе.^[11] Затем, по соображениям национальной безопасности, правительство США запретило технологическим продуктам китайских предприятий поступать на рынок США. Наконец, США также используют различные административные средства для ограничения нормального обмена китайскими экспертами, учеными, студентами и другими исследователями по соображениям национальной безопасности.^[12]

В-четвертых, США нацелились на ведущие технологические компании Китая. Успех Huawei, ZTE и других предприятий также побудил США нацелиться на эти представительные передовые технологические предприятия. Прежде всего, США начали серию расследований и санкций против Huawei и других китайских компаний, ужесточили контроль за экспортом технологий и запретили федеральным и местным органам власти покупать технологические продукты Huawei. Тем временем Huawei запрещено строить сети 5G в США. Кроме того, США активно мобилизовали своих союзников и партнеров на бойкот Huawei и публично оказали давление на многие страны, сотрудничающие с Huawei.^[13] Наконец, США также предприняли некоторые «грязные» меры по борьбе с Huawei, за исключением контроля за экспортом технологий и блокирования рынка. Что больше всего удивило международное сообщество, так это то, что главный финансовый директор Huawei Мэн Ваньчжоу была задержана 1 декабря 2018 г. в аэропорту Ванкувера по запросу США.^[14] Впоследствии правительство Канады незаконно задержало ее более чем на 1000 дней в попытке подавить Huawei.

В-пятых, помимо принятия ряда мер по ослаблению научной и технологической мощи Китая, США также повысили свою абсолютную силу в глобальном научно-технологическом ландшафте, содействуя реформе своей внутренней научно-технической системы, увеличивая инвестиции в научные исследования, оживляя производство полупроводников, содействие строительству сетей 5G и так далее. Американский ученый считает, что перед лицом динамичного и решительного противника простое сдерживание не гарантирует преимущества, и что действительно нужно сделать, так это «самосовершенствование».^[15] После прихода к власти администрации Байдена США также пытались сохранить и расширить свои лидирующие позиции в области науки и

техники с помощью самоинноваций и «самосовершенствований». Например, «Законопроект об инновациях и конкуренции 2021 г.» на сумму 250 миллиардов долларов, принятый в июне 2021 г., направлен на инвестирование более 200 миллиардов долларов в укрепление науки, технологий и исследований США.^[16] Кроме того, в плане федеральных бюджетных расходов на 2023 г. правительство Байдена увеличило федеральные расходы на исследования и разработки до 191 миллиардов долларов, что на 12.7% больше, чем в 2022 г.^[17]

В целом, во времена администрации Трампа США подавляли Китай главным образом путем ограничения технических обменов, а при администрации Байдена США уделяют больше внимания внутренним инвестициям в исследования и разработки и внешним альянсам.

Сравнительные преимущества Китая и США в технологическом противоборстве

С одной стороны, США лидируют в области фундаментальных исследований, основных и ключевых технологий, оригинальных инноваций и прорывных технологических инноваций.

Во-первых, США имеют явное преимущество первопроходца, лидируя или даже монополизировав во многих областях. Что касается аппаратного обеспечения, то американские полупроводниковые компании (такие как Intel, AMD, NVIDIA, Qualcomm и др.) занимают 46% доли мирового рынка в 2021 г.^[18] США обладают монопольным преимуществом в области технологий чипов и операционных систем. Наоборот, Китай сильно зависел от импорта микросхем, и дефицит торгового баланса интегральных схем 2022 г. составил 261,7 миллиарда долларов.^[19] Что касается программного обеспечения, операционные системы США (такие как Microsoft, Android, IOS и др.) занимают почти 98% доли рынка как компьютеров, так и мобильных устройств, что является абсолютным доминированием.^[20] Китаю сложнее избавиться от ограничения программного обеспечения США. Кроме того, США намного опережают Китай в исследованиях и разработках и хранении данных. Короче говоря, США построили технологическую систему от программного обеспечения до аппаратного обеспечения с помощью преимущества первопроходца.

Во-вторых, США доминировали в разработке международных технических стандартов в последние десятилетия и сформировали систематическое преимущество на рынке с большой властью дискурса. Степень участия и лидерства в разработке международных технологических стандартов является воплощением уровня технологических инноваций и технологической конкурентоспособности государства.^[21] Принято считать, что разработка технических стандартов представляет собой международную конкуренцию, связанную с распределением доходов, и тот, чьи стандарты будут приняты в качестве международных технических стандартов, получит сравнительные преимущества и выгоду.^[22] В прошлом западные страны жестко контролировали установление международных технических стандартов для поддержки мировых рынков. Наоборот, Китай поздно стал участником разработки международных технических стандартов, и в процессе участия часто сталкивается с препятствиями, установленными США и другими странами.

В-третьих, США являются крупнейшим в мире центром научных и технологических инноваций, с самым большим количеством ведущих технологических компаний в мире, таких как Apple, Google, Microsoft и так далее. В десятку лучших мировых

технологических компаний по рыночной капитализации входят США и Китай, но США занимают 8 из них, в то время как у Китая только 2. Более того, по состоянию на апрель 2022 г. рыночная стоимость Apple была такой же, как у 100 крупнейших технологических компаний Китая вместе взятых.^[23]

В-четвертых, в США существуют устоявшаяся система высшего образования и научных исследований и ведущие технологические компании, которые привлекают лучших специалистов со всего мира. Более того, США обеспечили для них надежную систему стимулирования и защиты, а также создали непринужденную и свободную среду для инноваций и предпринимательства. С другой стороны, в Китае, из-за интенсивности научно-исследовательской работы, низкого уровня заработной платы научных работников, отсутствия политических стимулов и других факторов многие специалисты с высшим образованием не желают заниматься научно-технической работой, что приводит к дефициту талантливых в области высоких технологий.

С другой стороны, несмотря на то, что США долгое время являлись лидером в этой области, в последние годы Китай улучшил и имел свои преимущества.

Во-первых, огромный размер китайского рынка создал богатые пользовательские данные и сценарии использования для технологических инноваций. Население Китая составляет 1,4 миллиарда человек, а ВВП на душу населения составляет около десяти тысяч долларов США. С точки зрения паритета покупательной способности размер китайской экономики превышает размер экономики США. Кроме того, Китай является крупнейшим экспортным рынком для американских самолетов и соевых бобов, а также вторым по величине экспортным рынком для американских автомобилей и интегральных схем. Годовой отчет Ассоциации Полупроводниковой Промышленности (SIA) США показывает, что мировые продажи полупроводниковых микросхем достигли рекордного уровня в 555,9 млрд долларов в 2021 г., что на 26,2% больше, чем в 2020 г. Китай оставался крупнейшим в мире рынком с объемом 192,5 млрд долларов и составил 34,6% от общемирового показателя.^[18] Таким образом, технологическое разделение перекроет поставки технологий в Китай и в то же время лишит американских компаний китайский рынок.^[24] Кроме того, интеллектуальные технологии, связанные с четвертой промышленной революцией, требуют крупномасштабного сбора и применения данных, поэтому ресурсы данных стали важным стратегическим ресурсом и основным инновационным фактором страны. Огромная численность населения Китая и масштабы использования накопили огромные данные для исследований и инноваций новых технологий, создавая богатое разнообразие сценариев использования.

Во-вторых, Китай продолжает увеличивать инвестиции в научные исследования. Хотя между Китаем и США все еще существует разрыв в расходах на исследования и разработки, Китай наверстывает упущенное. В 1991 г. Китай потратил на исследования и разработки всего 0,72% своего ВВП по сравнению с 2,6% в США в то время. В 2000 г. Китай потратил на исследования и разработки всего 0,89% своего ВВП по сравнению с 2,6% в США. Но к 2020 г. Китай потратил на исследования и разработки 2,4% своего ВВП, что близко к 3,4% в США.^[25] Согласно последнему исследовательскому отчету Института Аспена (Aspen Institute), расходы Китая на исследования и разработки быстро и неуклонно росли с 2000 г. и, как ожидается, превысят расходы США к 2025 г. В то же время США недостаточно инвестируют в научные инновации, при этом последние расходы на исследования и разработки (% от ВВП) находятся на самом низком уровне за последние 60 лет.^[26]

В-третьих, у Китая есть эффективное институциональное преимущество и политическая среда. Китай придает большое значение науке и технике и создает благоприятную политическую среду для научно-технических инноваций. В последние годы Китай выпустил программные документы, такие как «Сделано в Китае 2025» и «13-й пятилетний план национальных инноваций в области науки и технологий», чтобы обеспечить поддержку научных и технологических инноваций социальных предприятий и сосредоточиться на ключевых проектах. Кроме того, Китай также уделяет пристальное внимание передовым областям науки и техники, активно поддерживает и продвигает технологии, связанные с четвертой промышленной революцией на национальном уровне, такие как выпуск «Плана развития искусственного интеллекта нового поколения» в 2017 г. Превосходство социализма с китайской спецификой заключается в концентрировании всех сил для крупных дел. Таким образом, Китай может скоординировать ресурсы всех сторон в сложной работе и творить чудеса.^[27]

Несмотря на вышеперечисленные преимущества, Китай по-прежнему сталкивается со многими проблемами и вызовами в технологическом противостоянии. Например: как создать собственную инновационную систему; как прорвать технологическую блокаду США; как справиться с собственным экономическим спадом; как повысить экономическую отдачу от результатов научных исследований и так далее.

Глобальное влияние технологического противоборства КНР и США

Высокие технологии — это основа мировой экономики. Это не только традиционная отрасль, но и беспрецедентная движущая сила инноваций и экономического развития, которая оказывает глубокое влияние на конфигурацию международной системы. Глобальное влияние технологического противоборства КНР и США в основном включает следующие аспекты:

Во-первых, китайско-американское технологическое противостояние усугубит и без того серьезные международные конфликты и вызовет геополитический кризис. Технологическая революция XX века еще больше усилила влияние науки и техники на глобальную политику и экономику. В период новой технологической революции искусственный интеллект является ключевым фактором, который повлияет на геополитическую и военную мощь государства в ближайшие десятилетия. Гонка вооружений интеллектуального оружия началась и повлияет на направление развития этих технологий.^[28] С усилением научно-технической игры между Китаем и США политизация науки и техники на Западе становится все более серьезной. В настоящее время «технологический альянс» постепенно становится важной мерой правительства Байдена по проведению международной конкуренции в сфере высоких технологий. Под сильным импульсом правительства США союзники и партнеры присоединились к сотрудничеству в различных областях высоких технологий, чтобы сдержать развитие Китая и сохранить гегемонию США.^[29]

Во-вторых, технологическое противоборство КНР и США вызовет регресс глобализации. Глобализация тесно связала торговлю всех стран, постепенно сформировалось международное разделение труда. Благодаря глобализации мир стал более эффективным, значительно возросла эффективность производства, а человеческая цивилизация вышла на новую высоту. В процессе стремительного развития высокотехнологичных отраслей глобальное разделение труда является незаменимым. Однако китайско-американская технологическая конфронтация нарушила структуру глобальной промышленной цепочки. Нормальная торговля в области науки и техники

была разрушена, а прямые инвестиции в международную научно-техническую индустрию также были ограничены. Повышение тарифов увеличило производственные издержки предприятий, нарушило производственный план. И меры, принятые США, препятствовали свободному обращению промежуточных продуктов между странами.^[30]

В-третьих, технологическое противоборство КНР и США ускорит формирование технологической биполярности. Одним из неизбежных последствий нынешнего технологического разделения, продвигаемого США, является то, что Китай стремится к технологической независимости, а затем строит другой технологический лагерь. В настоящее время США планируют сформировать технологический альянс с демократическим лагерем, чтобы попытаться конкурировать или даже противостоять Китаю в области науки и техники. Этот технологический альянс будет сотрудничать в развитии телекоммуникационных технологий и предотвращать продажу передовых полупроводниковых технологий Китаю.^[31] С другой стороны, вследствие влияния китайской стратегии «Один пояс, один путь» и политики «Умного города» технологический путь, которым следуют более 40 развивающихся стран, становится зависимым от технологий и стандартов Китая.^[32]

В-четвертых, технологическое противостояние КНР и США еще больше увеличит технологический разрыв между странами. Новая технологическая революция значительно увеличит мировое богатство, но распределение богатства между странами будет более неравномерным. Вследствие быстрого развития четвертой промышленной революции и эффектом Матфея страны с преимуществом первопроходцев будут постоянно наращивать свои преимущества. Это уменьшит шансы «запоздавших» нагнать их и приведет к ситуации, когда «победитель получит всё».^[33] Кроме того, широкое применение новых технологий восполнит дефицит человеческих ресурсов в развитых странах, а, наоборот, исчезнет «демографический дивиденд» (Demographic Dividend) развивающихся стран. Мало того, ведущие страны в области науки и техники будут препятствовать развитию отсталых стран с помощью технологических ограничений, санкций и других средств. Наконец, ведущие страны в области науки и техники обладают большей привлекательностью для интеллектуальных ресурсов и капитала.

Новая технологическая революция и все более жесткая конкуренция на мировом рынке высоких технологий усилили их значение в геополитическом противостоянии между Китаем и США и в целом в международных отношениях. В настоящее время технологическое противоборство стало фронтом и ядром стратегической игры между Китаем и США, которое отличается от традиционной геостратегической конкуренции по содержанию и форме. Это первый случай, когда стратегическое соперничество крупных держав в основном сосредоточено на области нефизической географии человечества. Ни у Китая, ни у США нет достаточного опыта, а также не хватает исторического опыта, на котором можно было бы учиться.^[34] Можно предсказать, что высокие технологии станут доминирующим фактором, определяющим экономическую и военную мощь великих держав в будущем. В 2019 г. президент России Владимир Путин, принимая участие в заседании конференции «Путешествие в мир искусственного интеллекта», заявил, что «искусственный интеллект – ресурс колоссальной силы. Кто будет владеть им, тот вырвется далеко вперед, приобретёт огромные конкурентные преимущества».^[35] Это свидетельствует о том, что международное сообщество в целом рассматривает научно-техническое развитие как игру с нулевой суммой. Это также объясняет многие загадочные аспекты нынешнего китайско-американского технологического противостояния. Применение традиционных геополитических средств к

высокотехнологичным областям не только снизит потенциал глобального научно-технического развития, повлияет на нормальное функционирование механизма глобализации, но и усилит серьезные международные конфликты. Однако, хотя два полюса технологической войны, по-видимому, сформировались, учитывая специфическую ситуацию с передовыми технологиями и рынками, особенно глобальный характер информационно-коммуникационных технологий и международные характеристики интернет-рынка, нынешнее китайско-американское технологическое противостояние может быть лишь промежуточным шагом на пути к будущему состоянию международных отношений и рынков высоких технологий.^[36] С тех пор, как вице-премьер Дэн Сяопин и президент США Джими Картер подписали Соглашение о научно-техническом сотрудничестве между Китаем и США в 1979 г., история научно-технического обмена и сотрудничества между Китаем и США насчитывает более 40 лет. За этот период обе стороны осуществили тысячи проектов сотрудничества и добились значительных успехов. Таким образом, китайско-американское технологическое сотрудничество, в конечном счете, является взаимовыгодным партнерством, а не односторонней прибылью.^[37] Ситуация китайско-американского технологического противоборства сложилась, но противоборство не означает вражды и непримиримости. Китаю и США необходимо искать области науки и техники, которые могут активно сотрудничать, способствовать общему процветанию и развитию мировой науки и техники, а также позволить науке и технике играть новую и более конструктивную роль в мировой политике.

Библиография

1. Mearsheimer, J. J. The inevitable rivalry: America, China, and the tragedy of great-power politics // *Foreign Affairs*, 2021.-С. 32-48.
2. Huang Z. L., Han Z. Y. Analysis of U.S. Science and Technology Competitive Strategy towards China in the Context of the Sino-US Strategic Game // *Seeking Truth*.- 2022.-№2.-С. 169-179.
3. Wu X. B. US Competitive Policy toward China and transformation of China-US Relations // *China International Studies*.-2020.-№3.-С. 7-20.
4. Giacomello G., Moro F. N., Valigi M. Technology and International Relations: The New Frontier in Global Power. –М.: Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2021
5. Xu G. H. Retrospect on Chinese Science and Technology Development and Recommendations // *Bulletin of Chinese Academy of Sciences*.-2019.-№10.-С. 1096-1103.DOI: 10.16418/j.issn.1000-3045.2019.10.003
6. Liu W. The Mystery of Advanced Technology Restrictions in Sino-US Trade Friction // *Northeast Asia Forum*.-2019.-№2.-С. 83-96.DOI: 10.13654/j.cnki.naf.2019.02.006
7. США – КНР: холодная война на технологическом фронте //Фонд Стратегической Культуры URL: <https://www.fondsk.ru/news/2019/12/27/us-kr-holodnaja-vojna-na-tehnologicheskome-fronte-49777.html> (дата обращения: 27.01.2023).
8. Comparative analysis of China-related legislation in the U.S. Congress during the Trump and Biden administrations // *Taihe Institute* URL: <http://www.taiheinstitute.org/Content/2022/10-13/1440143244.html> (дата обращения:27.01.2023).
9. Improved Export Controls Enforcement Technology Needed for U.S. National Security // *CSIS* URL: <https://www.csis.org/analysis/improved-export-controls-enforcement-technology-needed-us-national-security> (дата обращения: 27.01.2023).
10. Entity List reflects gap between US and reality: China Daily editorial // *CHINADAILY*

- URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202208/24/WS6305fdaaa310fd2b29e7409f.html> (дата обращения: 27.01.2023).
11. Технологическая конкуренция между США и Китаем: чего ожидать? // Россия в Глобальной Политике URL: <https://globalaffairs.ru/articles/tehnokonkurencziya-ssha-kitai/> (дата обращения: 27.01.2023).
 12. Biden Keeps Costly Trump Visa Policy Denying Chinese Grad Students // Forbes URL: <https://www.forbes.com/sites/stuartanderson/2021/08/10/biden-keeps-costly-trump-visa-policy-denying-chinese-grad-students/?sh=37b906836419> (дата обращения: 27.01.2023).
 13. Cartwright M. Internationalising State Power Through the Internet: Google, Huawei and Geopolitical Struggle // Internet Policy Review.-2020.-№3.-С. 1-18.DOI: 10.14763/2020.3.1494
 14. Что известно о деле финансового директора Huawei Мэн Ваньчжоу // ТАСС URL: <https://tass.ru/info/7558965> (дата обращения: 27.01.2023).
 15. Friedberg A. L., Boustany Jr. C. W. Partial Disengagement: A New US Strategy for Economic Competition with China // The Washington Quarterly.-2020.-№1.-С. 23-40.
 16. Senate passes massive bipartisan bill to combat China's growing economic influence // CNN URL: <https://edition.cnn.com/2021/06/08/politics/bipartisan-bill-vote-china-competitiveness/index.html> (дата обращения: 27.01.2023).
 17. Federal Budget Authority for R&D and R&D Plant for National Defense and Civilian Functions Totaled \$191 billion in FY 2023 Proposed Budget // NCSES URL: <https://ncses.nsf.gov/pubs/nsf23323> (дата обращения: 27.01.2023).
 18. SIA Factbook // SIA URL: https://www.semiconductors.org/wp-content/uploads/2022/05/SIA-2022-Factbook_May-2022.pdf (дата обращения: 30.01.2023).
 19. How did China's chips sell in 2022? Authoritative release of this data by customs // Tencent URL: <https://new.qq.com/rain/a/20230115A0003K00> (дата обращения: 30.01.2023).
 20. Operating System Market Share Worldwide // Statcounter GlobalStats URL: <https://gs.statcounter.com/os-market-share> (дата обращения: 30.01.2023).
 21. Sino-US Strategic Competition in the field of technology: Analysis and Prospect // US-China Perception Monitor URL: http://www.uscnpm.com/model_item.html?action=view&table=article&id=27016 (дата обращения: 30.01.2023).
 22. Liu X. L., Li B. International Technology Standards and Great Powers Competition: A Case Study of Information and Communications Technology // Journal of Contemporary Asia-Pacific Studies.-2022.-№1.-С. 40-58.
 23. An Apple equals the top 100 tech Internet companies in China // Netease URL: <https://www.163.com/dy/article/H6204S810519CB4E.html> (дата обращения: 30.01.2023).
 24. Tech war: US chip equipment makers calculate revenue losses in the billions after Washington's curbs on China exports // South China Morning Post URL: <https://www.scmp.com/tech/tech-war/article/3196597/tech-war-us-chip-equipment-makers-calculate-revenue-losses-billions-after-washingtons-curbs-china> (дата обращения: 31.01.2023).
 25. Gross domestic spending on R&D // OECD URL: <https://data.oecd.org/rd/gross-domestic-spending-on-r-d.htm> (дата обращения: 31.01.2023).
 26. Facts about US Investments in Infrastructure and R&D // ASPEN URL: <https://www.economicstrategygroup.org/publication/14-facts-about-us-investments/>

(дата обращения: 31.01.2023).

27. He Z. L. Institutional Advantages of the Chinese Model in 70 Years of Development // China Economic Transition.-2020.-№3.-С. 44-51.
28. ВПЕРЕДИ ИИ-НАЦИОНАЛИЗМ И ИИ-НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ // РСМД URL: <https://russiancouncil.ru/ai> (дата обращения: 02.02.2023).
29. Ling S. L., Luo J. Y. The Biden Administration's Technology Alliance: Motivations, Content and Challenges // International Forum.-2021.-№6.-С. 3-25.DOI: 10.13549/j.cnki.cn11-3959/d.2021.06.001
30. Liu R. The global impact and countermeasures of China-US high-tech decoupling // China Scitechnology Think Tank.-2020.-№11.-С. 11-13.
31. The smoke of gunpowder? Background, principle and path of Biden's science and technology policy // Fudan Development Institute URL: <https://fddi.fudan.edu.cn/36/11/c21253a275985/page.htm> (дата обращения: 02.02.2023).
32. China-US tech war puts rest of the world in a fix // Financial Review URL: <https://www.afr.com/chanticleer/china-us-tech-war-puts-rest-of-the-world-in-a-fix-20221021-p5brtf> (дата обращения: 02.02.2023).
33. Fu Y. A preliminary analysis of the influence of artificial Intelligence on international relations // Quarterly Journal of International Politics.-2019.-№1.-С. 1-18.
34. Sino-us strategic Competition in the digital Age // CISS URL: <https://ciss.tsinghua.edu.cn/info/zmgx/3691> (дата обращения: 05.02.2023).
35. Конференция по искусственному интеллекту // Президент России URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62003> (дата обращения: 05.02.2023).
36. Danilin I. V. The U.S.-China Technological War // Russia in Global Affairs.-2021.-№4.-С. 78-96.DOI: 10.31278/1810-6374-2021-19-4-78-96
37. Lee J. J., Haupt J. P. Winners and losers in US-China scientific research collaborations // Higher Education. - 2020. - №1. - С. 57-74.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступают причины и основные факторы технологической конкуренции и противоборства США и КНР. Автор справедливо отмечает связь возрастающей в последние десятилетия актуальности темы своего исследования с изменением роли и функций технологий в структуре производительных сил. Соответственно, вполне можно предположить, что технологическое противостояние двух экономических гигантов США и КНР «принесёт глубокие изменения всему миру». К сожалению, автор не дал себе труда описать и аргументировать собственный теоретико-методологический выбор. Однако из контекста можно понять, что в процессе исследования кроме традиционных общенаучных аналитических методов использовались элементы системного подхода и структурно-функционального подходов, а также институционального и исторического. Кроме того, можно увидеть использование метода статистического анализа вторичных данных. Вполне корректное применение указанных методов позволило автору получить результаты, обладающие признаками научной новизны. Прежде всего, речь идёт о довольно любопытном заключении автора о том, что китайско-американское технологическое сотрудничество является скорее

взаимовыгодным партнёрством, а не игрой с нулевой суммой, с целью получения односторонней прибыли. Соответственно, речь следует вести скорее о технологической конкуренции, а не о противоборстве. Кроме того, определённый интерес представляет прогноз автора о минимизации влияния в будущем на мировую экономику «демографического дивиденда» развивающихся стран. В структурном плане работа производит хорошее впечатление: её логика последовательна и отражает основные аспекты проведённого исследования. В тексте выделены следующие разделы: - неозаглавленная вводная часть, в которой обосновывается актуальность исследования, а также формулируется научная задача, но недостаёт теоретико-методологической рефлексии; - «Причины технологического противоборства КНР и США», где исследуются исторические основания и причины конкуренции КНР и США в области технологий; - «Конкретные меры, принятые США в технологическом противоборстве», где анализируются ключевые действия и шаги США в исследуемом противостоянии; - «Сравнительные преимущества Китая и США в технологическом противоборстве», где изучаются возможности исследуемых стран в технологической конкуренции; - «Глобальное влияние технологического противоборства КНР и США», где обосновывается один из главных выводов о перспективах изменения мира под влиянием технологического противостояния двух экономических гигантов»; - неозаглавленная и излишне «куцая» заключительная часть, где в одном параграфе резюмируются полученные результаты и делаются некоторые прогнозы. Впредь автору можно порекомендовать более ответственно подходить к написанию заключения. Стилистически статья также производит положительное впечатление. В тексте встречается незначительное количество стилистических (например, отсутствие пробела после точки между предложениями «...В области 5G, искусственного интеллекта и других областях.4ПР открыла новые возможности...»; стилистически несколько неудачным выглядит также сочетание «фронт и ядро китайско-американской стратегической игры» в силу того, что «фронт» и «ядро» – явления разного порядка; имеют место и стилистически неоправданные риторические повторы: «Ни у Китая, ни у США нет достаточного опыта, а также не хватает исторического опыта, на котором можно было бы учиться»; употребление выражений «предсказать» вместо «прогнозировать» также навряд ли уместно в научной работе: «Можно предсказать, что высокие технологии станут доминирующим фактором...»; имеют место и другие не очень удачные стилистические решения) и грамматических (например, несогласованное предложение: «Вследствие быстрого развития четвертой промышленной революции и эффектОМ Матфея»; и др.), но в целом он написан достаточно грамотно, на хорошем научном языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 37 наименований, в том числе, публикации на иностранных языках, и в должной мере отражает состояние исследований по тематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место во вводной части работы.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве научной работы, соответствующей требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты будут представлять интерес для политологов, политических социологов, специалистов в области государственного управления, мировой политики и международных отношений, а также для студентов перечисленных специальностей. В числе достоинств статьи отдельно следует отметить большое количество эмпирического материала, привлечённого автором для анализа. Сделанные автором выводы соответствуют тематике журнала «Мировая политика». По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.

Мировая политика

Правильная ссылка на статью:

Борисов А.В. — Гуманитарная система ООН: кризис, возможности и позиция России // Мировая политика. – 2023. – № 1. DOI: 10.25136/2409-8671.2023.1.39979 EDN: DVINVY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39979

Гуманитарная система ООН: кризис, возможности и позиция России

Борисов Алексей Владимирович

кандидат философских наук

доцент, Дипломатическая академия МИД России

119034, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, 53/2 стр.1

✉ aborisof@gmail.com

[Статья из рубрики "Мировая политика"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2023.1.39979

EDN:

DVINVY

Дата направления статьи в редакцию:

14-03-2023

Дата публикации:

21-03-2023

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы формирования и функционирования гуманитарной системы ООН. Автор утверждает, что кризис связан не с растущим разрывом между потребностями в финансировании и объемами предоставленных в распоряжение ООН донорских средств, а в том, что гуманитарное сообщество, на руководство которым претендует ООН, и не представляют собой целостный организм с четко выделенным центром управления. Попытки Организации выстроить систему координации усилий мирового сообщества по поддержке и пострадавших стран и помощи людям, находящимся в состоянии нужды и опасности закончились неудачей. В настоящее время роль ООН сводится к выполнению двух взаимосвязанных функций: канала доведения донорских средств до вторичных получателей и привратника, определяющего кто может быть отнесен к гуманитарному сообществу, какой вид деятельности достоин называться гуманитарным. В связи с этим, отмечает автор, вызывает вопросы позиция России, когда в документах стратегического планирования и нормативных актах, регулирующих процесс оказания гуманитарной помощи, заявляется о том, что Россия является частью глобальной гуманитарной системы. Автор

предполагает, что необходимы усилия, направленные на разоблачение сущности сложившейся гуманитарной системы и предложение альтернативы, которая будет способствовать продвижению и реализации национальных интересов России.

Ключевые слова:

безвозмездная помощь, доноры, гуманитарная координация, гуманитарная помощь, гуманитарная система, гуманитарное финансирование, международные гуманитарные организации, ООН, реформирование, Российская Федерация

Заявления о кризисе гуманитарной системы ООН и дискуссии о возможных путях ее реформирования^[1], спровоцированные публикацией гуманитарного призыва Организации на 2023 год^[2], остались вне поля зрения отечественного академического и экспертного сообщества. Возможно, подобное положение дел объяснимо тем, что Россия рассматривает гуманитарную помощь не как самостоятельный внешнеполитический инструмент, а всего лишь как разновидность помощи, которая, согласно отечественным нормативным документам и документам стратегического планирования^[3], может быть оказана в ответ на «обращение пострадавшего иностранного государства или Организации Объединенных Наций к международному сообществу или Российской Федерации»^[4].

Почему-то упускается из виду, что гуманитарная помощь представляет собой не «вид безвозмездной помощи», как указывает на то Федеральный закон «О безвозмездной помощи (содействии) Российской Федерации...»^[5], а институт, то есть совокупность правил и норм определяющих кто, каким образом и при каких обстоятельствах может оказывать помощь. Тем более, что она, согласно определению Международного суда, «не может рассматриваться как незаконное вмешательство (во внутренние дела государства – А.Б.) либо иное нарушение международного права»^[6]. Существование подобного института обусловлено тем, что он способствует реализации интересов множества акторов мировой политики. Государства легитимируют вмешательство, не прибегая к затратным военно-политическим инструментам; международные организации выступают в качестве политического и ресурсного хаба; глобальные НПО обретают голос и получают доступ к ресурсам; ООН претендует на то, чтобы определять параметры института и координировать действия участников, выступая в качестве ключевого бенефициара гуманитарного финансирования. Все вышеперечисленные акторы, взаимодействуя, образуют гуманитарную систему. Ее единственное нормативное определение было дано в докладе Генерального секретаря ООН в 2013 г.: «сеть международных гуманитарных структур, функционально связанных рамочной системой координации, которая создана Генеральной Ассамблеей в ее резолюции 46/182 и ее последующих резолюциях и включающую Координатора чрезвычайной помощи, Межучережденческий постоянный комитет и механизмы планирования и финансирования, и руководствующихся приверженностью руководящим принципам, принципам гуманности и нормам международного права»^[7].

Это определение «грешит» неполнотой и при обращении к нему необходимо отметить ряд принципиальных моментов:

Во-первых, гуманитарное сообщество, в том числе и гуманитарные структуры ООН не представляют собой некий целостный, иерархизированный организм с четко выделенным

центром управления.

Во-вторых, в вышеприведенном определении нет ни слова не только о «гуманитарной помощи», но и о помощи как таковой, тем более «безвозмездной». Более того, в последующих докладах Генерального секретаря ООН, резолюциях Генеральной Ассамблеи и дискуссиях по поводу гуманитарной помощи будет неоднократно указываться на необходимость «отойти от категорий благотворительности»^[8].

Уже 1995 году в качестве ключевой проблемы, препятствующей гуманитарной координации, указывается, что «между организациями системы ООН существуют различия в плане управленческих структур, распределения полномочий, людских ресурсов, степени централизации и организации их механизмов, занимающихся чрезвычайными ситуациями и вопросами развития»^[9]. По прошествию времени ситуация не изменилась. Создание кластерного механизма координации в конце девяностых, может рассматриваться лишь как тщетная попытка преодолеть децентрализацию системы и придать видимость согласованности действий, хотя бы гуманитарным агентствам ООН.

Помимо ооновских структур существуют иные «международные гуманитарные структуры», которые не спешат участвовать в создаваемых ООН координационных механизмах. Так, например, в 2012 году, руководители Межучережденческого постоянного комитета (IASC) согласовали план действий, устанавливающий конкретные обязанности по реализации рекомендаций программы преобразований Комитета, касающихся улучшения руководства, координации и подотчетности при оказании гуманитарной помощи в штаб-квартире и на местах. Однако Международный комитет Красного Креста и Международная федерация обществ заявили о том, что полностью поддерживают процесс осуществления программы преобразований, но, чтобы сохранить свою независимость, отказались от подписания протоколов^[10]. Значимых санкций за уклонения от участия в создаваемых координационных механизмах не последовало.

Этот случай лишь подчеркивает специфику и пределы возможностей сложившихся координационных механизмов, создаваемых и продвигаемых ООН. Попытки централизации гуманитарной деятельности, начало которым было положено резолюцией Генеральной Ассамблеи 46/182, в которой было недвусмысленно заявлено, что «Организация Объединенных Наций призвана играть главную и уникальную роль в обеспечении руководства усилиями международного сообщества по поддержке пострадавших стран и координации этих усилий... Следует предоставить в ее распоряжение ресурсы, соответствующие будущим потребностям»^[11], закончились достаточно быстро. Уже первые опыты реагирования на масштабные гуманитарные кризисы в Руанде, Югославии, Афганистане и Мозамбике показали проблематичность координации действий разношерстного «гуманитарного» сообщества, что нашло отражение в публикациях, аналитических и исследовательских проектах, посвященных проблемам координации в ходе гуманитарного реагирования^[12]. Выводы были неутешительны. Некоторые исследователи отмечали непонимание сущности и оснований гуманитарной координации как таковой^[13], практически все выразили сомнение в достижимости согласованных действий в условиях «соперничества в вопросах финансирования, разрозненных усилий по сбору средств и отсутствие единого механизма управления существующими финансовыми инструментами»^[14]. Зависимость «гуманитариев» от донорского сообщества подчеркивалась всеми, включая Генерального секретаря ООН, заявившего: «Обусловленность донорской поддержки определенными требованиями по-прежнему препятствует в некоторых случаях

осуществлению беспристрастной гуманитарной деятельности и может привести к выдвиганию невыполнимых требований»^[15].

Выступая на презентации глобального обзора гуманитарных потребностей на 2023 г., помощник Генерального секретаря ООН по гуманитарным вопросам Джойс Мсуя, заявила: «...мировая гуманитарная система в настоящее время находится на переломном этапе, поскольку с каждым годом, по мере роста потребностей до рекордных уровней, дефицит финансирования увеличивается. Вызывает глубокую печаль тот факт, что на сегодняшний день наш призыв к 2022 году финансируется менее чем наполовину»^[16]. За последнее десятилетие разрыв между потребностями, которые определяет ООН, и выделенными средствами за последние 10 лет составил в среднем чуть более 40%, но резкий рост недофинансирования происходит в 2020 г., и на данный момент составляет более 50%^[17], но, все же, ключевыми же событиями, спровоцировавшими очередные алармистские заявления о кризисе гуманитарной системы, стали:

Во-первых, сокращение финансирования гуманитарных призывов ООН от институциональных доноров, не являющихся членами ОЭСР. Такие доноры, как ОАЭ, Катар, Саудовская Аравия, сокращают финансирование ООН, предпочитая взаимодействовать с локальными сообществами и национальными правительствами^[18], используя их как каналы предоставления помощи, а Китай, мало того, что использует собственные каналы доставки гуманитарной помощи, так еще и не предоставляет количественные данные об объемах предоставленной помощи^[19]. При сохраняющейся зависимости ООН от финансирования евроатлантическими донорами, когда более 50% средств предоставляется США, Германией, Великобританией и ЕС, в то время, как Великобритания существенно сокращает объёмы донорских средств^[20], ЕС предпочитает использовать партнерские неправительственные организации, вне зависимости от степени их аффилиации с ООН^[21], а Германия находится в поиске альтернативных путей доставки гуманитарной помощи^[22], снижение финансирования со стороны государств - новых доноров, является проблемой. Эта проблема заключается не только в сокращении контролируемых финансовых потоков, но и росту зависимости гуманитарной системы ООН от США, являющихся крупнейшим донором.

Во-вторых, снижение объемов долгосрочного и целевого финансирования усугубляет зависимость ООН от позиции ключевых доноров, что позволяет некоторым исследователям характеризовать гуманитарную систему в ее нынешнем состоянии, как предельно «хрупкую»^[23]. Провозглашенная в 2016 г. на Всемирном гуманитарном саммите программа реформ гуманитарной системы, получившая название «Большая сделка», предполагает в качестве ключевого условия успеха реформы требование качественного финансирования^[24]. Это подразумевает увеличение доли долгосрочного и нецелевого финансирования гуманитарных субъектов. Однако, нецелевое финансирование за шесть прошедших лет не превышало 16%, а в 2021 году достигло наименьших, за шесть лет отслеживания, показателей – 13%^[25]. Эти данные достаточно приблизительны, но отражают общую тенденцию. Консолидированных количественных данных по долгосрочному финансированию нет вовсе, последняя попытка собрать и обобщить данные была предпринята в рамках Доклада о глобальной гуманитарной помощи за 2021^[26], признана не убедительной, в 2022 году заявлено, что, хотя долгосрочное финансирование и выросло, оно все же «недостаточно для обеспечения трансформационных изменений в гуманитарном секторе»^[27]. Можно предположить, что

доноры, решая при помощи гуманитарных инструментов свои геополитические задачи не спешат отдавать право управлять этим инструментом ООН. Опрос, проведенный ОЭСР в 2021 году, показал, что большинство доноров-членов КСР не готовы пересмотреть сложившуюся практику финансирования и предполагают, что не смогут избежать фрагментированного, разрозненного или краткосрочного финансирования^[28]. А в справочном документе «Долгосрочное гуманитарное финансирование: глобальные исходные условия и тенденции», подготовленном британской неправительственной аналитической организацией Development Initiatives, и опубликованном в феврале 2022 г., заявлено, что «целевые» средства составляют большую часть долгосрочного финансирования»^[29].

Но это не единственное препятствие на пути координации гуманитарной деятельности.

Координация в сетевых структурах, а именно на сетевой природе гуманитарной системы настаивает ООН, ориентирована на процесс выдвижения, согласования и коррекции коллективных целей, которые не являются чем-то изначально заданным. Но что является целью гуманитарной системы, тем более в условиях, когда даже нет единства в понимании и определении гуманитарной помощи^[30]? Даже те определения, которые используются в практике гуманитарных инициатив межправительственных организаций, ведущих гуманитарных агентств, «грешат» излишней широтой. Так, в рамках стартовавшей в 2003 г. инициативы «Надлежащего гуманитарного донорства» (Good Humanitarian Donorship), было разработано общее определение гуманитарной помощи, что позволило более точно отражать гуманитарные обязательства в Службе финансового контроля (FTS), управляемой УКГВ, и в статистике ОЭСР/КСР: «Целями гуманитарной деятельности являются спасение жизней, облегчение страданий и сохранение человеческого достоинства во время и после техногенных кризисов и стихийных бедствий, а также предотвращение и усиление готовности к возникновению таких ситуаций. Гуманитарная деятельность должна руководствоваться гуманитарными принципами гуманности, ... беспристрастности, ... нейтралитета, ... и независимости...»^[31].

Помимо того, что данное определение адаптировано под стандарты, которые принимают во внимание лишь интересы доноров, и предполагают усилия по их координации, подобные определения не способствуют четкому ограничению того или иного вида деятельности как гуманитарного, определяя перечень средств, услуг, работ и исполнителей. В уже процитированном ранее докладе Объединенной инспекционной группы справедливо указывается то, что «диверсификация и специализация гуманитарной и другой смежной деятельности дополнительно усложняют задачу централизованной координации деятельности гуманитарной системы Организации Объединенных Наций»^[32]. Лишь указание на гуманитарные принципы позволяет выделить гуманитарную систему.

Как уже было сказано выше, в определении, данном гуманитарной системе в докладе Генерального секретаря ООН, речь идет лишь о наборе организационных структур, которые могут быть идентифицированы в качестве гуманитарных, которые взаимосвязаны между собой поскольку заявляют о приверженности одним и тем же руководящим принципам, изложенным в резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН 46/182 (*гуманность, беспристрастность, нейтральность*) и 58/114 (*независимость*), и выражают минимальное согласие на обмен информацией на площадках специализированных структур ООН и аффилированных организаций. Примечательно, но то, что указанные выше гуманитарные принципы не более, чем основа корпоративной идентичности, заявляется и в

аналитическом докладе о Состоянии гуманитарной системы 2022: «Гуманитарные работники по-прежнему придерживаются принципов, составляющих основу их идентичности, но не вполне понимают – что с ними делать в практической деятельности»^[33].

Перечень указанных организаций никогда не был исчерпывающим и точным. Петер Маурер, в бытность президентом Международного Комитета Красного Креста (далее – МККК), заявил: «Мы сталкиваемся с возросшим количеством гуманитарных организаций или, по крайней мере, организаций, которые заявляют о своем гуманитарном мандате или призвании. Я полагаю, что нам следует постараться более четко определить наши с ними взаимоотношения: либо, по возможности, развивать с ними более тесное сотрудничество, либо четко обозначать наше отличие – в зависимости от каждой конкретной ситуации»^[34]. МККК, организация, чьи нормы были признаны в качестве основы идентичности гуманитарного сообщества, может позволить себе «роскошь» – самостоятельно определять – какая организация может быть признана гуманитарной, но подобную роскошь может позволить себе не только МККК, но и ООН. Так, в докладе Генерального секретаря Организации, сделанном в 2012 г., заявляется: «По мере роста гуманитарных потребностей повсюду в мире к их удовлетворению подключается все более широкий и неоднородный круг организаций и частных лиц. Одновременно с течением времени эволюцию претерпевает гуманитарная система»^[35].

Оказание помощи не является исключительным правом и привилегией гуманитарных организаций, и это при том, что до сих пор нет единого, согласованного подхода к определению гуманитарной помощи. Помощь пострадавшим оказывается множеством акторов, часть из которых не декларирует и не разделяет гуманитарные принципы, и не взаимодействует с ООН, что не делает их помощь менее эффективной. К таким акторам относятся диаспоры, местные сообщества, филантропы, религиозные организации, государства и так далее. Не случайно, что Элис Обрехт, руководитель отдела исследований ALNAP и редактор отчета «Состояние гуманитарной системы 2022», описывая методологию доклада, сообщает, что авторы приняли решение руководствоваться собственным определением гуманитарной системы, а именно: «Сеть взаимосвязанных институциональных и оперативных организаций, посредством которых оказывается гуманитарная помощь, когда местных и национальных ресурсов самих по себе недостаточно для удовлетворения потребностей населения в условиях кризиса»^[36]. В данном определении нет указаний на приверженность гуманитарным принципам, акцент делается на функциях «гуманитарных» учреждений – компенсация ресурсной несостоятельности государств и сообществ в условиях кризиса. Для тех, кто переживает последствия катастрофы – антропогенной, техногенной или природного характера, не имеет значения, кто оказывает помощь, если эта помощь надлежащего качества.

Концентрированность ООН на гуманитарных принципах, практическая применимость которых ставится под сомнения всеми участниками деятельности, включая Международный Комитет Красного Креста, отражает лишь желание ООН очертить круг участников гуманитарной деятельности, оставив за собой право определять – кто может быть включен в состав гуманитарной системы^[37]. Во многом это обуславливается ростом гуманитарных организаций, число которых на настоящий момент превысило 5000, которые конкурируют за донорское финансирование.

Еще в 2009 г. Пан Ги Мун заявил: «В последние 20 лет существенно увеличилось число субъектов, занимающихся оказанием гуманитарной помощи, а также ужесточился

контроль за их деятельностью. Ненадлежащие действия одного субъекта неизбежно скажутся на репутации и работе других. Поэтому все субъекты гуманитарной деятельности должны неизменно соблюдать гуманитарные принципы и придерживаться высочайших стандартов поведения и дисциплины»^[38]. Здесь ставится вопрос о репутации акторов, которая увязывается с гуманитарной идентичностью, основанной на декларативной приверженности гуманитарным принципам. Репутация важна лишь в силу доступа к ресурсам. На состоявшейся в Центре Вудро Вильсона в октябре 2021 г. дискуссии, посвященной будущему гуманитарной деятельности, Уильям Стэйгер, руководивший службой персонала USAID в период с 2012 по 2017 гг., заявил: «Фраза, которую экономисты использовали бы для описания современной системы гуманитарной помощи - закрытый рынок. Он состоит из относительно небольшого числа игроков, в основном это учреждения ООН и международные НПО. Сложившаяся на настоящее время система препятствует появлению новых участников. ... Выделение средств тем или иным организациям не зависит от показателей ее эффективности. Доноры, в том числе и USAID, минимизируя риски, выделяют средства лишь тем организациям, с которыми они взаимодействовали в прошлом»^[39]. Таким образом принципиальность ООН - не более, чем попытка выступить в качестве привратника, определяющего кто достоин пирога, а кто нет. Это особенно важно в условиях, когда финансирование со стороны традиционных доноров медленно, но неуклонно снижается, а потребности в донорских средствах растут.

Цель гуманитарной системы ООН – координация, но не доставки и оказания помощи, эта задача не предполагается даже в перспективе. В Стратегическом плане УКГВ на 2023–2026 годы указывается на проблемы координации гуманитарного сообщества в районе гуманитарного реагирования – развертывание гуманитарных миссий без учета потребностей, самостоятельность гуманитарных организаций, имеющих независимое финансирование, доноры, предпочитающие работать с доверенными организациями и требующие немедленных результатов, наличие в зоне реагирования организаций использующих негуманитарные источники финансирования. Но предложения, направленные на разрешение этих проблем, увязываются с необходимостью долгосрочного, несвязанного финансирования^[40]. В этом и заключается сложность координации любой сетевой структуры, когда сама возможность сети подразумевает добровольное согласие на взаимодействие и обмен доступными участникам взаимодействия ресурсами.

Какими же ресурсами обладают гуманитарные организации, в том числе и ООН? Допустимо предположить, что гуманитарные НПО и гуманитарные структуры ООН могут предложить персонал, который обладает определенными компетенциями в вопросах оказания помощи, логистические возможности, возможности доступа к пострадавшему или находящемуся в опасности. По сути, они выступают в качестве каналов, по которым, по цепочкам контрактов и субподрядов между учреждениями ООН, международными НПО, национальными или местными организациями гражданского общества, протекают донорские средства. Именно доноры делают существование гуманитарной системы возможным, определяя ее параметры, приоритеты и характер финансирования, а некоторые исследователи обосновано утверждают, что доноры являются ключевыми бенефициарами гуманитарной системы. Британский исследователь Моника Краузе настаивает на том, что доноры покупают «акт предоставления услуги»^[41], а представитель Центра международного сотрудничества Университета Нью-Йорка, Эбби Стоддарт, заявляет, что гуманитарная помощь зависит от небольшой, эксклюзивной донорской базы, которая предоставляет ограниченные ресурсы, а следовательно, ее

применение неизбежно носит ограниченный характер, когда помощь направляется в регионы, имеющие политическое значение для группы доноров^[42]. Даже те, кто не ставит под сомнение намерение гуманитарного сообщества - оказывать помощь пострадавшим, увязывают деятельность гуманитариев с реакцией донорского сообщества, предполагая, что помощь оказывается таким образом, чтобы она была замечена и оценена сообществом доноров. Позитивная оценка доноров ведет к повышению рейтинга и, как следствие, объемов финансирования той или иной организации^[43].

Попытки ООН координировать гуманитарное сообщество обусловлены лишь тем, что на данный момент организация выступает, в силу целого ряда причин, наиболее предпочтительным каналом доведения донорских средств до вторичных получателей. Ее роль, как гуманитарного координатора, возможна лишь при условии поддержания должных объемов финансирования. И если позиция ведущих западных стран, которые контролируют Управление по координации гуманитарных вопросов, предпочитая использовать УКГВ в качестве привратника, определяющего кто может быть отнесен к гуманитарному сообществу, какой вид деятельности может достоин называться гуманитарным, объяснима и понятна, то позиция России вызывает вопросы.

В отечественной Концепции внешней политики содержится указание на то, что «Россия поддерживает создание под эгидой ООН и других международных и региональных организаций эффективных структур взаимодействия при возникновении стихийных бедствий, крупных техногенных катастроф и других чрезвычайных ситуаций. ... Обладая уникальным опытом, техническими и кадровыми ресурсами, Российская Федерация является важной и эффективной частью глобальной системы борьбы с чрезвычайными ситуациями»^[44]. Подобные заявления показывают лишь то, что Россия не рассматривает гуманитарную помощь, как действенный внешнеполитический инструмент, а склонна соглашаться со сложившейся на данный момент инфраструктурой, которая показывает низкую эффективность в деле оказания помощи, но весьма эффективна в плане продвижения политических интересов тех, кто устанавливает «правила игры» и контролирует их соблюдение.

Трудно оспорить заявление, содержащееся на портале USAID: «...гуманитарная помощь выходит за рамки деятельности по реагированию на стихийные бедствия и традиционной деятельности по уменьшению опасности бедствий»^[45], однако согласие с заявлением предполагает принятие определенных мер. Эти меры должны быть, прежде всего, направлены на преодоление сложившегося парадокса: у России есть ресурсы, но нет органа, ответственного за стратегическое планирование их применения, координирующего деятельность множества организаций в сфере гуманитарного реагирования, анализирующего ход и результаты гуманитарной деятельности. Более того, нет нормативной основы для выработки политики в этой области. Положение об оказании гуманитарной помощи иностранным государствам не способствует превращению гуманитарной помощи в действенный инструмент по реализации национальных интересов России. Наоборот, оно лишь закрепляет практику ситуативного реагирования. Второе направление деятельности, не менее, а возможно и более, важное – усилия, направленные на разоблачение сущности глобальной гуманитарной системы и предложение альтернативы, которая может быть воспринята и разделима теми, кто не испытывает восторга от сложившегося положения дел, и которая будет способствовать продвижению и реализации национальных интересов России.

Библиография

1. Key takeaways from the UN's record-breaking tally for 2023 humanitarian needs // The New Humanitarian [electronic resource]. URL: <https://www.thenewhumanitarian.org/news/2022/12/01/financing-appeals-OCHA-global-humanitarian-overview> (accessed: 13.02.2023).
2. UN launches record \$51.5 billion humanitarian appeal for 2023 // United Nations Office for the Coordination of Humanitarian Affairs [official website] URL: <https://www.unocha.org/story/un-launches-record-515-billion-humanitarian-appeal-2023>
3. Федеральный закон от 4 мая 1999 года N 95-ФЗ «О безвозмездной помощи (содействии) Российской Федерации и внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и об установлении льгот по платежам в государственные внебюджетные фонды в связи с осуществлением безвозмездной помощи (содействия) Российской Федерации» (с изменениями на 24.11.2008); Постановление Правительства Российской Федерации от 12.07.2022 г. № 1239. Об утверждении Положения об оказании гуманитарной помощи иностранным государствам.
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 12.07.2022 г. № 1239. Об утверждении Положения об оказании гуманитарной помощи иностранным государствам.
5. Федеральный закон от 4 мая 1999 года N 95-ФЗ «О безвозмездной помощи (содействии) Российской Федерации и внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и об установлении льгот по платежам в государственные внебюджетные фонды в связи с осуществлением безвозмездной помощи (содействия) Российской Федерации» (с изменениями на 24.11.2008).
6. Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America). Merits, Judgment. – I.C.J. Reports. 1986. P.114.
7. Укрепление координации в области чрезвычайной гуманитарной помощи Организации Объединенных Наций. Доклад Генерального секретаря. A/68/84–E/2013/77.
8. Секретариат Всемирного саммита по гуманитарным вопросам. Восстановление гуманности: общие сведения о процессе консультаций в рамках подготовки к Всемирному саммиту по гуманитарным вопросам. Нью-Йорк, Организация Объединенных Наций, 2015. С.28. URL: https://agendaforhumanity.org/sites/default/files/resources/2017/Jul/WHS_Synthesis_Report_Russian.pdf (дата обращения: 26.01.23)
9. Укрепление координации в области чрезвычайной гуманитарной помощи Организации Объединенных Наций Доклад Генерального секретаря. A/50/203–E/1995/79
10. Укрепление координации в области чрезвычайной гуманитарной помощи Организации Объединенных Наций Доклад Генерального секретаря. A/68/84–E/2013/77
11. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 2816 (XXVI).
12. Donini, Antonio. The Policies of Mercy: UN Coordination in Afghanistan, Mozambique, and Rwanda. Occasional Paper No. 22. Providence, RI: Thomas J. Watson Institute for International Studies, 1996; Lessons Learned from the Rwanda and Burundi Emergencies. EVAL/04/96/Rev.1. URL: <https://www.unhcr.org/research/evalreports/3ae6bcfc4/lessons-learned-rwanda->

- burundi-emergencies.html (accessed:31/01/23); Lancaster, Warren. The Code of Conduct: Whose Code, Whose Conduct? The Journal of Humanitarian Assistance, 1998. URL: <https://www.jha.ac/a038/> (accessed:31/01/23).
13. Reindorp, Nicola and Peter Wiles. Humanitarian Coordination: Lessons from Recent Field Experience. A study commissioned by the Office for the Coordination of Humanitarian Affairs. London: Overseas Development Institute, 2001.
 14. Финансирование гуманитарных операций в системе Организации Объединенных Наций. Доклад Объединенной инспекционной группы. JIU/REP/2012/11.
 15. Укрепление координации в области чрезвычайной гуманитарной помощи Организации Объединенных Наций Доклад Генерального секретаря. A/74/81 - E/2019/60
 16. Remarks by Joyce Msuya, Assistant Secretary-General for Humanitarian Affairs and Deputy Emergency Relief Coordinator, at the launch of the Global Humanitarian Overview 2023, Riyadh, 1 December. // ReliefWeb [electronic recourse]. URL: <https://reliefweb.int/report/world/remarks-joyce-msuya-assistant-secretary-general-humanitarian-affairs-and-deputy-emergency-relief-coordinator-launch-global-humanitarian-overview-2023-riyadh-1-december> (accessed: 2.02.23).
 17. Global Humanitarian Assistance Report 2022. URL: <https://devinit.org/resources/global-humanitarian-assistance-report-2022/volumes-of-humanitarian-and-wider-crisis-financing/#section-2-3> (accessed: 1.02.23).
 18. The State of the Humanitarian System. ALNAP Study. London: ALNAP/ODI, 2022. URL: <https://sohs.alnap.org/sohs-2022-report/chapter-2-what-is-the-shape-and-size-of-the-humanitarian-system#chapter-section> (accessed: 1.02.23).
 19. Global Humanitarian Assistance Report 2022. URL: <https://devinit.org/resources/global-humanitarian-assistance-report-2022/volumes-of-humanitarian-and-wider-crisis-financing/#section-2-3> (accessed: 1.02.23).
 20. The State of the Humanitarian System. ALNAP Study. London: ALNAP/ODI, 2022. URL: <https://sohs.alnap.org/sohs-2022-report/chapter-2-what-is-the-shape-and-size-of-the-humanitarian-system#chapter-section> (accessed: 1.02.23).
 21. Funding for humanitarian aid // European Civil Protection and Humanitarian Aid Operations [official website]. URL: https://civil-protection-humanitarian-aid.ec.europa.eu/funding-evaluations/funding-humanitarian-aid_en (accessed: 1.02.23).
 22. Germany. Profile. January 11, 2023. //NGO Monitor [electronic recourse]. URL: <https://www.ngo-monitor.org/funder/germany/> (accessed: 09.02.2023).
 23. The State of the Humanitarian System. ALNAP Study. London: ALNAP/ODI, 2022. URL: <https://sohs.alnap.org/sohs-2022-report/chapter-3-is-there-enough-aid#are-there-enough-funds-globally> (accessed: 09.02.2023).
 24. About the Grand Bargain. // The Inter-Agency Standing Committee (IASC) (official site). URL: <https://interagencystandingcommittee.org/about-the-grand-bargain> (accessed: 09.02.2022).
 25. Global Humanitarian Assistance Report 2022. URL: <https://devinit.org/resources/global-humanitarian-assistance-report-2022/recipients-and-delivery-of-humanitarian-funding/?nav=more-about#note-SD7f7RcVQ>
 26. Global Humanitarian Assistance Report 2021. URL: <https://devinit.org/resources/global-humanitarian-assistance-report-2021/chapter-4-funding-effectiveness-and-efficiency/#note-mINOME38N>
 27. Global Humanitarian Assistance Report 2022. URL:

- <https://devinit.org/resources/global-humanitarian-assistance-report-2022/recipients-and-delivery-of-humanitarian-funding/?nav=more-about#note-SD7f7RcVQ>
28. The Humanitarian-Development-Peace Nexus Interim Progress Review, OECD Publishing, Paris. 2022. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/sites/2f620ca5-en/1/2/1/index.html?itemId=/content/publication/2f620ca5-en&_csp_=bbe432f9f3ae5d9779363490e6c9a85c&itemIGO=oecd&itemContentType=book
 29. Multi-year humanitarian funding: Global baselines and trends (background paper). URL: <https://devinit.org/resources/multi-year-humanitarian-funding/multi-year-humanitarian-funding-summary/#downloads>
 30. Bennet, C., Foley, M., and Pantuliano, S. Time to Let Go: Remaking Humanitarian Action for the Modern Era. London: Humanitarian Policy Group, 2016.
 31. Principles and Good Practice of Humanitarian Donorship// The Good Humanitarian Donorship (GHD) [official website]/ URL: <https://www.ghdinitiative.org/ghd/gns/principles-good-practice-of-ghd/principles-good-practice-ghd.html> (accessed: 31/01/23).
 32. Финансирование гуманитарных операций в системе Организации Объединенных Наций. Доклад Объединенной инспекционной группы. JIU/REP/2012/11.
 33. The State of the Humanitarian System. ALNAP Study. London: ALNAP/ODI, 2022. URL: <https://sohs.alnap.org/sohs-2022-report/chapter-11-does-the-system-uphold-its-principles#is-the-understanding-of-humanitarian-principles-changing> (accessed: 26.01.23)
 34. Интервью с президентом МККК Петером Маурером.// Международный журнал Красного Креста. N888. Зима 2012. URL: https://international-review.icrc.org/sites/default/files/02_maurer_irrc_874-889_selection_2013_rus-2.pdf (дата обращения: 26.01.23)
 35. Укрепление координации в области чрезвычайной гуманитарной помощи Организации Объединенных Наций Доклад Генерального секретаря. A/67/89-E/2012/77.
 36. Obrecht, Alice Who asks the questions and who responds? A broader and deeper assessment of The State of the Humanitarian System. //Medium [electronic resource] 25.08.2022. URL : <https://medium.com/@ALNAP/who-asks-the-questions-and-who-responds-7dab96b4e71b> (accessed: 1.02.23).
 37. Борисов, А. В. Гуманитарная помощь и гуманитарные принципы: проблема взаимосвязи // Вестник ученых-международников. – 2022. – № 3(21). – С. 131–145.
 38. Укрепление координации в области чрезвычайной гуманитарной помощи Организации Объединенных Наций Доклад Генерального секретаря. A/64/84-E/2009/87.
 39. Rethinking Humanitarian Aid. URL: <https://www.wilsoncenter.org/event/rethinking-humanitarian-aid> (accessed: 09.02.2023).
 40. OCHA's Strategic Plan 2023-2026: Transforming Humanitarian Coordination. // ReliefWeb [electronic resource]. URL: <https://reliefweb.int/report/world/ochas-strategic-plan-2023-2026-transforming-humanitarian-coordination> (accessed: 13.02.2023).
 41. Krause, M. The Good Project, Humanitarian Relief NGOs and the Fragmentation of Reason, University of Chicago Press, 2014. P.47.
 42. Stoddard, A. You Say You Want a Devolution Prospects for remodeling humanitarian

assistance // Journal of Humanitarian Assistance. Posted 13 Nov 2004. URL: <https://www.alnap.org/system/files/content/resource/files/main/a154.pdf> (accessed: 13.02.2023).

43. Ramalingam, B., Barnett, M. The Humanitarian's Dilemma: collective action or inaction in international relief? // Overseas Development Institute [official website]. URL: <https://odi.org/en/publications/the-humanitarians-dilemma-collective-action-or-inaction-in-international-relief/> (accessed: 13.02.2023).
44. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. N 640.
45. Strategic Framework for Early Recovery, Risk Reduction, and Resilience // United States Agency for International Development [official website]. URL: <https://www.usaid.gov/humanitarian-assistance/policies-and-reports/bha-er4-framework> (accessed: 14.02.2023).

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает процесс трансформации гуманитарной системы Организации Объединённых Наций. О кризисных тенденциях в системе ООН и о необходимости реформирования этой организации говорят уже не первое десятилетие. С одной стороны, нельзя не признать заслуги ООН в сохранении и воспроизводстве актуального международного порядка, в предотвращении и урегулировании некоторых конфликтов, в обеспечении гуманитарной помощи бедным странам и народам, в поддержании на приемлемом уровне системы международной безопасности и т. д. С другой стороны, эффективность ООН в реализации всех аспектов её деятельности всегда вызывала много вопросов у исследователей, и особенно это касалось проблемы справедливости системы международного порядка, фактически основывающегося на решениях пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН, и связанной с этим невозможности участия ООН в урегулировании проблем, касающихся одного из этих постоянных членов, если это участие противоречит его интересам. Неоднократно подвергалась критике также успешность ООН в реализации различных гуманитарных программ. Поэтому нельзя не согласиться с автором в том, что очередные заявления о кризисе гуманитарной системы ООН, связанные с публикацией гуманитарного призыва на 2023 г., резко актуализировали тему рецензируемого исследования. К сожалению, автор ничего не говорит о методологии своего исследования. Однако из контекста можно понять, что кроме традиционных общенаучных аналитических методов использовались элементы системного и институционального подходов, а также контент-анализ официальных документов и деклараций. Вполне корректное применение указанных методологических инструментов позволило автору получить результаты, имеющие признаки научной новизны. Прежде всего, это касается выявленных автором противоречий в актуальной позиции России, представляющей гуманитарную помощь в качестве практики ситуативного реагирования, а не как инструмента внешней политики. В результате, по справедливому заключению автора, Россия обладает ресурсами и стремлением к участию в международных гуманитарных программах, но не имеет институционализированной формы стратегического планирования и принятия решений в международной гуманитарной сфере, что имеет следствием использование ресурсов России для продвижения чужих

национальных интересов. Нельзя не согласиться с автором и в том, что актуальная институциональная система оказания международной гуманитарной помощи нуждается в соответствующем реформировании, которое должно устранить сложившиеся дисбалансы. Особенно любопытен вывод автора о том, что установка ООН на ограничение круга участников миротворческой деятельности фактически говорит об авторитарных тенденциях внутри этой организации, о её стремлении выступать в роли «привратника, определяющего кто достоин пирога, а кто нет». В структурном плане рецензируемая работа также производит положительное впечатление: несмотря на отсутствие рубрики, логика изложения последовательна и отражает основные аспекты проведённого исследования. Стилистически статья представляет собой научную работу, написанную достаточно грамотно, на хорошем научном языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 45 наименований, в том числе, источники на иностранных языках, и в должной мере репрезентирует состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам имеет место в части обсуждения места России в структуре гуманитарной системы ООН.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве вполне добротного научного исследования, отвечающего требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты соответствуют тематике журнала «Мировая политика» и будут представлять интерес для политологов, конфликтологов, специалистов в области государственного управления, мировой политики и международных отношений, а также для студентов перечисленных специальностей. По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.

Мировая политика

Правильная ссылка на статью:

Чмырева В.А. — Роль Турции на постсоветском пространстве в американской внешнеполитической экспертизе // Мировая политика. – 2023. – № 1. DOI: 10.25136/2409-8671.2023.1.39166 EDN: LTIYPG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39166

Роль Турции на постсоветском пространстве в американской внешнеполитической экспертизе

Чмырева Вера Александровна

кандидат исторических наук

научный сотрудник, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт экономики Российской академии наук

117218, Россия, г. Москва, ул. Нахимовский Проспект, 32

✉ vera1305@mail.ru

[Статья из рубрики "Теория и методология международных отношений"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2023.1.39166

EDN:

LTIYPG

Дата направления статьи в редакцию:

14-11-2022

Аннотация: В статье затрагивается вопрос о роли Турции на постсоветском пространстве с позиции интересов США. Предмет исследования – совокупность актуальных представлений, концепций и стратегий представителей американского экспертного сообщества по турецкой проблематике. Актуальность работы определяется необходимостью комплексного анализа процесса геополитических трансформаций на постсоветском пространстве, в которых роль Турции приобретает особое значение. Основу источниковой базы составили публицистические источники, к которым следует отнести аналитические исследования, статьи, доклады и экспертные оценки специалистов ведущих центров и учреждений. В работе показано, что изучение потенциала турецкого влияния направлено на поиск управляемого баланса сил в регионах, в которых Турция не будет противостоять американским интересам. Отмечено, что на постсоветском пространстве Турция уже превратилась в незаменимого игрока, который играет на опережение и готов оперативно заполнять вакуум политической воли и власти. Обращает внимание, что экспертным сообществом подчеркивается разная степень геополитического влияния Турции и России на постсоветском пространстве, что определяет готовность турецкого руководства опираться на поддержку НАТО в противовес исторически сложившемуся влиянию Кремля в регионе. Научная новизна

статьи заключается в привлечении корпуса новейших источников, оригинальном ракурсе исследования и теоретико-методологическом подходе. Автор использует сочетание общенаучных теоретических и специальных методов; особое значение имеют сравнительно-исторический метод и метод логического анализа. В результате проведенного анализа автор делает вывод о том, что США по-прежнему рассматривают Турцию в качестве стратегически ценного партнера, и при определенных условиях Республика имеет шансы получить карт-бланш на суверенный внешнеполитический курс и закрепить за собой роль нового глобального центра силы; в этом случае США найдут новое управляемое равновесие, в котором недружественные действия Турции не будут подрывать американские стратегические интересы.

Ключевые слова:

Турция, С Ш А , Н А Т О , Россия, постсоветское пространство, российско-турецкие отношения, внешнеполитическая экспертиза, экспертное сообщество, внешняя политика, международные отношения

В течение двух последних десятилетий в условиях трансформации мировой политической системы Турецкая республика стремится утвердиться в качестве одного из ключевых акторов современных международных отношений. Корректируя собственное внешнеполитическое видение и выстраивая новые векторы суверенизации страны, Турция ориентируется на национальные интересы и успешно хеджирует риски в условиях прогрессирующей конфронтации между Россией и Западом, несмотря на членство в Североатлантическом альянсе и тесное сотрудничество с США, государствами ЕС, Великобританией. Стратегическая парадигма турецкой внешней политики меняется в сторону более гибкой модели, которая демонстрирует высокую степень адаптивности в достижении собственных внешнеполитических и экономических целей. Активизация внешнеполитических усилий Анкары на фоне украинского кризиса с 2014 г., углубление и институционализация экономического, военного, военно-технического, гуманитарного сотрудничества с государствами постсоветского пространства и интенсификация отношений с Россией (РФ) – все это идеально вписывается в турецкую идеологию «хаба» [\[1\]](#) и позволяет прогнозировать переход ее влияния на новый трансрегиональный уровень.

На пороге глобальной трансформации современной системы международных отношений и формирования новых геополитических альянсов Турция демонстрирует готовность не только участвовать в ключевых мирополитических процессах в роли медиатора, но и выступать их модератором, доказывая, что «мир больше, чем пять». («Мир больше, чем пять» – тезис, популяризированный президентом Турции Р. Эрдоганом, который характеризует нарушение глобального равновесия в мире и стремление Турции к изменению существующих институтов и норм. См.: "The World Is Bigger than Five": A Salutory Manifesto of Turkey's New International Outlook. Insight Turkey Winter 2019 / Volume 21 Number 4). Активная и многовекторная турецкая внешняя политика вызывает повышенное внимание со стороны американского политико-академического сообщества.

Внежнополитический дискурс США по турецкой проблематике представляет собой актуальную систему взглядов и представлений, отличающуюся многоголосием политических оценок и подходов, которые традиционно сходятся в понимании того, что Турецкая республика является «стратегически критичным» [2 с. 136] американским союзником, но разнятся в отношении тактики и стратегических подходов к

взаимодействию США с Республикой. Если на Ближнем Востоке Турция «самим своим существованием служит интересам США» [2 с. 130], то проекция турецкого влияния на постсоветском пространстве напрямую соотносится с интересами РФ в регионе, и Турция вынуждена учитывать позицию Москвы при реализации собственных внешнеполитических проектов. В этом контексте внимание экспертов к Турции определяется необходимостью обеспечения безопасности евроатлантического сообщества как на европейском континенте, так и за его пределами, и в этой связи для экспертного сообщества пока ключевым выступает вопрос - является ли Турция «активом» США и НАТО в регионе или же представляет собой региональный «спойлер» [3] в актуальном процессе глобальной политической трансформации.

В условиях острой геополитической конфронтации между НАТО и РФ и солидарности евроатлантических партнеров относительно того, что «Российская Федерация представляет собой наиболее значительную и непосредственную угрозу безопасности союзников, а также миру и стабильности в евроатлантическом регионе» [4], роль Турции на постсоветском пространстве становится предметом пристального изучения со стороны американского экспертного сообщества.

Отношения Турции и России в экспертных оценках США традиционно представлены с позиции геополитической конкуренции между державами и российско-турецкого исторического антагонизма. Акцентирование на ситуативности и кратковременности двустороннего взаимодействия при одновременном признании возросшего потенциала сотрудничества ярко выражены в актуальных исследованиях. Специалисты озадачены российско-турецким сближением, которое планомерно реализуется в течение двух десятилетий, несмотря на нарастающее соперничество, в котором Москва и Анкара придерживаются своего рода «кондоминиума» в стремлении нивелировать западное влияние.

По словам старшего научного сотрудника Центра стратегических и международных исследований Дж. Манкоффа, Москва и Анкара реализуют успешную формулу взаимодействия: стороны разработали «управляемый процесс переговоров, основанный на личной дипломатии», который, вероятно, сохранится независимо от внутривосточных событий [5]. Несмотря на то, что данная модель взаимоотношений базируется на шатком фундаменте, стороны заинтересованы в отходе от западнцентричного глобального порядка и имеют схожее внешнеполитическое видение: Россия и Турция поддерживают тесную связь с соседними государствами и регионами на основе общности культурно-исторической и этнической самоидентификации, развивая «имперский тип геополитики» [5]. При этом Дж. Манкофф отмечает две разнонаправленные тенденции: с одной стороны, наблюдается разворот в сторону имперской геополитической модели вследствие разрушения современного американоцентричного мирового порядка и ускорения российско-турецкого сближения, с другой – крах этого миропорядка может усилить противоположный тренд, обнажить геополитическое соперничество держав и привести к эскалации российско-турецкой конфронтации.

Анализ американских источников свидетельствует о том, что между Анкарой и Москвой сохраняются тесные отношения вне зависимости от политической конъюнктуры, основанные на общности опыта исторического взаимодействия и персонификации внешней политики, что выражается в ключевой роли политических лидеров в регулировании отношений между странами. В то же время, признается наличие конфликтного потенциала между государствами, что в условиях меняющейся

внешнеполитической обстановки может спровоцировать эскалацию отношений.

Расширение энергетических и экономических российско-турецких отношений, выстроенное партнерство на уровне президентов Р. Эрдогана и В. Путина, дипломатическое и военное сотрудничество на Ближнем Востоке и Кавказе, покупка Турцией российских оборонных систем, эксклюзивное сотрудничество по запуску турецких атомных электростанций и другие проекты – все это, по мнению экспертов, перемежено с сохраняющимися системными противоречиями в части реализации национальных интересов сторон. Подобная двойственность приводит к пониманию того, что российско-турецкие стратегические связи достаточно уязвимы, однако отношения Турции с евроатлантическими партнерами также неопределенны, ведь Турция в глазах евроатлантических партнеров представляется «непредсказуемым» союзником США и НАТО [\[6\]](#).

В среде экспертного сообщества присутствует аксиоматическое убеждение, что блокирование расширения Европейского союза и Организации Североатлантического договора (НАТО) на восток является приоритетной задачей Кремля с целью сохранения региона в качестве зоны своих привилегированных интересов [\[7\]](#), и для ее достижения ведется «широкомасштабная и оппортунистическая пропагандистская деятельность» [\[8\]](#), направленная на подрыв сотрудничества Турции с США и Европой. В связи с этим «непредсказуемая» Турция, подверженная влиянию РФ по причине дисбаланса российско-турецких экономических отношений и турецкой энергетической зависимости, может представлять опасность для глобальных устремлений США.

Обозначенные угрожающие факторы, с точки зрения американских интересов, частично нивелируются стремлением Турции к многовекторному курсу и диверсификации энергетических рынков, а также тесной связанностью с оборонной промышленностью США и НАТО. Дополнительным фактором, как отмечают эксперты Центра РЭНД, выступает то, что Анкара не заинтересована в наращивании российского влияния в черноморском бассейне [\[6\]](#). Таким образом, конкурирующие интересы и потенциальные конфликтные факторы в турецко-российских отношениях не позволяют рассматривать актуальное сотрудничество между странами как новую парадигму.

В случае кризиса отношений с РФ, Турция обратится за поддержкой к НАТО для обеспечения региональной безопасности, что поставит Вашингтон перед принципиально новыми вызовами и проблемами, отличными от настоящих. При этом Турция, как отмечает Дж. Манкофф, продолжает играть системообразующую роль в обеспечении евроатлантической безопасности и выступает политическим ядром ближневосточного, восточносредиземноморского и черноморского регионов, претендуя на роль наднационального лидера. Одновременно – пользуется поддержкой Москвы в развитии собственных региональных амбиций и извлекает выгоду из гарантий безопасности, которыми страна продолжает пользоваться как член НАТО, несмотря на стремление к «стратегической автономии» [\[5\]](#).

В этой связи, необходимо отметить, что фокус экспертного внимания смещается с регионального на глобальный контекст с целью определения факторов сохранения мирового лидерства США: амбиции Турции на постсоветском пространстве и динамика российско-турецких отношений представляют интерес для американского экспертного сообщества с точки зрения проекции политического и экономического влияния США в регионе.

Роль Турции в контексте сохранения глобального лидерства США является предметом изучения большинства прикладных исследований по турецкой проблематике, конечной целью которых является усиление международных и региональных позиций США и нейтрализация противоречащих американским интересам трендов в мировой политике. Одним из подобных трендов является активизация центробежных и центростремительных тенденций внутри Североатлантического альянса, что, как отмечается, не отвечает американским интересам и приводит к регионализации НАТО.

Обозначенная тенденция, по мнению ряда специалистов, является следствием политики самоустранения США от решения проблем союзников и консолидации сил на обеспечение долгосрочной экономической, технологической и военной конкуренции с Китаем, что нарушает процесс адаптации НАТО к новым угрозам и вызовам и приводит к «эрозии сплоченности, политической воли, авторитета, военного потенциала и актуальности альянса» [\[9\]](#). Р. Эллекхуус, старший научный сотрудник Центра стратегических и международных исследований подчеркивает, что «повышение уровня амбиций без обеспечения политической сплоченности и адекватных ресурсов подрывает доверие к альянсу и его актуальность в следующем десятилетии» [\[9\]](#).

В этом контексте особое внимание уделяется исследованию политических рисков, в частности, возможностям расширения военного присутствия США и НАТО в Европе с целью сдерживания российских внешнеполитических амбиций. Эксперты Центра РЭНД отмечают, что высокий уровень враждебности между странами вызван взаимной убежденностью в непримиримости позиций сторон в условиях существующего миропорядка, и возможные «последствия изменений позиции США и НАТО в регионе пока не поддаются наблюдению» [\[6\]](#). Специалисты считают, что реакция РФ на изменения в Европе с 2014 г. (развертывание войск вблизи границ РФ, поставки оружия и др.) «была относительно мягкой, однако многие потенциальные последствия могут быть незаметны» [\[10\]](#), при этом отстаивание американского лидерства в условиях конкуренции мировых держав может иметь как сдерживающий (обусловленный военным преимуществом и демонстрацией солидарности с союзниками), так и провоцирующий (в случае создания дополнительной угрозы в результате наращивания военного потенциала) к эскалации военных конфликтов эффекты.

В начале 2022 г. С. Пезард, старший политолог РЭНД, заявила, что конкуренция между США и РФ становится новой международной реальностью [\[11\]](#), таким образом, подтвердив актуальность фундаментального доклада «Понимание новой эры международной конкуренции...» и тезиса о том, что «наступающая эра ... будет длительной, упорной борьбой за преимущество, которой нужно управлять, а не побеждать» [\[12\]](#). Обозначенная концепция не нова: в американоцентричной картине мира присутствует убеждение в том, что США необходимо сохранить присутствие в отдаленных странах и возможность непрямого управления «со стороны» [\[2\]](#). Еще Дж. Фридман, размышляя о роли Турецкой республики на Кавказе отметил, что «Турция своим существованием служит интересам Америки в ее отношениях с Россией», и позволит США выйти из региона без особого вреда, сохранив реальные рычаги влияния» [\[13\]](#). Угрозу американским интересам, по мнению Дж. Фридмана, представляет российско-турецкий союз, который представлялся исследователю возможным. Сегодня же эксперты утверждают, что оформление новых центров силы и рост влияния РФ, Турции, Китая и Ирана наносит ущерб американским интересам и приводит к уменьшению влияния США [\[14\]](#).

Роль Турции в новой геополитике приобретает особое значение и от того, как США будут в дальнейшем взаимодействовать с Анкарой, зависит будущее региона и роль Соединенных Штатов в нем. В среде американского экспертного сообщества звучат призывы к формированию внятных правил прагматичного западно-турецкого взаимодействия. К. Кириши из Института Брукинга подчеркивает, что «... геополитические реалии ... уменьшат стремление Эрдогана отделиться от Трансатлантического союза» [\[15\]](#): несмотря на развитие турецкого нарратива, бросающего вызов нынешнему миропорядку, и антизападного дискурса, Р. Эрдоган продолжает взаимодействие со всеми западными институтами, что является ясным сигналом политическому истеблишменту Запада.

В целом, в среде экспертно-аналитического сообщества общепризнано, что формальный разрыв отношений между США и Турцией маловероятен даже несмотря на то, что американо-турецкие отношения стагнируют и стороны не являются ни союзниками, ни противниками в общепринятом смысле. Одновременно признается, что в формирующемся миропорядке Турция «бросает вызов США» [\[16\]](#), и Америке следует не только реинвестировать в двусторонние отношения с Анкарой, но и усиливать дополнительные активы (партнерские отношения с другими региональными игроками – Грецией и Кипром, а также – укреплять связи с турецким гражданским обществом как внутри, так и за пределами Турции). Это позволит США найти новое, более управляемое равновесие, при котором турецкие враждебные действия не будут подрывать американские интересы и международную политику [\[14\]](#).

В конечном итоге, изучение потенциала Турции в части проецирования турецкой военной силы и ее влияния на систему региональной безопасности в Центральной Азии и Закавказье, на Ближнем Востоке, в Черноморском регионе и в Восточном Средиземноморье направлено на поиск нового управляемого баланса сил в регионах, в которых Турция не будет противостоять американским стратегическим интересам. К тому же, Турция уже превратилась в незаменимого игрока на постсоветском пространстве, который играет на опережение и готова оперативно заполнять вакуум политической воли и власти.

Политика Турции на постсоветском пространстве, в целом, соответствует стратегическим интересам США в регионе. Американская стратегия национальной безопасности 2022 г. прокламирует готовность «поддерживать независимость, суверенитет и территориальную целостность Центральной Азии», «содействовать усилиям по повышению устойчивости и демократического развития в пяти странах» (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан и США), «усилить интеграцию в регионе и расширить возможности подключения к глобальным рынкам» [\[17\]](#), и в этом контексте обозначено намерение взаимодействовать с Турецкой республикой «для укрепления ее стратегических, политических, экономических и институциональных связей с Западом» [\[17\]](#).

Американский экспертный анализ разветвленной сети стратегических, оборонных и военных партнерств Турции, экономической и дипломатической активности страны в меняющейся геополитической обстановке призван обеспечить эффективность внешнеполитической стратегии США в регионе в части создания конкурентных преимуществ перед Китаем и Россией, которая представляет «непосредственную и постоянную угрозу» региональной системе безопасности. Примечательно, что в Стратегии-2022 США подчеркивают готовность развивать в мире «эффективное демократическое управление, отвечающее потребностям граждан... и защищать от

внешнего вмешательства или принуждения, исходящего от Китая, России или Ирана» [\[17\]](#).

Заметим, что американские аналитические центры также детально разрабатывают возможности, стратегию и тактику проекции российского влияния, вплоть до способности РФ развертывать и поддерживать наземные боевые силы. В частности, в рамках РЭНД были проанализированы условные сценарии наземного развертывания в ряде регионов - в Центральной Азии (в Казахстане, Таджикистане), в Сирии и Украине [\[18\]](#). Несмотря на то, что прогнозируемые модели представляются условными и имеют, по словам авторов, ограниченные возможности реализации, нельзя игнорировать сам факт наличия подобных разработок, высокий уровень их концептуализации и аналитической составляющей.

Таким образом, учитывая, что Турция является стратегическим американским союзником, политика Анкары на постсоветском пространстве представляет собой условный мост к евроатлантической системе политики и безопасности для региональных правительств, которые заинтересованы в более тесных отношениях с Западом, но в силу определенных факторов (исторически значительное влияние РФ, этно-религиозные и пр.) на актуальный момент полноформатное политическое, экономическое и военное сотрудничество трудно реализуемо.

В тоже время, по замечанию экспертов, еще в 2008 г. Анкара продемонстрировала, что не имеет ни возможности, ни намерений противостоять РФ в регионе, предоставив «сдержанную риторическую поддержку Грузии после российского вторжения в Южную Осетию» [\[6\]](#). Важный сигнал получили и региональные элиты: несмотря на многочисленные совместные торгово-экономические и энергетические проекты и рост двусторонней торговли, Турция не является стратегическим надежным партнером в сфере безопасности; мешают «устремления России» (среди прочего – военное присутствие РФ в Армении) и замороженные конфликты в регионе [\[6\]](#).

Обращает внимание, что экспертным сообществом подчеркивается разная степень геополитического влияния Турции и России в СНГ и на Кавказе, что определяет готовность турецкого руководства опираться на поддержку НАТО в противовес исторически сложившемуся влиянию Кремля в регионе и выбирать стратегию «мягкой силы» в вопросах внешнеполитического и экономического взаимодействия с Москвой и странами постсоветского пространства.

Анкара настойчиво стремится к продвижению «мягкой» интеграции, развивая ось экономики и безопасности Восток-Запад. В Центральной Азии с начала 2000-х гг. турецкое правительство и ряд неправительственных организаций активно развивают экономические, социально-гуманитарные и культурные проекты, однако турецкое участие, как отмечают специалисты, сегодня перевешивает инвестиции Китая, а турецко-центральноазиатское сотрудничество в области безопасности и обороны представляется скромным в сравнении с российским участием в архитектуре безопасности региона. По замечанию экспертов, политика Москвы «включает в себя тяжелую смесь побуждения и принуждения в поддержании политического, экономического и силового воздействия на своих бывших сателлитов» [\[6\]](#), и Турция вынуждена учитывать статус-кво и тонкий баланс отношений с РФ.

В результате представляется, что отношения Турции с государствами Кавказа и Центральной Азии в перспективе станут второстепенными в сравнении с ее связями с

Россией и Западом; при этом Анкара сохранит приверженность продвижению региональной интеграции посредством взвешенного сотрудничества в области безопасности с Грузией и Азербайджаном, действуя в кильватере интересов евроатлантических партнеров. К тому же, Запад заинтересован в укреплении роли Турции в вопросах энергетической безопасности ЕС и в качестве экономического коридора Восток-Запад. В конечном итоге, турецкая активность на постсоветском пространстве (развитие торговли, инвестиционной активности, строительных проектов и пр.) будет способствовать диверсификации и расширению экономик центральноазиатских стран и их внешнеполитических направлений, способствуя «политической стабильности и постепенному уменьшению дипломатической зависимости от России и Китая» [6], что, в конечном итоге, отвечает интересам США в регионе.

Россия, по замечанию Дж. Манкоффа, будет поддерживать рост политической субъектности Турции и проявлять терпимость к региональным амбициям Анкары, даже если они противоречат ее собственным, основываясь на убеждении в том, что «Россия выигрывает от стратегически изолированной, хотя и непредсказуемой, Турции» [5]. К тому же, именно Турция может сыграть ключевую роль в решении экзистенциальных проблем взаимодействия по линии РФ-НАТО при том, что США сохраняет открытые каналы связи с Москвой для управления и снижения рисков, одновременно, усиливая сдерживание и оборону союзников.

В заключение можно констатировать, что, несмотря на сложности турецко-евроатлантических отношений и нарастающее стремление Турецкой республики к великодержавности, США по-прежнему рассматривают Турцию в качестве стратегически ценного партнера. Одновременно отмечается, что и Москва допускает ключевое значение Турции в качестве координационного центра между ЕС, США, НАТО и Россией.

Из этого следует, что давление на Анкару, стремящуюся занять достойное место в новом мире «больше пяти», с одной стороны, будет усиливаться. С другой – в стремлении сохранить глобальное лидерство, США вынуждены учитывать стремительно меняющуюся международную архитектуру и переформатировать отношения с партнерами, выстраивая новые модели взаимодействия. Примечательно, что в американской Стратегии национальной безопасности-2022 поставлена задача укрепления западной ориентации Турции. Фактически, определено условие, при котором Республика имеет шансы получить карт-бланш на суверенный внешнеполитический курс и закрепить за собой роль нового глобального центра силы, а США найдут новое управляемое равновесие, в котором недружественные действия Турции не будут подрывать американские стратегические интересы в долгосрочной перспективе.

Библиография

1. Аватков В. А. Турецкая идеология «хаба» // Восточный альманах: сб. науч. ст. Вып. V / под общ. ред. М.Г. Троянского; науч. ред. А.А. Дanelьян; ред. кол.: А.Т. Мозлов, А.К. Галимзянова, О.А. Добринская. – М.: Дипломатическая академия МИД России: Квант Медиа, 2021. С. 8-13.
2. Чмырева В.А. Турция: фокус американской аналитики. (Прикладной анализ новейшей историографии США). М.: Издательство «Наука сегодня», 2020. С. 136.
3. Cordesman, Anthony H. The Greater Middle East: From the "Arab Spring" to the "Axis of Failed States" // https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/200824_MENA_Axis_Failed_States.pdf
4. NATO 2022 Strategic Concept // <https://www.nato.int/strategic-concept/>

5. Mankoff, Jeffrey. Regional Competition and the Future of Russia-Turkey Relations // <https://www.csis.org/analysis/regional-competition-and-future-russia-turkey-relations>
6. Flanagan, Stephen J., Larrabee, Stephen F., Binnendijk, Anika., Costello, Katherine., Efron, Shira., Hoobler, James., Kirchner, Magdalena., Martini, Jeffrey., Nader, Alireza., Wilson, Peter A. Turkey's Nationalist Course. Implications for the U.S.-Turkish Strategic Partnership and the U.S. Army // https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2589.html
7. Milosevich, Mira. Russia's Westpolitik and the European Union // https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/210708_Milosevich_RussiaWestpolitik_EuropeanUnion.pdf?YamFdB7RvBHWs7w15n9wiJotRCqoik9Q
8. Costello, Katherine. Russia's Use of Media and Information Operations in Turkey. Implications for the United States // <https://www.rand.org/pubs/perspectives/PE278.html>
9. Ellehuus, Rachel. NATO Futures Three Trajectories // https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/210721_Ellehuus_NATO_Futures_1.pdf?d4Zum8CrjXpX6MkJWmWkEpJLtwshW.6h
10. Watts, Stephen., Rooney, Bryan., Germanovich, Gene., McClintock, Bruce., Pezard, Stephanie., Reach, Clint., Shostak, Melissa. Deterrence and Escalation in Competition with Russia // https://www.rand.org/pubs/research_reports/RRA720-2.html
11. Pezard, Stephanie U.S. Strategic Competition with Russia // <https://www.rand.org/pubs/perspectives/PEA290-2.html>
12. Mazarr, Michael J., Blake, Jonathan S., Casey, Abigail., McDonald, Tim., Pezard, Stephanie., Spirtas, Michael. Understanding the Emerging Era of International Competition: Theoretical and Historical Perspectives, Santa Monica, Calif.: RAND Corporation, 2018, p. 36. // https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2726.html
13. Фридман Дж. Следующие 10 лет / Фридман Джордж; [пер. с англ. А. Калинина]. – М.: Эксмо, 2011, -320 с. С. 187.
14. Alterman, Jon B., Conley Heather A. Syria, Turkey, and the Eastern Mediterranean // https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/180717_AltermanConley_SyriaTurkeyEastMed_UPDATE.pdf
15. Kirişçi, Kemal, Toygür, İlke. Turkey's new presidential system and a changing west: implications for Turkish Foreign Policy and Turkish-West relations. Report, Brookings Institution, 2019 // https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2019/01/20190111_turkey_presidential_system.pdf
16. Cordesman, Anthony H. The Biden Administration's Security Challenges in the Gulf // https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/210127_Cordesman_Security_Challenges.pdf
17. National Security Strategy. October 2022. // <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>
18. Connable, Ben., Doll, Abby., Demus, Alyssa., Massicot, Dara., Reach, Clint., Adler, Anthony., Mackenzie, William., Povlock, Matthew., Skrabala, Lauren. Russia's Limit of Advance: Scenarios // https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2563z1.html

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования выступает оценка активности и роли Турецкой Республики на постсоветском пространстве в американском внешнеполитическом экспертном сообществе. Автор справедливо связывает высокую актуальность исследуемой темы с глобальной трансформацией современной системы международных отношений и поиском Турцией новых геополитических альянсов, что не может не вызывать пристального внимания во внешнеполитических кругах США: «...Внимание экспертов к Турции определяется необходимостью обеспечения безопасности евроатлантического сообщества как на европейском континенте, так и за его пределами». Отсюда, по мнению автора, проистекает озабоченность американских внешнеполитических экспертов вопросом, является ли Турция «активом» США и НАТО в исследуемом регионе или же потенциальный союз между Анкарой и Москвой будет иметь следствием угрозу безопасности членов Североатлантического альянса. К сожалению, автор не уделяет должного внимания теоретико-методологической рефлексии своего исследования. Но из контекста можно заключить, что помимо традиционных общенаучных аналитических методов, применялись институциональный и исторический методы в контексте реалистической парадигмы международных отношений, а также контент-анализ официальных документов. Корректное применение перечисленных методов позволило автору получить результаты, обладающие признаками научной новизны. В частности, интерес представляет вывод о том, что несмотря на осложнившиеся в последние годы отношения между США и Турцией, Вашингтон до сих пор очень высоко оценивает уровень и направленность этих отношений. Не менее интересен вывод о перспективах сотрудничества Анкары и Вашингтона, одним из вариантов которого выступает шанс Турции укрепить свои позиции в качестве глобального игрока. Наконец, любопытно указание автора на тот факт, что в американской Стратегии национальной безопасности-2022 поставлена задача укрепления западной ориентации Турции с целью нахождения баланса между американскими стратегическими интересами и великодержавными устремлениями Анкары. В структурном плане статья также производит положительное впечатление: её логика достаточно последовательна и отражает основные аспекты проведённого исследования, а выделенные разделы озаглавлены. В тексте имеются следующие разделы: - вводная часть, в которой ставится научная проблема и обосновывается её актуальность; - «Внешнеполитический дискурс США по турецкой проблематике», а также «Отношения Турции и России в экспертных оценках США», посвящённые анализу официальной позиции Вашингтона, а также оценок экспертов США по вопросу активности Турции на постсоветском пространстве, соответственно; - «Роль Турции в контексте сохранения глобального лидерства США», в котором обосновывается вывод о стремлении Вашингтона использовать потенциал Турции в своей внешней политике, укрепив сотрудничество с Анкарой; - «Политика Турции на постсоветском пространстве», где анализируется рост политической активности Анкары в рассматриваемом регионе, а также укрепление политической субъектности Турции; - «Заключение», где резюмируются результаты проведённого исследования и делаются выводы. В стилистическом плане работа также оставляет хорошее впечатление. В тексте встречается небольшое количество стилистических и грамматических погрешностей, не оказывающих существенного влияния на оценку его качества (например, написание второго слова в названии государства «Турецкая Республика» со строчной буквы; или ошибка в выражении «в заключении можно констатировать...» вместо «в заключении»).

Но в целом текст написан достаточно грамотно, на хорошем языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 18 наименований, в том числе, источники на иностранных языках, и в достаточной мере репрезентирует состояние исследований по теме статьи. Апелляция к оппонентам имеет место в части анализа экспертных оценок роли Турции на постсоветском пространстве, и в частности, отношений Анкары и Москвы.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать как научное исследование, соответствующее требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Представленный материал соответствует тематике журнала «Мировая политика», а полученные автором результаты будут интересны политологам, социологам, специалистам в области государственного управления, мировой политики и международных отношений, а также студентам перечисленных специальностей. По результатам рецензирования статья рекомендуется к публикации.

Мировая политика

Правильная ссылка на статью:

Коновалова К.А. — Стратегические партнерства России и государств Латинской Америки в новых геополитических условиях // Мировая политика. – 2023. – № 1. DOI: 10.25136/2409-8671.2023.1.39954 EDN: LCBSQG URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39954

Стратегические партнерства России и государств Латинской Америки в новых геополитических условиях

Коновалова Ксения Александровна

ORCID: 0000-0002-9848-0035

кандидат исторических наук

ассистент кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета

199034, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Университетская Набережная, 7, корп. 9

✉ misssienna@yandex.ru

[Статья из рубрики "Внешняя политика России"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2023.1.39954

EDN:

LCBSQG

Дата направления статьи в редакцию:

11-03-2023

Аннотация: Объектом настоящего исследования выступают современные российско-латиноамериканские отношения. Подробно рассматривается влияние текущего международного контекста, связанного с кризисом вокруг Украины, на стратегические партнерства (СП) России с рядом государств Латинской Америки. Первая часть раскрывает специфику этого формата отношений. Во второй части проводится анализ динамики диалога с Аргентиной, Бразилией, Боливией, Венесуэлой, Кубой, Никарагуа, Перу и Эквадором, в зависимости от глубины воздействия на них конфронтации России и Запада после начала российской специальной военной операции на Украине. В заключении работы выделяются сходства и различия в линиях поведения латиноамериканских стратегических партнеров России в современных конфликтных международнополитических условиях. Данное исследование представляет собой одну из первых попыток отечественной науки комплексно осмыслить эффекты украинского кризиса для состояния и возможного будущего стратегических партнерств России и государств региона Латино-Карибской Америки. Новая постановка проблемы при привлечении системного подхода и метода кейс-стади, позволяющего проанализировать и включить в более широкий контекст диалога РФ и Латинской Америки каждый национальный пример двустороннего стратегического партнерства,

обуславливают авторский вклад. Главные выводы состоят в ряде положений. Во-первых, хотя реакция стратегических партнеров РФ на украинский кризис и его глобальные последствия варьирует, заметно их общее стремление сохранять импульс взаимовыгодной кооперации с Россией. Во-вторых, внутри стратегических партнерств можно выделить материальную и символическую составляющую, и именно по второй осложнение международного контекста ударило больше всего. Наконец, современная обстановка явно требует от России ревизии латиноамериканской стратегии, первым шагом которой как раз может стать переосмысление формата СП.

Ключевые слова:

Россия, Латинская Америка, внешняя политика, стратегические партнерства, Боливия, Аргентина, Бразилия, Куба, Венесуэла, Никарагуа

Новый виток обострения отношений с «коллективным Западом» делает императивной для России задачу поиска партнеров на глобальном Востоке и Юге. Латинская Америка (ЛА) в этом плане является и сложным, и перспективным направлением. Она исторически тесно связана с политическими ценностями евроатлантических государств и продолжает зависеть от их капиталов и технологий. Но в то же время, в XXI столетии большинство наций ЛА ориентировано на диверсифицированный прагматичный курс, целью которого, в первую очередь, служит привлечение ресурсов для развития и решения насущных социально-экономических проблем. Другой аспект состоит в том, что связи с незападными влиятельными игроками, такими как Россия, Китай, Индия, Иран, нужны латиноамериканским элитам как опора для более самостоятельного внешнеполитического курса. Современный – переходный – этап международных отношений дополнительно актуализирует этот приоритет. Вектор России становится для ЛА одновременно более рискованным и значимым, поскольку именно ее действия выступают одним из главных вызовов либеральному мировому порядку.

В этих обстоятельствах, по нашему мнению, проблема влияния на российско-латиноамериканское взаимодействие нынешнего кризиса вокруг Украины и его более широких международных последствий заслуживает особого внимания. В данной статье она поднимается через призму стратегических партнерств (СП) России и государств ЛА, которые можно рассматривать как особый класс наиболее активно развивающихся двусторонних отношений в рамках всего диалога с регионом.

Стратегические партнерства в российско-латиноамериканских отношениях

Как стратегическое партнерство в настоящее время квалифицируются отношения России с Аргентиной, Бразилией, Боливией, Венесуэлой, Кубой, Никарагуа, Перу и Эквадором. Сущность таких отношений определяется как особенно тесное, многопрофильное и долгосрочное взаимодействие при сходстве позиций по международным вопросам [\[2\]](#) [\[13\]](#) [\[46\]](#).

На практике отношения в рамках СП могут быть любой интенсивности, *ключевой момент – высокая ценность таких отношений для партнеров, исходя из их национальных интересов*. Например, Бразилия является крупнейшим торговым партнером России в регионе, и еще в 2006 г. был инициирован «технологический альянс», охватывавший, в том числе, космическую и военно-техническую сферы. С Аргентиной сформировано «всеобъемлющее СП», которое предполагает торгово-инвестиционное, культурное,

научное сотрудничество. В 2021 г. Аргентина, локализовавшая производства вакцины «Sputnik V», стала своеобразным «хабом» российской вакцинной дипломатии в ЛА. Но большинство СП является более узким, концентрируясь на торговле взаимно привлекательной товарной номенклатурой или крупных проектах (в энергетике, транспорте, военно-техническом секторе и т.п.).

Несмотря на теоретические акценты на *долгосрочном характере СП и их независимости от политической конъюнктуры* [46], данные параметры очень относительны. Во-первых, сложно оценивать длительные перспективы партнерств России с Венесуэлой, Никарагуа, Кубой, поскольку они изначально ориентированы на сотрудничество с конкретными правительствами, в том числе, в политически чувствительных отраслях. Во-вторых, на устойчивость СП в любом случае оказывают влияние внешнеполитические программы правительств, в основе которых лежат и прагматические соображения, и идеологические и ценностные аспекты. Так, преемственность СП Аргентины и России при Маурисио Макри (2015-2018) обеспечил бизнес-центричный курс его правительства. А с приходом к власти в Боливии идеологизированного правого деятеля Жанин Аньес (2019-2020) газовые проекты с Россией, составляющие основу СП, застопорились [35]. В-третьих, опорой СП зачастую выступает дипломатия лидеров: абсолютно все формализованные СП «родились» по итогам встреч президентов. На канал дипломатии лидеров политическая конъюнктура тоже оказывает многообразное влияние. Так, после отставки Ольянты Умалы (2011-2016), подписавшего СП Перу-Россия, динамизм двусторонних отношений, если считать количество президентских встреч, заседаний межправкомиссий, значительно снизился [14]. Это можно объяснить не только приходом к власти в Перу либерал-глобалистских политиков, но и началом периода внутренней турбулентности, осложняющей проведение активного международного курса.

СП *предполагает демонстрацию общего видения международной обстановки*, но и здесь уровень этой общности может быть разным. Так, на бразильском направлении в 2017 г. было согласовано Совместное заявление о стратегическом внешнеполитическом диалоге. Тем не менее, его формулировки выглядят обтекаемо и содержат явные «фигуры умолчания», например, по поводу конфликта в Сирии [12]. Бразильские руководители, выступая на национальном уровне, давали понять, что не поддерживают российскую кампанию в этой ближневосточной стране [18], но для двустороннего взаимодействия это не имело особых последствий. В то же время, к примеру, в российско-кубинской декларации об СП (2018) содержится отдельная отсылка к «осуждению санкций» [22], что является исторически болезненным вопросом для Кубы и актуальным для современной России.

Общность внешнеполитических взглядов демонстрируется не только между партнерами, но и третьим сторонам. В частности, на аргентинском направлении важна поддержка Россией позиции Буэнос-Айреса по Мальвинским/ Фолклендским островам, проводимая, в том числе, в ООН [4]. По поводу Эквадора, где «ядром» СП выступают энергетические проекты, исследователями отмечается, что подписавшая партнерство администрация Рафаэля Корреа (2007-2017) рассчитывала на сближение с Россией для усиления позиций страны в ОПЕК [7]. Еще один вопрос - об «антизападном геополитическом символизме» российско-латиноамериканских стратегических партнерств. Официальная позиция России на этот счет однозначна: «Наша политика в отношении Латинской Америки...не направлена против кого-либо» [6]. Тем не менее, западные наблюдатели склонны видеть у «особых отношений» с рядом государств

региона смысл противостояния США и их союзникам [\[29\]](#) [\[44\]](#). Эта мысль проводится некоторыми западными дипломатами [\[32\]](#) [\[38\]](#) и учеными-международниками [\[20\]](#). Магистральная линия подобных суждений состоит в том, что стратегические партнерства объединяют «антилиберальные режимы», призваны обеспечить ценностный раскол Западного полушария и «экспансию» России в нем.

Таким образом, российско-латиноамериканские стратегические партнерства – широкий и подвижный формат, содержание которого меняется от страны к стране и находится под постоянным воздействием внутренних и внешних факторов.

Латиноамериканские стратегические партнеры России и украинский кризис

Продолжающийся кризис вокруг Украины оказывает на латиноамериканские страны многоплановое влияние, причем не только на их международные связи, но и на внутреннюю ситуацию. Исходя из этого, рассматривая воздействие кризиса на стратегические партнерства с Россией, важно учитывать совокупность обстоятельств. С одной стороны, в качестве отправной точки для анализа, можно ориентироваться на результаты голосования государств ЛА в ООН и Организации американских государств (ОАГ) по знаковым антироссийским резолюциям и декларациям; они представлены в таблицах 1 и 2. С другой стороны, эта официальная позиция, заявленная как бы «перед лицом мирового сообщества», нередко сопровождалась различными «оговорками». Имеют значение и политические сигналы, подаваемые на других площадках и в двустороннем поле. Наконец, реальная динамика межгосударственного взаимодействия не всегда соответствует политической риторике.

Таблица 1.

Голосование по антироссийским резолюциям в ООН

«Права человека на временно оккупированных территориях», Генеральная Ассамблея ООН, 15.12.2022 (Situation of human rights in the temporarily occupied Autonomous Republic of Crimea and the city of Sevastopol, Ukraine: resolution / adopted by the General Assembly.	«Выплата репараций Украине, ГА ООН, 14.11.2022 (Furtherance of remedy and reparation for aggression against Ukraine: resolution / adopted by the General Assembly. A/RES/ES-11/5, 14.11.2022)	«Защита территориальной целостности Украины», ГА ООН, 12.10.2022 (Territorial integrity of Ukraine: defending the principles of the Charter of the United Nations: resolution / adopted by the General Assembly. A/RES/ES-11/4, 12.10.2022)	«Гуманитарные последствия агрессии против Украины», ГА ООН, 24.03.2022 (Humanitarian consequences of the aggression against Ukraine: resolution / adopted by the General Assembly. A/RES/ES-11/2, 24.03.2022) [1]
--	---	---	---

	A/RES/77/229, 15.12.2022)			
Аргентина	Поддержала	Поддержала	Поддержала	Поддержала
Бразилия	Воздержалась	Воздержалась	Поддержала	Поддержала
Боливия	Воздержалась	Воздержалась	Воздержалась	Воздержалась
Венесуэла (Право голоса в ООН приостановлено в силу неуплаты взносов в бюджет организации)	Не голосовала	Не голосовала	Не голосовала	Не голосовала
Куба	Не поддержала	Не поддержала	Воздержалась	Воздержалась
Никарагуа	Не поддержала	Не поддержала	Не поддержала	Воздержалась
Перу	Воздержалось	Поддержало	Поддержало	Поддержало
Эквадор	Поддержал	Поддержал	Поддержал	Поддержал

Таблица 1 (окончание)

	«Агрессия против Украины», ГА ООН, 02.03.2022 (Aggression against Ukraine: resolution / adopted by the General Assembly, A/RES/ES-11/1, 02.03.2022)	«Созыв специального заседания ГА ООН по Украине», Совет Безопасности ООН, 27.02.2022 (Security Council resolution 2623 (2022) [on convening an emergency special session of the General Assembly on Ukraine], S/RES/2623 (2022), 27.02.2022. В 2022 г. из числа рассматриваемых стран в СБ ООН представлена только Бразилия)
Аргентина	Поддержала	Не голосовала
Бразилия	Поддержала	Поддержала
Боливия	Воздержалась	Не голосовала
Венесуэла	Не голосовала	Не голосовала
Куба	Воздержалась	Не голосовала
Никарагуа	Воздержалась	Не голосовала
Перу	Поддержало	Не голосовало
Эквадор	Поддержал	Не голосовал

Источник: составлено автором по данным Цифровой библиотеки ООН. URL
: <https://digitallibrary.un.org/>

Таблица 2.

Голосование по антироссийским резолюциям и декларациям в ОАГ

	«Поддержка Украины и осуждение России», Генеральная Ассамблея ОАГ, 06.10.2022	«Лишение России статуса постоянного наблюдателя в ОАГ», Постоянный совет ОАГ, 21.04.2022	«Осуждение возможных военных преступлений на Украине», ПС ОАГ, 25.03.2022	«Осуждение вторжения на Украину», ПС ОАГ, 25.02.2022
Аргентина	Воздержалась	Воздержалась	Поддержала	Воздержалась
Бразилия	Воздержалась	Воздержалась	Воздержалась	Воздержалась
Боливия	Не поддержала	Воздержалась	Воздержалась	Воздержалась
Венесуэла (в 2022 г. в ОАГ представлял посол «и.о. президента» Хуана Гуайдо. Команда Гуайдо последовательно осуждала Россию)	Поддержала	Поддержала	Поддержала	Поддержала
Куба	Не голосовала	Не голосовала	Не голосовала	Не голосовала
Никарагуа (в 2022 г. Никарагуа находилась в процессе выхода из ОАГ)	Не голосовала	Не голосовала	Не голосовала	Не поддержала
Перу	Поддержало	Поддержало	Поддержало	Поддержало
Эквадор	Поддержал	Поддержал	Поддержал	Поддержал

Источники : OEA suspende a Rusia como país observador de la organización. 22.04.2022, URL : <https://apnews.com/article/noticias-daf58f5127cc0ffe2e96f20bab27b11e> ; Chile y otros 23 países de la OEA condenan invasión rusa a Ucrania: Ni Argentina ni Brasil apoyaron declaración. 26.02.2022, URL: <https://www.emol.com/noticias/Nacional/2022/02/26/1047847/argentina-brasil-no-apoya-oea.html&hl=es&gl=ru&strip=1&vwsr=0>; La OEA pide el fin de posibles "crímenes de guerra" en Ucrania. 25.03.2022. URL: <https://www.semana.com/mundo/articulo/la-oea-pide-el-fin-de-posibles-crimes-de-guerra-en-ucrania/202258/> ; Declaración de la OEA para condenar "invasión ilegal e injustificada" de Rusia a Ucrania no fue firmada por estos países. 06.10.2022. URL: <https://www.semana.com/mundo/articulo/declaracion-de-la-oea-para-condenar-invasion-ilegal-e-injustificada-de-rusia-a-ucrania-no-fue-firmada-por-estos-paises/202211/>

В целом, среди стратегических партнеров России, в зависимости от характера влияния новых международных условий на двусторонние отношения, можно выделить четыре

группы.

Первая – «*последовательно лояльная*» группа, куда мы отнесем Никарагуа, Венесуэлу и Кубу. Особенностью подхода руководителей этих государств служит то, что они выступили с поддержкой СВО России на Украине, разделяя идею о ее ответном характере на провокационные действия НАТО и США. Во всех трех случаях такие сигналы транслировались по двусторонним каналам высшего уровня [\[23\]](#) [\[39\]](#) [\[42\]](#). Глава Кубы Мигель Диас-Канель посетил Россию в ноябре 2022 г., и это пока единственный визит латиноамериканского лидера в Москву во время проведения СВО. Политическая поддержка в указанных случаях сопрягается с установками на укрепление СП «во всех сферах» [\[10\]](#). В то же время, именно эти три стратегических партнера привлекают максимальное внимание некоторых внешних наблюдателей, рассматривающих их как антиамериканские «форпосты» России в Латинской Америке. Так, резонанс как в США, так и поддерживающих Вашингтон латиноамериканских кругах, вызвало решение никарагуанских властей продлить право присутствия на своей территории ограниченного военного контингента из России в июне 2022 г. Хотя подобное сотрудничество Москвы и Манагуа – многолетняя практика, в условиях СВО ряд западных экспертов этот шаг истрактовали как попытку России угрожать США [\[28\]](#) [\[29\]](#).

Боливия, хотя она тоже не поддерживала антироссийские резолюции в ООН и ОАГ, с нашей точки зрения, составляет отдельную категорию. Для этого СП сейчас характерно сохранение высокого динамизма двусторонних связей, но без акцентирования политической солидаризации с Россией. Так, в 2022 г. Россия и Боливия реализовали начинания, носящие стратегический характер в контексте национальных интересов обеих. В августе в городе Эль-Альто в опытный порядок запустились первые мощности созданного при участии «Росатома» Центра ядерных исследований. Проект предполагает передачу Боливии технологий мирного использования атома для медицины, сельскохозяйственных и научных целей, продолжение масштабного научного сотрудничества и потенциально несет значительный социально-экономический эффект для Боливии [\[45\]](#), поддерживая ценность кооперации с Россией. Стратегическое значение экспорта из Боливии для России также возросло из-за того, что с началом СВО Аргентина и Чили приостановили поставки в Россию литиевого сырья, необходимого для электроники, ВПК и других высокотехнологичных производств. В августе 2022 г. «Росатом» озвучил планы усилить кооперацию с Боливией в литиевой отрасли – от добычи сырья до создания батарей [\[1\]](#). По состоянию на февраль 2023 г. компания «Uranium One Group» (связана с «Росатомом»), несмотря на санкционный климат и большую конкуренцию со стороны других иностранных фирм, прежде всего, китайских, вела переговоры о контракте на разработку месторождений лития в андской стране [\[11\]](#). Как продемонстрировали встречи глав МИДов РФ и Боливии на полях 77-ой сессии ГА ООН (сентябрь 2022 г.), общение делегаций в Бразилиа в январе 2023 г., по двусторонним каналам страны сформировали мнение о необходимости поддержания и развития диалога не только в торгово-экономической, научной сферах, но и в вопросах обороны и безопасности. Но на внешней арене, в частности, высказываясь в ОАГ, боливийское руководство избегает ассоциироваться и с осуждением, и с поддержкой России и концентрируется на призывах к мирному урегулированию украинского кризиса. В то же время в политическом классе Боливии тема России и Украины превратилась в повод для конфронтации: в марте 2023 г., например, группа оппозиционных парламентариев направила генеральному секретарю ООН открытое письмо с критикой и Москвы, и «сообщнического молчания» правительства Луиса Арсе (2020-н.в.) [\[34\]](#).

Для Аргентины и Бразилии , составляющей третью группу, свойственен нейтралитет в украинском конфликте и прагматизация партнерства с Россией . После того, как оказалось, что сопровождавшиеся дружественной риторикой и пакетами соглашений визиты Альберто Фернандеса (2019-н.в.) и Жаира Болсонару (2019-2022) в Россию в феврале 2022 г., предшествовали СВО, оба лидера подверглись критике в своих странах и на Западе в целом. Как и в Боливии, антироссийские настроения здесь охватили часть политических элит (вице-президент Бразилии Амильтон Моурау открыто осуждал Россию, правда, его слова Болсонару впоследствии дезавуировал) и общества [\[27\]](#) [\[47\]](#). В ООН обе страны были склонны поддерживать антироссийские резолюции. На панамериканской сцене, в то же время, аргентинские и бразильские представители не формулировали специального мнения, мотивируя дипломатическое «молчание» нахождением российско-украинского конфликта вне пределов континента и компетенции ОАГ [\[21\]](#) [\[33\]](#). Бразилия последовательно выступала против принятия общих деклараций по российско-украинской теме на форумах Меркосур и Просур [\[30\]](#), что тоже иллюстрирует тенденцию по вытеснению темы из регионального дискурса.

Характерной чертой подходов обоих государств стало стремление сохранять свободу рук и подчеркивать многосторонний характер своей внешней политики, куда в равной степени могут вписаться кооперация с Россией и ее оппонентами . В случае с Аргентиной, переживающей тяжелый экономический кризис и нуждающейся в диверсификации источников инвестиций и средств для облегчения обострившейся долговой проблемы, заметно прагматическое балансирование. В сентябре 2022 г. Аргентина формализовала заявку на вступление в БРИКС, но очевидно, что это не столько «пророссийский шаг», сколько мера по экономическому сближению с Китаем, и в этом же месяце президент Фернандес совершил визит в США, важной частью которого была встреча с главой Международного валютного фонда. Для Бразилии же характерен своеобразный «активный нейтралитет» в противоборстве России и Украины и стоящих за ней США и НАТО. Эту линию, в частности, иллюстрируют комментарии бразильского представителя в ОАГ по поводу антироссийских решений: он заявлял, что тема России и Украины должна обсуждаться в ООН [\[21\]](#) (где в 2022 г. Бразилия получила место непостоянного члена Совбеза). Показательно большое интервью действующего президента Лулы да Силвы изданию «Time», в котором, несмотря на усилия корреспондентов вывести политика на критику России, тот отвечал, что «в войне виноват и Зеленский» и указал на дестабилизирующую роль НАТО и недостаточную волю западных стран к обеспечению мира [\[37\]](#). Можно вспомнить и программу встреч нового главы Бразилии на «полях» его инаугурации 1 января 2023 г. Тогда он принял и делегацию РФ, во главе с председателем Совета Федерации Валентиной Матвиенко, и вице-премьера Украины Юлию Свириденко, обещая «говорить с кем угодно о мире в Украине» [\[17\]](#).

По поводу содержания стратегических партнерств можно заметить, что Аргентина и Бразилия засвидетельствовали желание их сохранять и развивать, несмотря на международную напряженность. В аргентинском Сенате и правительстве об этом специально высказывались в июне 2022 г. Правда, из «всеобъемлющего стратегического партнерства» при этом фактически выделялся ограниченный круг вопросов, таких как продвижение инвестиций и банковской кооперации, сельское хозяйство и рыбоводство, природоохрана, сотрудничество по линии отдельных научных учреждений [\[16\]](#). С Бразилией в начале января 2023 г. удалось договориться о «перезапуске стратегического партнерства» по всем направлениям кооперации и

проведении заседания Комиссии высокого уровня ^[9], которая не собиралась с 2015 г. Но есть и тревожные сигналы. Кроме упомянутых действий Аргентины в литиевом секторе, чувствительным для России стало присоединение бразильского авиационного гиганта «Embraer» к санкциям, повлекшим прекращение поставок авиазапчастей и техобслуживания ранее проданных самолетов. Во-вторых, антироссийские ограничительные меры, срывы логистических и финансовых цепочек создают затруднения даже для проектов, высокое значение которых сейчас было признано латиноамериканцами. Самый яркий пример – российские удобрения. Зависимость сельского хозяйства Бразилии от импорта удобрений из РФ в 2022 г. составляла порядка 22%, что делало Россию ключевым иностранным поставщиком данного типа продукции в южноамериканскую страну. Несмотря на санкции, импорт удобрений даже наращивался, достигая рекордных значений. В то же время, как показывает целый ряд экспертов ^[3] ^[24] ^[47], не только в Бразилии, но и в Аргентине власти видят рискованность российского направления и стратегически намерены ориентироваться на наращивание внутреннего производства удобрений и диверсификации их импорта, в том числе за счет США, Канады ^[47].

Наконец, особняком стоят Перу и Эквадор. Несмотря на то, что политический контекст в двух странах не идентичен, – правящие силы Эквадора, в целом, прозападно настроены, а в Перу решающим фактором выступает политическая разногласия и продолжающаяся нестабильность, – оба эти актора, во-первых, *солидаризировались с Западом в критике России, не делая «скидок» на партнерские отношения*. Министр иностранных дел Перу осудил Россию уже 25 февраля 2022 г. ^[19], а в октябре экс-президент страны Педро Кастильо (отстранен в декабре 2022 г.) открывал заседание Генассамблеи ОАГ, на котором выдвинули резолюцию о поддержке Украины. Что касается Эквадора, то эта страна – единственная в Латинской Америке – поддержала исключение России из Совета по правам человека в ООН после начала СВО ^[25]. Во-вторых, можно сказать, что в элитах обоих государств *наметилось представление о политической целесообразности ограничения сотрудничества с Россией*. Например, если Перу традиционно было одним из ведущих эксплуатантов российской вертолетной техники, то с началом СВО, по свидетельствам ряда экспертов, перуанские власти стали продвигать переход с российских машин на западные ^[31]. На эквадорском направлении сорвалось подписание с Россией крупного торгового соглашения. Как заявил министр внешней торговли, инвестиций и рыбного промысла Хулио Хосе Прадо, соглашение не состоится потому, что его страна «не поставит никакие ценности ниже коммерческих тем» ^[26]. Тем не менее, по двусторонним каналам дипломатического и межпарламентского диалога Эквадор все-таки посылает более благоприятные сигналы о том, что «рассматривает Россию как дружественную страну» и хотел бы развивать с ней «торговые, экономические и культурные отношения» ^[5]. Например, известно, что участие российской компании «Тяжмаш» в комплексе ГЭС "Тоачи Пилатон", которое представляло одну из узловых инициатив в контексте СП, сейчас продолжается ^[40].

Выводы и возможности

Реакция стратегических партнеров России в Латинской Америке на украинский кризис, как показано выше, разнообразна. Это поднимает вопрос о возможностях, которые России дают стратегические партнерства на латиноамериканском векторе в текущей проблемной обстановке.

Главное, на что необходимо обратить внимание, – ни одно из восьми рассматриваемых

государств все-таки не дезавуировало сами партнерские отношения. Если Гватемала отозвала из России посла с началом СВО, а президент Чили Габриель Борич (2022-н.в.) прямо обещал Украине помощь и назвал себя «южноамериканским другом» Владимира Зеленского [\[43\]](#), то страны-стратегические партнеры так не реагировали. Даже те из них, которые не стали на сторону России в политическом смысле, проявляют заинтересованность во взаимовыгодном сотрудничестве. Для большинства латиноамериканских стратегических партнеров РФ характерна двойственная позиция, которая сочетает осуждение боевых действий на Украине и предпринимаемые по двусторонним каналам усилия, нацеленные на минимизацию ущерба для проектов в рамках кооперации с Россией.

Далее - во всех СП явно выделяются символическая и материальная составляющие. Если материальная составляющая – это проекты, то символическая – идеи, которые стороны вкладывают в партнерство. Это ставит первоочередную проблему формирования «послания» латиноамериканским партнерам о российском взгляде на международные расклады и поиска точек соприкосновения. В этом смысле представляется целесообразным делать акцент на необходимости реформирования международного порядка. Во-первых, в сторону его большей сбалансированности, разрушения гегемонистских структур и соответствующего типа мышления. Во-вторых, ради реального универсализма и продвижения многосторонних подходов. В-третьих, для выхода из системы «санкционного произвола» Запада, когда авторы рыночного порядка могут исключать из него игроков по своему усмотрению. Эти установки являются достаточно широкими, чтобы охватить весь круг латиноамериканских стратегических партнеров России, от Бразилии до Эквадора. Кажется возможным сделать символическим ядром СП приверженность полицентричности как итогу глобальных перемен, спусковым механизмом для которых как раз и является нынешний конфликт России и Запада.

Еще одно значимое обстоятельство состоит в том, что коллективный Запад, ведя борьбу с Россией, полагается на блоковые методы. Действия ОАГ - продолжение этой блоковой логики на пространстве Латинской Америки. Доказательством может послужить уже то, что украинский кризис – это первый внерегиональный кризис в XXI столетии, к которому организация отнеслась настолько внимательно (в 2022 г., как видно, было вынесено четыре решения). Одним выходом из ситуации видится продолжение продвижения СП как подчеркнуто гибких структур, ориентированных на взаимную поддержку национальных интересов там, где это возможно. Другим – разработка многосторонних СП на векторе межрегионального сотрудничества России и ЛА. Заметим, что БРИКС уже был охарактеризован как «многопрофильное стратегическое партнерство» [\[8\]](#). В то же время кажется разумным и активизировать диалог Россия – СЕЛАК, которому планирует придать новый импульс Бразилия Лулы да Силвы, и усилить взаимодействие по линии Россия-АЛБА.

В целом, современный этап геополитической напряженности требует от России обновления и усиления латиноамериканской стратегии. Латиноамериканский курс должен не ограничиваться общими установками на глобальное присутствие и связи России со всеми континентами, которые возникли еще в 1990-е, а соотноситься с конкретными внешнеполитическими и внешнеэкономическими задачами, такими как продвижение дедолларизации, поиск новых инвестиционных ниш для поддержки промышленности и высокотехнологичных производств, расширение не завязанных на Запад элементов архитектуры глобальной безопасности и мн.др. С нашей точки зрения, переосмысление формата СП может быть логичным первым шагом на этом пути.

Библиография

1. В Росатоме предложили создать в Боливии полноценную литиевую промышленность. 22.11.2022, URL: <https://neftegaz.ru/news/dobycha/759849-v-rosatome-predlozhili-sozdat-v-bolivii-polnotsennuyu-litievuyu-promyshlennost/> (дата обращения: 23.02.2023)
2. Давыдов В.М. Стратегическое партнёрство в контексте российско-латиноамериканских отношений // Вестник Российской Академии наук. 2016, т. 86, №4, с. 304-315
3. Гриценко И.А. Россия и Аргентина: успехи и сложности сотрудничества в непростых условиях // Латинская Америка. – 2022. – № 12. С. 64-79
4. Интервью Посла России в Аргентине Д.В.Феокистова журналу «Международная жизнь», 6 февраля 2020 года. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/ar/1426403/> (дата обращения: 17.01.2023)
5. К. Косачев: Регулярные контакты с эквадорскими коллегами способствуют активизации двустороннего сотрудничества. 21.09.2022. URL: <http://council.gov.ru/events/news/138466/> (дата обращения: 17.01.2023)
6. Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с выступлением Госсекретаря США Р.Тиллерсона в Техасском университете по политике США в отношении Латинской Америки. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/ar/1562577/> (дата обращения: 17.01.2023)
7. Медина Гонсалес В.К. Россия и Эквадор: партнерство в технической и технологической сферах // Международные отношения, 2018, № 1, с.67-72
8. Об участии России в межгосударственном объединении БРИКС. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/mezdunarodnye-organizacii-i-forumy/deatelnost-briks-v-kontekste-zaversivsegosa-predsedatelstva-rossii-v-etom-obedinenii/?ysclid=lc6p7r48ym918720065 (дата обращения: 17.01.2023)
9. Председатель Совета Федерации обсудила с избранным Президентом Бразилии развитие российско-бразильских отношений. 01.01.2023, URL: <http://www.council.gov.ru/events/news/141755/> (дата обращения: 17.01.2023)
10. Путин договорился углублять партнерство с Кубой, Венесуэлой и Никарагуа. 26.01.2022. URL: <https://www.interfax.ru/russia/818468> (дата обращения: 17.01.2023)
11. Россия ведет переговоры с Боливией по добыче лития, заявил посол // РИА Новости. 14.02.2023, URL: <https://ria.ru/20230214/litij-1851983593.html> (дата обращения: 17.01.2023)
12. Совместное заявление Российской Федерации и Федеративной Республики Бразилии о стратегическом внешнеполитическом диалоге. 21.06.2017, URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5212> (дата обращения: 17.01.2023)
13. Яковлев П.П. Стратегическое партнерство России со странами Латинской Америки: тенденции и контртенденции. // Перспективы. 2016, № 1 (5), с.39-50.
14. Adins S. Las relaciones bilaterales entre el Perú y Rusia en el siglo XXI: una perspectiva peruana. // Ибероамериканские тетради, 2021, т.IX, №4, с.84-100
15. ALBA-TCP va a la vanguardia política en la región, asegura Maduro. 15.12.2022. URL:<https://spanish.news.cn/20221215/ec4c1959aa874568bfc58d8ab6e592cf/c.html> (дата обращения: 17.01.2023)
16. Argentina mantiene su alianza comercial con Rusia y se niega a aplicar sanciones económicas como Estados Unidos y Europa. // Cronista, 02.07.2022,

- URL:<https://www.cronista.com/economia-politica/argentina-mantiene-su-alianza-comercial-con-rusia-y-se-niega-a-aplicar-sanciones-economicas-como-estados-unidos-y-europa/> (дата обращения: 17.01.2023)
17. Before the opening, Lula da Silva met with delegations from Russia and Ukraine. 01.01.2023, URL: <https://newsunrolled.com/world/153194.html> (дата обращения: 17.01.2023)
 18. Brazil's Rouseff criticizes Russia over Syria. URL:<https://www.worldbulletin.net/europe/brazils-rousseff-criticises-russia-over-syria-h165615.html> (дата обращения: 17.01.2023)
 19. Canciller: "Perú condena enérgicamente ofensiva militar de Rusia contra Ucrania y su población". // La Republica, 25.02.2022. URL:<https://larepublica.pe/politica/2022/02/25/guerra-rusia-ucrania-canciller-cesar-landa-peru-condena-energicamente-ofensiva-militar-de-rusia-contra-ucrania-y-su-poblacion/> (дата обращения: 17.01.2023)
 20. Chaguaceda A., Boersner Herrera A. Rusia en Latinoamérica: la confluencia illiberal. 18.08.2022, URL:<https://blogs.lse.ac.uk/latamcaribbean/2022/08/18/rusia-en-latinoamerica-la-confluencia-iliberal/> (дата обращения: 17.01.2023)
 21. Chile y otros 23 países de la OEA condenan invasión rusa a Ucrania: Ni Argentina ni Brasil apoyaron declaración. 26.02.2022, URL: <https://www.emol.com/noticias/Nacional/2022/02/26/1047847/argentina-brasil-no-apoya-oea.html&hl=es&gl=ru&strip=1&vwsrsc=0> (дата обращения: 17.01.2023)
 22. Cuba y Rusia confirman asociación estratégica. 02.11.2018, URL: <http://www.acn.cu/cuba/38693-cuba-y-rusia-confirman-asociacion-estrategica> (дата обращения: 17.01.2023)
 23. Díaz-Canel estrecha vínculos con Rusia en su visita a Putin. // El Periodico, 22.11.2022. URL: <https://www.elperiodico.com/es/internacional/20221122/diaz-canel-brinda-apoyo-kremlin-78909363> (дата обращения: 17.01.2023)
 24. Duarte I. Brasil recebe cargas de fertilizantes da Rússia, mas risco de escassez se mantém // Estadão, 29.04.2022, URL: <https://www.estadao.com.br/economia/brasil-importacao-fertilizantes-russia-risco-escassez/> (дата обращения: 17.01.2023)
 25. Ecuador a favor de la salida de Rusia del Consejo de Derechos Humanos de la ONU. // El Comercio, 07.04.2022, URL: <https://www.elcomercio.com/actualidad/mundo/ecuador-apoya-salida-rusia-derechos-humanos-onu.html> (дата обращения: 17.01.2023)
 26. El ministro de Comercio Exterior de Ecuador descarta acuerdo comercial con Rusia. 07.04.2022. URL:<https://sputniknews.lat/20220407/el-ministro-de-comercio-exterior-de-ecuador-descarta-acuerdo-comercial-con-rusia-1124156758.html&cd=15&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (дата обращения: 17.01.2023)
 27. Encuesta guerra Rusia-Ucrania: más del 65% de los argentinos rechaza la invasión. 05.03.2022, URL: <https://www.iprofesional.com/actualidad/358511-encuesta-rusia-ucrania-65-de-argentinos-rechaza-la-invasion> (дата обращения: 17.01.2023)
 28. "Es un triquitrazo de Daniel Ortega", dice ex-militar sobre ingreso de tropas rusas en Nicaragua. // La Prensa. 19.06.2022. URL:<https://www.laprensani.com/2022/06/19/suplemento/la-prensa-domingo/3009894-es-un-triquitrazo-de-daniel-ortega-dice-militar-sobre-ingreso-de-tropas-rusas-a-nicaragua&hl=es&gl=ru&strip=1&vwsrsc=0> (дата обращения: 17.01.2023)
 29. Farah D., Richardson M. Dangerous Alliances: Russia's Strategic Inroads in Latin America. Strategic Perspectives, 2022, 41, 54 pp.
 30. Figueiredo J. Sem Brasil, Paraguai retira comunicado dos presidentes do Mercosul

- condenando a Rússia. // O Globo. 25.02.2022, URL: <https://oglobo.globo.com/mundo/sem-brasil-paraguai-retira-comunicado-dos-presidentes-do-mercosul-condenando-russia-25410712> (дата обращения: 17.01.2023)
31. La larga trayectoria de los helicópteros rusos en el Perú. 30.12.2022, URL: <https://fpp.org.pe/la-larga-trayectoria-de-los-helicopteros-rusos-en-el-peru/?amp=1> (дата обращения: 17.01.2023)
32. 'La OEA aborda el rol desestabilizador de Rusia y Cuba en Venezuela'. Declaraciones de Alexis F. Ludwig, Representante adjunto permanente de los Estados Unidos, 02.05.2019, URL: <https://cu.usembassy.gov/es/la-oea-aborda-el-rol-desestabilizador-de-rusia-y-cuba-en-venezuela/> (дата обращения: 17.01.2023)
33. La OEA pide el fin de posibles "crímenes de guerra" en Ucrania. 25.03.2022. URL: <https://www.semana.com/mundo/articulo/la-oea-pide-el-fin-de-posibles-crimenes-de-guerra-en-ucrania/202258/> (дата обращения: 17.01.2023)
34. La oposición boliviana descargó fuertes críticas contra Arce por abstenerse de condenar la invasión rusa a Ucrania. 03.03.2022, URL: <https://www.infobae.com/america/mundo/2022/03/03/la-oposicion-boliviana-descargo-fuertes-criticas-contra-arce-por-abstenerse-de-condenar-la-invasion-rusa-a-ucrania/&hl=es&gl=ru&strip=1&vwsrc=0> (дата обращения: 17.01.2023)
35. La rusa Gazprom y YPFB negocian inversión para la exploración del campo Vitiacua. 21.06.2021. URL: <https://www.abi.bo/index.php/noticias/politica/36-notas/noticias/economia/7151-La-rusa-Gazprom-y-YPFB-negocian-inversi%C3%B3n-para-la-exploraci%C3%B3n-del-campo-Vitiacua> (дата обращения: 17.01.2023)
36. Los intereses que persigue EEUU en la OEA: condenar a Nicaragua, Venezuela y Rusia. 06.10.2022, URL: <https://sputniknews.lat/20221006/los-intereses-que-persigue-eeuu-en-la-oea-condenar-a-nicaragua-venezuela-y-rusia-1131223601.html> (дата обращения: 17.01.2023)
37. Lula Talks to TIME About Ukraine, Bolsonaro, and Brazil's Fragile Democracy. // Time, 04.05.2022, URL: <https://time.com/6173232/lula-da-silva-transcript/> (дата обращения: 17.01.2023)
38. Marta L. Ramírez: 'Debemos tener el compromiso de defender la democracia'. // El Tiempo, 21.07.2022. URL: <https://www.eltiempo.com/politica/gobierno/marta-lucia-ramirez-hizo-un-llamado-a-la-seguridad-multilateral-en-prosur-689115> (дата обращения: 17.01.2023)
39. Nicolás Maduro expresó su fuerte apoyo a las "acciones decisivas" de Rusia en Ucrania, según el Kremlin. 01.03.2022. URL: <https://cnnespanol.cnn.com/2022/03/01/nicolas-maduro-apoyo-rusia-ucrania-guerra-kremlin-trax/> (дата обращения: 17.01.2023)
40. Orozco M. Nuevo retraso en Toachi Pilatón, empresa rusa pide más plazo. 09.12.2022, URL: <https://www.primicias.ec/noticias/economia/nuevo-retraso-toachi-pilatton-rusia-china-ecuador/> (дата обращения: 17.01.2023)
41. Presidente (e) Guaidó tras suspensión de Rusia como país observador de la OEA: "Los venezolanos ratificamos nuestro rechazo a la atroz invasión de Putin a Ucrania". URL: <https://presidenciave.com/presidencia/presidente-e-guaido-tras-suspension-de-rusia-como-pais-observador-de-la-oea-los-venezolanos-ratificamos-nuestro-rechazo-a-la-atroz-invasion-de-putin-a-ucrania/> (дата обращения: 17.01.2023)
42. Presidente de la Duma de Rusia agradece apoyo de Daniel Ortega. 25.02.2022. URL: <https://cnnespanol.cnn.com/2022/02/25/nicaragua-duma-rusia-ortega-orix/> (дата обращения: 17.01.2023)
43. Presidente Gabriel Boric dialoga con Volodymyr Zelensky y ofrece ayuda humanitaria

- para Ucrania: "Tiene un amigo en América del Sur". // El Mostrador, 01.07.2022, URL: <https://www.elmostrador.cl/noticias/mundo/2022/07/01/presidente-gabriel-boric-dialoga-con-volodymyr-zelensky-y-ofrece-ayuda-humanitaria-para-ucrania-tiene-un-amigo-en-america-del-sur/> (дата обращения: 17.01.2023)
44. Rouvinsky V. Russia and Latin America. A framework for analysis / Rouvinsky, V. and Jeifets, V. (eds.). Rethinking Russian-Latin American Relations in the Post-Cold War Era. New York: Routledge, 2022, pp.15-32
45. Rusia ayuda a Bolivia a construir un centro nuclear. 08.08.2022, URL: <https://spanish.almanar.com.lb/643975> (дата обращения: 17.01.2023)
46. Sitenko A. Russia and Latin America. Strategic partnerships / Rouvinsky, V. and Jeifets, V. (eds.). Rethinking Russian-Latin American Relations in the Post-Cold War Era. New York: Routledge, 2022. Pp.132-146
47. Tarasenko P. Will Brazil's New President Back Russia's Dream of Multipolarity? 14.11.2022, URL: <https://carnegieendowment.org/politika/88331> (дата обращения: 17.01.2023)

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом рецензируемого исследования являются стратегические партнёрства между Россией и странами Латинской Америки (Аргентиной, Бразилией, Боливией, Венесуэлой, Кубой, Никарагуа, Перу и Эквадором), а также влияние, которое оказывает на развитие указанных партнёрств текущий украинский кризис. Учитывая сложность и остроту складывающихся для современной России геополитических и международных условий, попытки российских дипломатов и политиков найти союзников на мировой арене, актуальность выбранной автором статьи темы трудно переоценить. К сожалению, автор не дал себе труда описать и аргументировать свой теоретико-методологический выбор. Однако из контекста можно заключить, что помимо традиционных общенаучных аналитических методов, автор применял некоторые элементы исторического и институционального подходов, а также метод контент-анализа официальных документов и деклараций. Но ключевым методом в исследовании выступил хорошо себя зарекомендовавший (например, в исследованиях Д.А. Дегтерева) метод количественного анализа голосования в органах ООН и других международных организациях. В рецензируемой статье данный метод также продемонстрировал высокую эффективность и позволил автору получить результаты, обладающие признаками научной новизны. Так, с одной стороны, анализ результатов голосования по антироссийским резолюциям в ООН и в Организации американских государств (ОАГ) восьми отобранных для изучения стран Латинской Америки продемонстрировал амбивалентность их позиций в украинском кризисе. Но, с другой стороны, ни одно из изученных государств-стратегических партнёров не разорвало отношений с Россией, пытаясь сочетать моральную и символическую поддержку Украины с поисками решений, позволяющих минимизировать ущерб от осложнившейся международной обстановки для совместных проектов с Россией. В связи с этим интерес представляют рассуждения автора о необходимости формирования российскими официальными лицами чёткого послания латиноамериканским партнёрам о позиции России в данном конфликте. Любопытны также предложения автора по обновлению и усилению латиноамериканской стратегии России. В структурном плане рецензируемая работа также производит

положительное впечатление: её логика последовательна и отражает основные аспекты проведённого исследования. В тексте выделены следующие разделы: - неозаглавленная вводная часть, где формулируется научная проблема, которой посвящено исследование, её актуальность и т. д.; - первый содержательный раздел «Стратегические партнёрства в российско-латиноамериканских отношениях», где представлен анализ истории и основных институциональных форм стратегического партнёрства между Россией и странами Латинской Америки; - второй содержательный раздел «Латиноамериканские стратегические партнёры России и украинский кризис», где анализируется влияние украинского кризиса на качество исследуемых стратегических партнёрств; - стилистически не очень удачно озаглавленная заключительная часть «Выводы и возможности», где резюмируются итоги проведённого исследования, формулируются некоторые авторские предложения и рекомендации, а также намечаются перспективы дальнейших исследований. В стилистическом плане рецензируемую статью можно квалифицировать как научную работу. В тексте встречается некоторое (некритичное) количество стилистических (например, бессистемное использование дефисов вместо тире; или необъяснимый разрыв в оформлении таблицы 1) и грамматических (например, использование дефиса вместо запятой после вводного слова в предложении «Далее - во всех СП явно выделяются символическая и материальная составляющие»), но в целом он написан достаточно грамотно, на хорошем научном языке, с корректным использованием научной терминологии. Библиография насчитывает 47 наименований, в том числе источники на нескольких иностранных языках, и в достаточной мере репрезентирует состояние исследований по проблематике статьи. Апелляция к оппонентам отсутствует в силу отсутствия теоретико-методологической рефлексии. В числе достоинств рецензируемой работы специально следует отметить использование иллюстративного материала (двух таблиц), существенно упрощающих восприятие аргументов автора. К достоинствам статьи можно отнести также солидный эмпирический материал, привлечённый для анализа.

ОБЩИЙ ВЫВОД: предложенную к рецензированию статью можно квалифицировать в качестве научной работы, соответствующей основным требованиям, предъявляемым к работам подобного рода. Полученные автором результаты соответствуют тематике журнала «Мировая политика» и будут представлять интерес для политологов, политических социологов, специалистов в области государственного управления, мировой политики и международных отношений, а также для студентов перечисленных специальностей. На будущее автору можно пожелать большее внимание уделять теоретико-методологической рефлексии. Но данную статью можно рекомендовать к публикации.

Мировая политика

Правильная ссылка на статью:

Гадалин Д.Ю., Иманалиева М.А. — Механизм реализации политики памяти в контексте социальных рамок «коллективной памяти» // Мировая политика. – 2023. – № 1. DOI: 10.25136/2409-8671.2023.1.36063 EDN: LDATWY URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=36063

Механизм реализации политики памяти в контексте социальных рамок «коллективной памяти»

Гадалин Дмитрий Юрьевич

бакалавр, кафедра сравнительной политологии, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД Российской Федерации

119454, Россия, Город федерального значения Москва, г. Москва, ул. Проспект Вернадского, 76

✉ gadalindimitriemgimo08071999@gmail.com

Иманалиева Мария Алмазовна

бакалавр, кафедра трудового права, Московский государственный университет имени МВ. Ломоносова

119454, Россия, г. Москва, проспект Вернадского, 76

✉ gadalindimitriemgimo08071999@gmail.com

[Статья из рубрики "Психологические операции"](#)

DOI:

10.25136/2409-8671.2023.1.36063

EDN:

LDATWY

Дата направления статьи в редакцию:

05-07-2021

Аннотация: Целью статьи является анализ механизма действия политики памяти в контексте феномена «коллективной памяти» М. Хальбвакса. Политика памяти представляет из себя упорядоченные действия политических элит по формированию желаемого комплекса образов и представлений прошлого обществом. Такая стратегия позволяет решить несколько проблем, в частности проблему легитимности, а также проблему аргументации выбранных государством внутри- и внешнеполитических программ, которые также могут ставить перед собой задачу искажения собственного исторического прошлого и ухудшение отношений между двумя государствами. Обработка коллективной памяти как составляющей общественного сознания претерпела серьезную эволюцию и сегодня может представлять из себя массу агрессивных стратегий. Научной новизной исследования является применение комбинированного подхода к пониманию

феномена коллективной памяти и ее обработки. Комбинированный подход, основанный на трудах М. Хальбвакса в области социологии и психоанализа, основанного на психологии бессознательного З. Фрейда, а также теории коллективного бессознательного и его архетипов К.Г. Юнга позволяет выделить взаимозависимость между дифференциацией образов исторического прошлого и уровнями сознания индивида. Разработана схема взаимосвязи, а также схема выборки нарративов общественного сознания с целью формирования универсального набора образов и представлений. В качестве выводов приводится подтверждение правомерности метода М. Хальбвакса и его корреляции с психоанализом, а также указывается на опасность попустительства со стороны Российского государства в отношении агрессивной политики памяти в странах постсоветского пространства и бывшего социалистического блока.

Ключевые слова:

коллективная память, общественное сознание, политика памяти, психоанализ, коллективное бессознательное, социальная рамка, фрустрация, нациестроительство, индикатор, образ

На сегодняшний день политика памяти стала неотъемлемой составляющей государственной политики многих стран, далеко за рамками постсоветского пространства, Центральной и Восточной Европы. Но именно в государствах этих регионов политика памяти достигла своего наивысшего расцвета, в ряде стран став одной из основ политики нациестроительства, параллельно становясь угрозой для безопасности внешнеполитических рубежей Российской Федерации во многом ввиду появления враждебно, а в ряде случаев агрессивно настроенных по отношению к России и российскому обществу социальных групп в странах-соседах.

Изучению политики памяти посвящено множество литературы, как отечественной, так и зарубежной. Из отечественных исследователей стоит выделить С.П. Поцелуева [\[8\]](#) и О.Ю. Малинову [\[4,5,6\]](#), которая рассматривает политику памяти как область более широкой символической политики. Феномен памяти достаточно широко освещен в трудах философов, социологов и культурологов, но при этом ни один из подходов не способен в полной мере объяснить существующие закономерности памяти, поэтому требуется корреляция подходов.

Интерес к политике памяти обусловлен тем, что она, пройдя три этапа своего становления в течение XX в., стала во многом замещать идеологические установки в обществе, обеспечивавших ранее устремление вперед на контрасте с политикой памяти, которая апеллирует к прошлому и формирует внутреннюю систему общества и его взаимодействие с соседями на основе предшествующих эпох и примеров взаимодействия.

По мнению Ю.А. Сафроновой, политика исторической памяти – это полноценная система «взаимодействий и коммуникаций различных акторов относительно политического использования прошлого» [\[10\]](#). Такое направление формируется в период поиска национальной идентичности, но так как данный процесс длительный и многогранный, то и сама политика памяти может претерпевать серьезные изменения. Политика памяти предполагает наличие субъекта в лице государства/политических элит государства, общество как объект воздействия политики памяти, набора инструментов воздействия, в частности СМИ, образование, институты (национальной) памяти, которые выполняют

функцию пересмотра устоявшихся трактовок национальной истории и поиск доказательной базы для новых стандартов в истории страны, как следствие - формируется заявленная как соответствующая интересам государства и населения истинная теоретическая и фактическая база, призванная обеспечить доминирующие нарративы в общественном сознании населения [\[6\]](#).

Принципиальным является то, что, как правило, такие суждения очень часто носят характер ложных умозаключений и искажений, программирующих общественное сознание населения на восприятие и трактовку событий прошлого и производных процессов настоящего через призму уже навязанных государственной властью позиций и точек зрения, то есть политические элиты стремятся сформировать удобную коллективную память населения, которая позволила бы автоматически обеспечивать легитимность властной верхушки [\[4\]](#). Но такая задача в действительной степени не проста во многом из-за специфики коллективной памяти.

Подходы к пониманию феномена памяти дополнялись в течение всего предыдущего столетия. Важное место в данных рассуждениях занимает М. Хальбвакс, поскольку большой корпус исследований данный французский социолог посвящал изучению «коллективной памяти», которая может рассматриваться как взаимно разделяемая совокупность представлений относительно прошлого в рамках заданной социальной группы [\[2\]](#). Таким образом, М. Хальбвакс делает вывод, что следует различать память двух категорий, а именно – память индивидуальную (память личности, основанная на собственных личностных представлениях) и память коллективную [\[13\]](#).

М. Хальбвакс во многом руководствовался наследием Э. Дюркгейма, который отстаивал право социологии на статус самостоятельной академической дисциплины [\[3\]](#). Однако в такой ситуации феномен «коллективной памяти» вступает в прямое противоречие с установкой Э. Дюркгейма, так как данный феномен необходимо рассматривать как пересечение ряда дисциплин, прежде всего истории и социальной психологии, так как с одной стороны, коллективная память определяет в качестве объектов исторические события и процессы, значимых исторических деятелей, а с другой стороны, ей присущи такие характеристики, как конструирование и изменчивость, постепенное укрепление сакральности ряда событий и образов прошлого.

Поэтому подход М. Хальбвакса хоть и оказал серьезное воздействие на изучение феномена коллективной памяти, в то же время оказался несостоятельным по причине необходимости привлечения дополнительных академических дисциплин для изучения.

Преимущества рассуждений французского мыслителя доказал К.Г. Юнг, который, изучая проблемы сознания индивида, выработал теорию коллективного бессознательного, продолжая рассуждения З. Фрейда о психологии бессознательного [\[12\]](#). Классическая схема К.Г. Юнга позволяет рассматривать каждого индивида как существо со схожим набором «проформ», которые заполняют коллективное бессознательное [\[16\]](#). Из данных «проформ» в дальнейшем формируются уже символы и образы, но так как в рамках социальной группы, которая может быть представлена как отдельный субъект межгрупповых отношений в рамках общества, так и общество в целом, существует наличие упорядоченного комплекса представлений, то теория М. Хальбвакса верна еще и потому, что его концепция «социальных рамок памяти» устанавливает пределы ранжирования доминирующих в социальной группе нарративов [\[14\]](#), откуда можно сделать вывод, что фундамент на основе проформ является универсальным для каждого

индивида, но их наполнение и последующее формирование уже не пустых ячеек, а связанных представлений происходит на основе распределения существующих в рамках общественного сознания с учетом длительного исторического опыта смысловых доминант. Такое умозаключение, применимое к такой социальной группе как цельное общество, может быть представлено на схеме ниже:

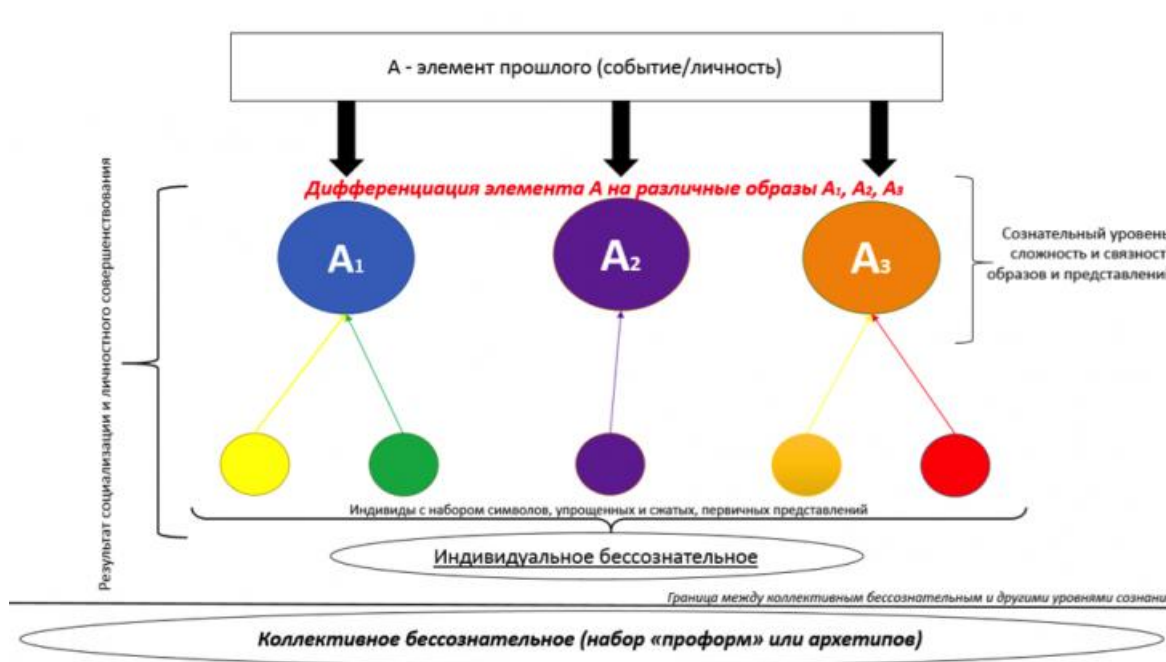

Рисунок 1. Формирование дифференцированных образов прошлого (составлен автором).

Первичным или наиболее примитивным уровнем памяти выступает коллективное бессознательное, которое представляет из себя пустые «проформы» или архетипы, однако на этом уровне допускается наличие биопсихических универсальных установок, закономерных для природы homo sapiens. Данные проформы как пустые ячейки заполняются имеющимся в распоряжении общества набором символов, которые можно трактовать как индикатор, обозначающий наличие в структуре памяти представления о конкретном событии или исторической личности, но при этом не отражающее предметного, детального образа [\[15\]](#). Именно архетипы служат основой для расовой, семейной или национальной и иной дифференциации [\[16\]](#).

Поэтому следующим уровнем является индивидуальное бессознательное, где, с учетом социализации и личностного развития, формируются уже уникальные символы и индикаторы, которые затем на уровне сознательного могут разворачиваться в полноценные образы и представления, нередко разделяемые другими членами социальной группы, в результате такого пересечения формируется близость взглядов. Но принципиальным является то, что многообразие факторов определяет и многообразие образов на конкретное событие/процесс. Поэтому цепочка выглядит взаимозависимой, поскольку на количество образов влияет не только социализация и внутренний мир индивида, но и объективные причины, схожие с факторами формирования общественного сознания такими как:

ü Природно-климатические условия, в частности тяжелые условия выживания, повышенная потребность в безопасности ввиду отсутствия естественных рубежей защиты [\[9\]](#) и т.д.

ü Условия благосостояния членов общества, уровень образования и медицины. При

отсутствии таких условий в обществе может развиваться состояние фрустрации [7], чем может также воспользоваться политическая элита с целью сохранения власти и направить аккумулирующуюся агрессию населения на сторонний объект. Такая практика особенно была популярна после Первой мировой войны, когда в Италии и Германии во многом из-за фрустрационной агрессии населения ввиду существенного ухудшения условий жизни и труда позволила радикальным правым группировкам прийти к власти, которые затем, апеллируя к прошлой несправедливости стран-победительниц по отношению к Италии и Германии только укрепляли свою легитимность.

Формы общественного уклада, которые определяют характер межличностных и межгрупповых отношений и потенциальный угол восприятия исторических событий и явлений. Например, согласно теории «общинного социализма» А.И. Герцена Россия во многом за счет наличия крестьянской общины как базовой ячейки общества может перейти в социализм минуя капитализм, поскольку исторический опыт, а крестьянская община существовала в течение длительных столетий, начиная с Древнерусского государства, приводит к выработке стойких представлений как об историческом прошлом, так и об идеальном укладе настоящего и будущего. В таком обществе будет широко распространены идеи коллективности, справедливости товарищества. Напротив, в Соединенных Штатах Америки в течение времени существовала форма индивидуального, фермерского хозяйства, поэтому социалистические идеи в таком обществе всегда будут находиться в состоянии упадка [17].

Таким образом, очевидно, что политическая элита в рамках реализации собственного курса политики памяти, нацеленного на укрепление одного из приемлемых представлений об историческом явлении, сталкивается, как минимум, с двумя проблемами:

1. Необходимость изъятия «нежелательного» образа, причем чем крепче в общественном сознании располагается данный образ, тем сложнее его изъять, можно рассчитывать только на временное сокрытие данного элемента в структуре памяти [5]. Например, в 1990-е гг. в Российской Федерации проводили радикальные рыночные реформы, которые не дали успешных результатов в краткосрочной перспективе, привели к усилению фрустрационных настроений населения и обрекли на неудачу стремительный демократический транзит во многом ввиду того, что демократические нарративы встали в один ряд с проявлением несправедливости и тяжелых условий жизни и труда. Поэтому в этот период среди населения стали развиваться чувства «ностальгии» по советской эпохе, что и вылилось в масштабную поддержку КПРФ во второй половине 1990-х гг. Политическая элита России в этот период не смогла изъять прочные представления населения о справедливости и коллективности, поскольку возникший морально-ценностный вакуум населения оказался не заполнен.

2. Политическая элита вынуждена выбирать предпочитаемые нарративы только из того комплекса, которым располагает коллективная память общества. Например, личность Екатерины II в русской истории дифференцируется на несколько образов, в частности образ заботливой, просвещенной государыни, обеспечившей России стабильное процветание и могущество в Европе и на Черном море. Однако параллельно с этим существует и образ правителя-тирана, который в течение более тридцати лет во всем содействовал дворянству, а особенно в усилении угнетения крепостного крестьянства и работных людей. Очевидно, что собственный внутренний мир индивида, его воззрения на общество и политическую жизнь страны помещают в его в тот или иной «лагерь» образа Екатерины II.

Поэтому если государство в рамках реализации политики памяти поставит перед собой цель сформировать лишь одну смысловую доминанту, то необходимо изъять сопряженный образ правителя или процесса, например, уделять большее внимание в системе образования именно достижениям исторического деятеля, избегая или, как минимум, снижая акцент на существовавшие в ту эпоху неудачи и проблемы населения:

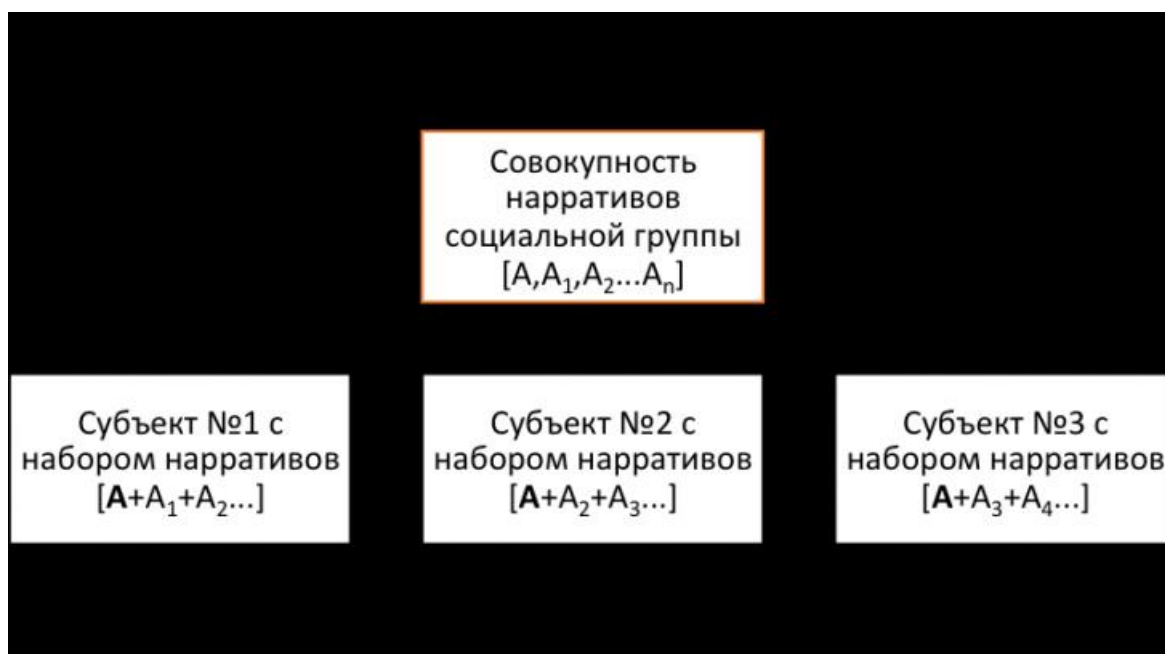

Схема 2. Поиск универсального нарратива памяти (составлен автором).

На схеме изображено определенное множество имеющихся в структуре памяти социальной группы нарративов в отношении конкретного события/процесса, однако важно учитывать, что набор нарративов индивида является уникальным, но так как для всех присутствующих имеется общий нарратив **A**, то он может использоваться политическими элитами с целью формирования единственной доминанты, а уникальные характеристики будут нивелироваться, изыматься. Более того, такой принцип выбора универсальной доминанты позволяет в дальнейшем обеспечивать консолидацию общественных сил для обеспечения социальной поддержки государственных проектов, в том числе и по пересмотру устоявшихся трактовок исторических событий [\[7\]](#).

Заключение

Таким образом, коллективная память, над которой работал М. Хальбвакс, является составляющей общественного сознания, которое, в свою очередь, представляет из себя гибкую и динамичную категорию, поскольку оно представлено множеством образов и символов, которыми располагает цельное общество, однако в то же время общественное сознание представляет из себя достаточно прочный фундамент господствующих нарративов, сформировавшихся в ОС в течение длительного исторического опыта. В этой связи важно подчеркнуть, что даже несмотря на обилие различных трактовок на конкретные события и процессы прошлого, неотъемлемым является наличие самого элемента в структуре ОС, на основе которого уже формируются вариации образов и нарративов. Однако в коллективной памяти присутствуют пределы (рамки) ранжирования образов, поэтому данное понятие, которое операционализировал М. Хальбвакс и которое в течение длительного времени находилось в поле критики со стороны таких исследователей, как М. Блок [\[1\]](#), можно не только оценивать с позиции социологии или психоанализа, но также проводить и количественные исследования, а также оценивать

на практике потенциал политики памяти государств постсоветского пространства и стран Центральной и Восточной Европы с целью формирования более полного понимания дальнейших шагов недружественных правительств и выработки стратегий предупреждения антироссийской риторики и пропаганды.

Библиография

1. Ассман А. Новое недовольство мемориальной культурой. — М., 2016. С.19.
2. Емельянова Т.П., Кузнецова А.В. Представления коллективной памяти об эпохе Петра I и его личности у представителей различных социальных групп // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 28. С. 9. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 28.06.2021).
3. Кузнецов Ю.В., Кравцов В.А., Кибиткин А.И. Социально-философские концепции социализации личности (Э. Дюркгейм, Ж. Пиаже) // Вестник МГТУ. 2012. №1. С.5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-filosofskie-kontseptsii-sotsializatsii-lichnosti-e-dyurkgeym-zh-piazhe> (дата обращения: 04.07.2021).
4. Малинова О.Ю. Актуальное прошлое: символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М.: РОССПЭН, 2015.
5. Малинова О. Ю. Конструирование смыслов: Исследование символической политики в современной России. М.: ИНИОН РАН, 2013. С.12-13.
6. Малинова О.Ю. Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А. И., Ефременко Д. В. М.-СПб: Нестор-История, 2018. 224 с.
7. Осколков П. В. Феномен национализма: концептуализация и типологии // Современная Европа. 2020. № 3. С. 108–116.
8. Поцелуев С. П. «Символическая политика»: К истории концепта // Символическая политика. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М.: ИНИОН РАН, 2012. С. 17–53.
9. Прокуденкова О. В. Россия: Европа или Азия полемика П. Н. Милюкова с евразийцами о роли географического фактора в развитии русской культуры // Вестник РХГА. 2006. №1.
10. Сафронова Ю.А. Memory studies: эволюция, проблематика и институциональное развитие / Методологические вопросы изучения политики памяти: Сб. научн. тр. / Отв. ред. Миллер А. И., Ефременко Д. В. — М.-СПб: Нестор-История, 2018. — 224 с.
11. Фрейд З. Некоторые замечания относительно понятия бессознательного в психоанализе (1912). С.34-39.
12. Фрейд З. Психология бессознательного. М., 2006. С. 25-38.
13. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас 2019. 2-3(40-41).
14. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007. С.11.
15. Юнг К. Г. Человек и его символы // Серебряные нити, 2017. 352 с.
16. Jung C. The Archetypes and the Collective Unconscious, Collected Works, Volume 9, Part 1 // Princeton University Press. 1959. para. 90-92,118.
17. Kudashov V.I., Chernykh S.I., Yatsenko M.P., Grigorieva L.I., Phanenstiel I.A., Rakhinskiy D.V. Historical Reflection in the Educational Process: An Axiological Approach // Analele Universitatii din Craiova. 2017. Vol. 22, №1. P. 139–147.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не

раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Политика памяти стала актуальной темой для исследования в связи с развернувшейся дискуссией вокруг необходимости выработки нового курса в отношении Украины и ответа на ее действия, нацеленные на пересмотр исторических основ российско-украинских отношений. Однако в качестве предмета исследования автор выбрал общетеоретические вопросы выработки политики памяти. При этом в качестве методологии была выбрана комбинация двух подходов: социологического и психоанализа, что является довольно нестандартным подходом к изучению этой проблемы. С точки зрения психоанализа политика памяти - это внедрение в сознание населения ряда представлений о собственном национальном прошлом, которое обеспечивает преимущественный взгляд на него в среде других взглядов, что позволяет политическим элитам с целью сохранения своей легитимности и решения ряда задач общегосударственного масштаба отвлекать население от текущих социально-значимых проблем за счет образа внешнего врага. Автор выделяет коллективную память в качестве составляющей общественного сознания, при этом именно коллективная память является наиболее уязвимой для обработки и трансформации. Для иллюстрации исследователь приводит переживания российского общества и усиливавшееся чувство ностальгии по советскому прошлому, возникшие в результате провала рыночных реформ либерализации, тем самым подтверждая, что нарративы коллективной памяти в структуре сознания не только сохраняются, но и укрепляются с течением времени за счет тех же факторов, благодаря которым формируется общественное сознание населения даже при попытке изъятия этих нарративов из структуры памяти, в данном случае окончившейся неудачно. В своей работе автор выделил три таких факторов, тесно привязанных к историческому опыту, однако стоит также учитывать ряд внешних факторов, которые не нашли отражение в этой работе. К ним можно отнести текущий расклад сил на мировой арене, влияние общественных институтов, влияние третьих сторон, преследующих собственные интересы. Хотя автор отмечает, что, как правило, к политике памяти государства обращаются именно в результате необходимости снизить влияние второй стороны (например, страны-соседа) в процессе как нациестроительства, так и преодоления пережитков предшествовавшего социально-экономического уклада общества в этой стране. Статья бы выиграла если бы автор показал, как государство использует политику памяти под влиянием внерегиональных сил, которые стремятся упрочить свою гегемонию в мировом масштабе за счет трансформации общественного сознания в тех странах, которые представляют стратегическую значимость и имеют сильную культурную и историческую связь со своим соседом, которую необходимо разорвать. таким кейсом, на сегодняшний день выступает Украина, которую автор, к сожалению, рассматривать не стал. Однако это не значит, что работа не представляет интерес широкой читательской аудитории. Несмотря на узость выбранного предмета, выводы автора представляют значимость для обогащения данного политического дискурса и имеют новизну.

Достоинством работы является наличие наглядных схем и таблиц, которые проясняют видение автора и дают понимание механизма обработки коллективной памяти.

Работа опирается на труды известных российских и зарубежных специалистов и, в целом, соответствует требованиям, выдвигаемым научным статьям.

Англоязычные метаданные

The Technological Confrontation between China and the United States: the Front and Core of the Sino-US Strategic Game

WANG CONGYUE

PhD student, Department of International Political Processes, Saint-Petersburg State University

191060, Russia, Saint Petersburg region, Saint Petersburg, Smolnystr., 1-3

✉ robertwcyacademic@gmail.com

Abstract. In recent years, China's scientific and technological power has risen rapidly, threatening the United States' supremacy in this field. In order to contain the continuous development of China's scientific and technological strength, the US government has adopted a series of policies and measures since the Trump administration. At present, the technological confrontation between China and the United States is becoming increasingly fierce. In order to better understand this technological confrontation, this paper will use methods of analysis, information synthesis, comparison, induction, and deduction to analyze the causes of Sino-US science and technology confrontation, list the specific measures taken by the United States, study the comparative advantages of the United States and China in this confrontation, and finally analyze the global impacts of the Sino-US technological confrontation. With the rise and development of the Fourth Industrial Revolution, scientific and technological competition is gradually becoming the front and core of Sino-US strategic game, which is different from the traditional geostrategic competition in content and form. This is the first time that the strategic competition of major powers mainly focuses on the field of non-physical geography for mankind. Neither China nor the United States has sufficient experience, and there is also a lack of historical experience to learn from. This paper argues that the Sino-US technological confrontation will not only affect the relationship between China and the United States, but also have negative impacts on the world. Therefore, China and the United States should look for areas of science and technology that can cooperate actively, promote the common prosperity and development of global science and technology, and let science and technology play a new and more constructive role in global politics.

Keywords: comprehensive national strength, international configuration, the Fourth Industrial Revolution, technical decoupling, strategic game, Sino-US relations, technological confrontation, scientific and technological strength, 5G technology, artificial intelligence

References (transliterated)

1. Mearsheimer, J. J. The inevitable rivalry: America, China, and the tragedy of great-power politics // Foreign Affairs, 2021.-S. 32-48.
2. Huang Z. L., Han Z. Y. Analysis of U.S. Science and Technology Competitive Strategy towards China in the Context of the Sino-US Strategic Game // Seeking Truth.- 2022.-№ 2.-S. 169-179.
3. Wu X. B. US Competitive Policy toward China and transformation of China-US Relations // China International Studies.-2020.-№ 3.-S. 7-20.
4. Giacomello G., Moro F. N., Valigi M. Technology and International Relations: The New

- Frontier in Global Power. –M.: Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2021
5. Xu G. H. Retrospect on Chinese Science and Technology Development and Recommendations // Bulletin of Chinese Academy of Sciences.-2019.-№10.-S. 1096-1103.DOI: 10.16418/j.issn.1000-3045.2019.10.003
 6. Liu W. The Mystery of Advanced Technology Restrictions in Sino-US Trade Friction // Northeast Asia Forum.-2019.-№2.-S. 83-96.DOI: 10.13654/j.cnki.naf.2019.02.006
 7. SShA – KNR: kholodnaya voyna na tekhnologicheskoy fronte //Fond Strategicheskoy Kul'tury URL: <https://www.fondsk.ru/news/2019/12/27/us-ksn-holodnaya-vojna-na-tehnologicheskoy-fronte-49777.html> (data obrashcheniya: 27.01.2023).
 8. Comparative analysis of China-related legislation in the U.S. Congress during the Trump and Biden administrations // Taihe Institute URL: <http://www.taiheinstitute.org/Content/2022/10-13/1440143244.html> (data obrashcheniya:27.01.2023).
 9. Improved Export Controls Enforcement Technology Needed for U.S. National Security // CSIS URL: <https://www.csis.org/analysis/improved-export-controls-enforcement-technology-needed-us-national-security> (data obrashcheniya: 27.01.2023).
 10. Entity List reflects gap between US and reality: China Daily editorial // CHINADAILY URL: <https://www.chinadaily.com.cn/a/202208/24/WS6305fdaaa310fd2b29e7409f.html> (data obrashcheniya: 27.01.2023).
 11. Tekhnologicheskaya konkurenciya mezhdru SShA i Kitaem: chego ozhidat'? // Rossiya v Global'noy Politike URL: <https://globalaffairs.ru/articles/tehnokonkurenciya-ssha-kitai/> (data obrashcheniya: 27.01.2023).
 12. Biden Keeps Costly Trump Visa Policy Denying Chinese Grad Students // Forbes URL: <https://www.forbes.com/sites/stuartanderson/2021/08/10/biden-keeps-costly-trump-visa-policy-denying-chinese-grad-students/?sh=37b906836419> (data obrashcheniya: 27.01.2023).
 13. Cartwright M. Internationalising State Power Through the Internet: Google, Huawei and Geopolitical Struggle // Internet Policy Review.-2020.-№3.-S. 1-18.DOI: 10.14763/2020.3.1494
 14. Chto izvestno o dele finansovogo direktora Huawei Men Van'chzhou // TASS URL: <https://tass.ru/info/7558965> (data obrashcheniya: 27.01.2023).
 15. Friedberg A. L., Boustany Jr. C. W. Partial Disengagement: A New US Strategy for Economic Competition with China // The Washington Quarterly.-2020.-№1.-S. 23-40.
 16. Senate passes massive bipartisan bill to combat China's growing economic influence // CNN URL: <https://edition.cnn.com/2021/06/08/politics/bipartisan-bill-vote-china-competitiveness/index.html> (data obrashcheniya: 27.01.2023).
 17. Federal Budget Authority for R&D and R&D Plant for National Defense and Civilian Functions Totaled \$191 billion in FY 2023 Proposed Budget // NCSSES URL: <https://ncses.nsf.gov/pubs/nsf23323> (data obrashcheniya: 27.01.2023).
 18. SIA Factbook // SIA URL: https://www.semiconductors.org/wp-content/uploads/2022/05/SIA-2022-Factbook_May-2022.pdf (data obrashcheniya: 30.01.2023).
 19. How did China's chips sell in 2022? Authoritative release of this data by customs // Tencent URL: <https://new.qq.com/rain/a/20230115A0003K00> (data obrashcheniya: 30.01.2023).
 20. Operating System Market Share Worldwide // Statcounter GlobalStats URL: <https://gs.statcounter.com/os-market-share> (data obrashcheniya: 30.01.2023).
 21. Sino-US Strategic Competition in the field of technology: Analysis and Prospect // US-

- China Perception Monitor URL: http://www.uscnpm.com/model_item.html?action=view&table=article&id=27016 (data obrashcheniya: 30.01.2023).
22. Liu X. L., Li B. International Technology Standards and Great Powers Competition: A Case Study of Information and Communications Technology // Journal of Contemporary Asia-Pacific Studies.-2022.-№1.-S. 40-58.
 23. An Apple equals the top 100 tech Internet companies in China // Netease URL: <https://www.163.com/dy/article/H62O4S810519CB4E.html> (data obrashcheniya: 30.01.2023).
 24. Tech war: US chip equipment makers calculate revenue losses in the billions after Washington's curbs on China exports // South China Morning Post URL: <https://www.scmp.com/tech/tech-war/article/3196597/tech-war-us-chip-equipment-makers-calculate-revenue-losses-billions-after-washingtons-curbs-china> (data obrashcheniya: 31.01.2023).
 25. Gross domestic spending on R&D // OECD URL: <https://data.oecd.org/rd/gross-domestic-spending-on-r-d.htm> (data obrashcheniya: 31.01.2023).
 26. Facts about US Investments in Infrastructure and R&D // ASPEN URL: <https://www.economicstrategygroup.org/publication/14-facts-about-us-investments/> (data obrashcheniya: 31.01.2023).
 27. He Z. L. Institutional Advantages of the Chinese Model in 70 Years of Development // China Economic Transition.-2020.-№3.-S. 44-51.
 28. VPEREDI II-NATsIONALIZM I II-NATsIONALIZATsIYa // RSMD URL: <https://russiancouncil.ru/ai> (data obrashcheniya: 02.02.2023).
 29. Ling S. L., Luo J. Y. The Biden Administration's Technology Alliance: Motivations, Content and Challenges // International Forum.-2021.-№6.-S. 3-25.DOI: 10.13549/j.cnki.cn11-3959/d.2021.06.001
 30. Liu R. The global impact and countermeasures of China-US high-tech decoupling // China Scitechnology Think Tank.-2020.-№11.-S. 11-13.
 31. The smoke of gunpowder? Background, principle and path of Biden's science and technology policy // Fudan Development Institute URL: <https://fddi.fudan.edu.cn/36/11/c21253a275985/page.htm> (data obrashcheniya: 02.02.2023).
 32. China-US tech war puts rest of the world in a fix // Financial Review URL: <https://www.afr.com/chanticleer/china-us-tech-war-puts-rest-of-the-world-in-a-fix-20221021-p5brtf> (data obrashcheniya: 02.02.2023).
 33. Fu Y. A preliminary analysis of the influence of artificial Intelligence on international relations // Quarterly Journal of International Politics.-2019.-№1.-S. 1-18.
 34. Sino-us strategic Competition in the digital Age // CISS URL: <https://ciss.tsinghua.edu.cn/info/zmgx/3691> (data obrashcheniya: 05.02.2023).
 35. Konferentsiya po iskusstvennomu intellektu // Prezident Rossii URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62003> (data obrashcheniya: 05.02.2023).
 36. Danilin I. V. The U.S.-China Technological War // Russia in Global Affairs.-2021.-№4.-S. 78-96.DOI: 10.31278/1810-6374-2021-19-4-78-96
 37. Lee J. J., Haupt J. P. Winners and losers in US-China scientific research collaborations // Higher Education. - 2020. - №1. - S. 57-74.

The UN Humanitarian System: Crisis, Opportunities and Russia's Position

Borisov Aleksey Vladimirovich

PhD in Philosophy

Associate Professor at the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

119034, Russia, g. Moscow, ul. Ostozhenka, 53/2 str.1

✉ aborisof@gmail.com

Abstract. The article deals with the problems of formation and functioning of the UN humanitarian system. The author argues that the crisis is not related to the growing gap between funding needs and the amount of donor funds placed at the disposal of the UN, but to the fact that the humanitarian community, which the UN claims to be in charge of, does not represent an integral organism with a clearly defined control center. The Organization's attempts to build a system for coordinating the efforts of the world community to support the affected countries and help people in need and danger ended in failure. At present, the role of the UN is reduced to the performance of two interrelated functions: a channel for bringing donor funds to secondary recipients and a gatekeeper that determines who can be attributed to the humanitarian community, what type of activity deserves to be called humanitarian. In this regard, the author notes, the position of Russia raises questions when strategic planning documents and regulations governing the process of providing humanitarian assistance state that Russia is part of the global humanitarian system. The author suggests that efforts are needed to expose the essence of the existing humanitarian system and offer an alternative that will promote and realize Russia's national interests.

Keywords: reforming, UN, international humanitarian organizations, humanitarian financing, humanitarian system, humanitarian assistance, humanitarian coordination, donors, gratuitous assistance, Russian Federation

References (transliterated)

1. Key takeaways from the UN's record-breaking tally for 2023 humanitarian needs // The New Humanitarian [electronic resource]. URL: <https://www.thenewhumanitarian.org/news/2022/12/01/financing-appeals-OCHA-global-humanitarian-overview> (accessed: 13.02.2023).
2. UN launches record \$51.5 billion humanitarian appeal for 2023 // United Nations Office for the Coordination of Humanitarian Affairs [official website] URL: <https://www.unocha.org/story/un-launches-record-515-billion-humanitarian-appeal-2023>
3. Federal'nyi zakon ot 4 maya 1999 goda N 95-FZ «O bezvozmezdnoi pomoshchi (sodeistvii) Rossiiskoi Federatsii i vnesenii izmenenii i dopolnenii v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii o nalogakh i ob ustanovlenii l'got po platezham v gosudarstvennye vnebyudzhetye fondy v svyazi s osushchestvleniem bezvozmezdnoi pomoshchi (sodeistviya) Rossiiskoi Federatsii» (s izmeneniyami na 24.11.2008); Postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 12.07.2022 g. № 1239. Ob utverzhdenii Polozheniya ob okazanii gumanitarnoi pomoshchi inostrannym gosudarstvam.
4. Postanovlenie Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 12.07.2022 g. № 1239. Ob utverzhdenii Polozheniya ob okazanii gumanitarnoi pomoshchi inostrannym gosudarstvam.
5. Federal'nyi zakon ot 4 maya 1999 goda N 95-FZ «O bezvozmezdnoi pomoshchi

- (sodeistvii) Rossiiskoi Federatsii i vnesenii izmenenii i dopolnenii v otchel'nye zakonodatel'nye akty Rossiiskoi Federatsii o nalogakh i ob ustanovlenii l'got po platezham v gosudarstvennye vnebyudzhetye fondy v svyazi s osushchestvleniem bezvozmezdnoi pomoshchi (sodeistviya) Rossiiskoi Federatsii» (s izmeneniyami na 24.11.2008).
6. Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America). Merits, Judgment. – I.C.J. Reports. 1986. P.114.
 7. Ukreplenie koordinatsii v oblasti chrezvychainoi gumanitarnoi pomoshchi Organizatsii Ob"edinennykh Natsii. Doklad General'nogo sekretarya. A/68/84–E/2013/77.
 8. Sekretariat Vsemirnogo sammita po gumanitarnym voprosam. Vosstanovlenie gumannosti: obshchie svedeniya o protsesse konsul'tatsii v ramkakh podgotovki k Vsemirnomu sammitu po gumanitarnym voprosam. N'yu-Iork, Organizatsiya Ob"edinennykh Natsii, 2015. S.28. URL: https://agendaforhumanity.org/sites/default/files/resources/2017/Jul/WHS_Synthesis_Report_Russian.pdf (data obrashcheniya: 26.01.23)
 9. Ukreplenie koordinatsii v oblasti chrezvychainoi gumanitarnoi pomoshchi Organizatsii Ob"edinennykh Natsii Doklad General'nogo sekretarya. A/50/203–E/1995/79
 10. Ukreplenie koordinatsii v oblasti chrezvychainoi gumanitarnoi pomoshchi Organizatsii Ob"edinennykh Natsii Doklad General'nogo sekretarya. A/68/84–E/2013/77
 11. Rezolyutsiya General'noi Assamblei OON 2816 (XXVI).
 12. Donini, Antonio. The Policies of Mercy: UN Coordination in Afghanistan, Mozambique, and Rwanda. Occasional Paper No. 22. Providence, RI: Thomas J. Watson Institute for International Studies, 1996; Lessons Learned from the Rwanda and Burundi Emergencies. EVAL/04/96/Rev.1. URL: <https://www.unhcr.org/research/evalreports/3ae6bcfc4/lessons-learned-rwanda-burundi-emergencies.html> (accessed:31/01/23); Lancaster, Warren. The Code of Conduct: Whose Code, Whose Conduct? The Journal of Humanitarian Assistance, 1998. URL: <https://www.jha.ac/a038/> (accessed:31/01/23).
 13. Reindorp, Nicola and Peter Wiles. Humanitarian Coordination: Lessons from Recent Field Experience. A study commissioned by the Office for the Coordination of Humanitarian Affairs. London: Overseas Development Institute, 2001.
 14. Finansirovanie gumanitarnykh operatsii v sisteme Organizatsii Ob"edinennykh Natsii. Doklad Ob"edinennoi inspeksionnoi gruppy. JIU/REP/2012/11.
 15. Ukreplenie koordinatsii v oblasti chrezvychainoi gumanitarnoi pomoshchi Organizatsii Ob"edinennykh Natsii Doklad General'nogo sekretarya. A/74/81 - E/2019/60
 16. Remarks by Joyce Msuya, Assistant Secretary-General for Humanitarian Affairs and Deputy Emergency Relief Coordinator, at the launch of the Global Humanitarian Overview 2023, Riyadh, 1 December. // ReliefWeb [electronic recourse]. URL: <https://reliefweb.int/report/world/remarks-joyce-msuya-assistant-secretary-general-humanitarian-affairs-and-deputy-emergency-relief-coordinator-launch-global-humanitarian-overview-2023-riyadh-1-december> (accessed: 2.02.23).
 17. Global Humanitarian Assistance Report 2022. URL: <https://devinit.org/resources/global-humanitarian-assistance-report-2022/volumes-of-humanitarian-and-wider-crisis-financing/#section-2-3> (accessed: 1.02.23).
 18. The State of the Humanitarian System. ALNAP Study. London: ALNAP/ODI, 2022. URL: <https://sohs.alnap.org/sohs-2022-report/chapter-2-what-is-the-shape-and-size-of-the-humanitarian-system#chapter-section> (accessed: 1.02.23).
 19. Global Humanitarian Assistance Report 2022. URL:

- <https://devinit.org/resources/global-humanitarian-assistance-report-2022/volumes-of-humanitarian-and-wider-crisis-financing/#section-2-3> (accessed: 1.02.23).
20. The State of the Humanitarian System. ALNAP Study. London: ALNAP/ODI, 2022. URL: <https://sohs.alnap.org/sohs-2022-report/chapter-2-what-is-the-shape-and-size-of-the-humanitarian-system#chapter-section> (accessed: 1.02.23).
 21. Funding for humanitarian aid // European Civil Protection and Humanitarian Aid Operations [official website]. URL: https://civil-protection-humanitarian-aid.ec.europa.eu/funding-evaluations/funding-humanitarian-aid_en (accessed: 1.02.23).
 22. Germany. Profile. January 11, 2023. //NGO Monitor [electronic recourse]. URL: <https://www.ngo-monitor.org/funder/germany/> (accessed: 09.02.2023).
 23. The State of the Humanitarian System. ALNAP Study. London: ALNAP/ODI, 2022. URL: <https://sohs.alnap.org/sohs-2022-report/chapter-3-is-there-enough-aid#are-there-enough-funds-globally> (accessed: 09.02.2023).
 24. About the Grand Bargain. // The Inter-Agency Standing Committee (IASC) (official site). URL: <https://interagencystandingcommittee.org/about-the-grand-bargain> (accessed: 09.02.2022).
 25. Global Humanitarian Assistance Report 2022. URL: <https://devinit.org/resources/global-humanitarian-assistance-report-2022/recipients-and-delivery-of-humanitarian-funding/?nav=more-about#note-SD7f7RcVQ>
 26. Global Humanitarian Assistance Report 2021. URL: <https://devinit.org/resources/global-humanitarian-assistance-report-2021/chapter-4-funding-effectiveness-and-efficiency/#note-mINOME38N>
 27. Global Humanitarian Assistance Report 2022. URL: <https://devinit.org/resources/global-humanitarian-assistance-report-2022/recipients-and-delivery-of-humanitarian-funding/?nav=more-about#note-SD7f7RcVQ>
 28. The Humanitarian-Development-Peace Nexus Interim Progress Review, OECD Publishing, Paris. 2022. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/sites/2f620ca5-en/1/2/1/index.html?itemId=/content/publication/2f620ca5-en&_csp_=bbe432f9f3ae5d9779363490e6c9a85c&itemIGO=oecd&itemContentType=book
 29. Multi-year humanitarian funding: Global baselines and trends (background paper). URL: <https://devinit.org/resources/multi-year-humanitarian-funding/multi-year-humanitarian-funding-summary/#downloads>
 30. Bennet, S., Foley, M., and Pantuliano, S. Time to Let Go: Remaking Humanitarian Action for the Modern Era. London: Humanitarian Policy Group, 2016.
 31. Principles and Good Practice of Humanitarian Donorship// The Good Humanitarian Donorship (GHD) [official website]/ URL: <https://www.ghdinitiative.org/ghd/gns/principles-good-practice-of-ghd/principles-good-practice-ghd.html> (accessed:31/01/23).
 32. Finansirovanie gumanitarnykh operatsii v sisteme Organizatsii Ob"edinennykh Natsii. Doklad Ob"edinennoi inspektsionnoi gruppy. JIU/REP/2012/11.
 33. The State of the Humanitarian System. ALNAP Study. London: ALNAP/ODI, 2022. URL: <https://sohs.alnap.org/sohs-2022-report/chapter-11-does-the-system-uphold-its-principles#is-the-understanding-of-humanitarian-principles-changing> (accessed: 26.01.23)
 34. Interv'yu s prezidentom MKKK Peterom Maurerom.// Mezhdunarodnyi zhurnal Krasnogo Kresta. N888. Zima 2012. URL: <https://international->

- review.icrc.org/sites/default/files/02_maurer_irrc_874-889_selection_2013_rus-2.pdf (data obrashcheniya: 26.01.23)
35. Ukreplenie koordinatsii v oblasti chrezvychainoi gumanitarnoi pomoshchi Organizatsii Ob"edinennykh Natsii Doklad General'nogo sekretarya. A/67/89-E/2012/77.
 36. Obrecht, Alice Who asks the questions and who responds? A broader and deeper assessment of The State of the Humanitarian System. //Medium [electronic resource] 25.08.2022. URL : <https://medium.com/@ALNAP/who-asks-the-questions-and-who-responds-7dab96b4e71b> (accessed: 1.02.23).
 37. Borisov, A. V. Gumanitarnaya pomoshch' i gumanitarnye printsipy: problema vzaimosvyazi // Vestnik uchenykh-mezhdunarodnikov. – 2022. – № 3(21). – S. 131–145.
 38. Ukreplenie koordinatsii v oblasti chrezvychainoi gumanitarnoi pomoshchi Organizatsii Ob"edinennykh Natsii Doklad General'nogo sekretarya. A/64/84-E/2009/87.
 39. Rethinking Humanitarian Aid. URL: <https://www.wilsoncenter.org/event/rethinking-humanitarian-aid> (accessed: 09.02.2023).
 40. OCHA's Strategic Plan 2023-2026: Transforming Humanitarian Coordination. // ReliefWeb [electronic resource]. URL: <https://reliefweb.int/report/world/ochas-strategic-plan-2023-2026-transforming-humanitarian-coordination> (accessed: 13.02.2023).
 41. Krause, M. The Good Project, Humanitarian Relief NGOs and the Fragmentation of Reason, University of Chicago Press, 2014. R.47.
 42. Stoddard, A. You Say You Want a Devolution Prospects for remodeling humanitarian assistance // Journal of Humanitarian Assistance. Posted 13 Nov 2004. URL: <https://www.alnap.org/system/files/content/resource/files/main/a154.pdf> (accessed: 13.02.2023).
 43. Ramalingam, B., Barnett, M. The Humanitarian's Dilemma: collective action or inaction in international relief? // Overseas Development Institute [official website]. URL: <https://odi.org/en/publications/the-humanitarians-dilemma-collective-action-or-inaction-in-international-relief/> (accessed: 13.02.2023).
 44. Kontseptsiya vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii. Utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 30 noyabrya 2016 g. N 640.
 45. Strategic Framework for Early Recovery, Risk Reduction, and Resilience // United States Agency for International Development [official website]. URL: <https://www.usaid.gov/humanitarian-assistance/policies-and-reports/bha-er4-framework> (accessed: 14.02.2023).

The Role of Turkey in the Post-Soviet Space in US Foreign Policy Analysis

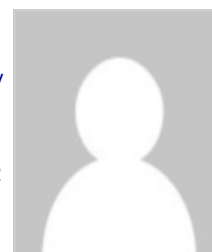
Chmyreva Vera

PhD in History

Researcher, Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

117218, Russia, g. Moscow, ul. Nakhimovskii Prospekt, 32

✉ vera1305@mail.ru

Abstract. The subject of the study is a set of current ideas, concepts and strategies of representatives of American expert community on Turkish issues. The relevance of the work is

determined by the need for a comprehensive analysis of the process of geopolitical transformations in the region taking into account the rising role of Turkey. The research is based on publicistic sources, which include analytical studies, articles, reports and expert assessments of specialists from the leading centers and institutions. The paper shows that the study of the potential of Turkish influence is intended to find a manageable balance of power in the region where Turkey will not oppose to American interests. It is noted that in the post-Soviet space Turkey has already become an indispensable player, proactive and ready to fill the vacuum of political will and power swiftly. The author points out that the expert community emphasizes differing degree of geopolitical influence of Turkey and Russia in the post-Soviet space, which determines the readiness of Turkish leadership to rely on NATO support as a counterbalance to the historical influence of Kremlin in the region. The author concludes that US still considers Turkey as a strategically valuable partner, and in certain scenarios the Republic has a chance to get *carte blanche* for a sovereign foreign policy and secure a place of a new key player; in this case, the USA can find a new manageable equilibrium in which Turkey's unfriendly actions will not undermine American strategic interests.

Keywords: post-Soviet space, Russian-Turkish relations, foreign policy analysis, expert community, foreign policy, international relations, Russia, NATO, USA, Turkey

References (transliterated)

1. Avatkov V. A. Turetskaya ideologiya «khaba» // Vostochnyi al'manakh: sb. nauch. st. Vyp. V / pod obshch. red. M.G. Troyanskogo; nauch. red. A.A. Danel'yan; red. kol.: A.T. Mozloev, A.K. Galimzyanova, O.A. Dobrinskaya. – M.: Diplomaticheskaya akademiya MID Rossii: Kvant Media, 2021. С. 8-13.
2. Chmyreva V.A. Turtsiya: fokus amerikanskoi analitiki. (Prikladnoi analiz noveishei istoriografii SShA). M.: Izdatel'stvo «Nauka segodnya», 2020. S. 136.
3. Cordesman, Anthony H. The Greater Middle East: From the "Arab Spring" to the "Axis of Failed States" // https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/200824_MENA_Axis_Failed_States.pdf
4. NATO 2022 Strategic Concept // <https://www.nato.int/strategic-concept/>
5. Mankoff, Jeffrey. Regional Competition and the Future of Russia-Turkey Relations // <https://www.csis.org/analysis/regional-competition-and-future-russia-turkey-relations>
6. Flanagan, Stephen J., Larrabee, Stephen F., Binnendijk, Anika., Costello, Katherine., Efron, Shira., Hoobler, James., Kirchner, Magdalena., Martini, Jeffrey., Nader, Alireza., Wilson, Peter A. Turkey's Nationalist Course. Implications for the U.S.-Turkish Strategic Partnership and the U.S. Army // https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2589.html
7. Milosevich, Mira. Russia's Westpolitik and the European Union // https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/210708_Milosevick_RussiaWestpolitik_EuropeanUnion.pdf?YamFdB7RvBHWs7w15n9wiJotRCqoik9Q
8. Costello, Katherine. Russia's Use of Media and Information Operations in Turkey. Implications for the United States // <https://www.rand.org/pubs/perspectives/PE278.html>
9. Ellehuus, Rachel. NATO Futures Three Trajectories // https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/210721_Ellehuus_NATO_Futures_1.pdf?

d4Zum8CrjXpX6MkJWmWkEpJLtwshW.6h

10. Watts, Stephen., Rooney, Bryan., Germanovich, Gene., McClintock, Bruce., Pezard, Stephanie., Reach, Clint., Shostak, Melissa. Deterrence and Escalation in Competition with Russia // https://www.rand.org/pubs/research_reports/RAA720-2.html
11. Pezard, Stephanie U.S. Strategic Competition with Russia // <https://www.rand.org/pubs/perspectives/PEA290-2.html>
12. Mazarr, Michael J., Blake, Jonathan S., Casey, Abigail ., McDonald, Tim., Pezard, Stephanie., Spirtas, Michael. Understanding the Emerging Era of International Competition: Theoretical and Historical Perspectives, Santa Monica, Calif.: RAND Corporation, 2018, p. 36. // https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2726.html
13. Fridman Dzh. Sleduyushchie 10 let / Fridman Dzhordzh; [per. s angl. A. Kalinina]. – M.: Eksmo, 2011, -320 s. S. 187.
14. Alterman, Jon B., Conley Heather A. Syria, Turkey, and the Eastern Mediterranean // https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/180717_AltermanConley_SyriaTurkeyEastMed_UPDATE.pdf
15. Kirişçi, Kemal, Toygür, Ilke. Turkey's new presidential system and a changing west: implications for Turkish Foreign Policy and Turkish-West relations. Report, Brookings Institution, 2019 // https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2019/01/20190111_turkey_presidential_system.pdf
16. Cordesman, Anthony H. The Biden Administration's Security Challenges in the Gulf // https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/210127_Cordesman_Security_Challenges.pdf
17. National Security Strategy. October 2022. // <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/10/Biden-Harris-Administrations-National-Security-Strategy-10.2022.pdf>
18. Connable, Ben., Doll, Abby., Demus, Alyssa., Massicot, Dara., Reach, Clint., Adler, Anthony., Mackenzie, William., Povlock, Matthew., Skrabala, Lauren. Russia's Limit of Advance: Scenarios // https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2563z1.html

Russian-Latin American Strategic Partnerships in New Geopolitical Context

Konovalova Kseniya

PhD in History

Assitant of the Department of World Politics, Saint Petersburg State University

199034, Russia, Saint Petersburg, Universitetskaya Embankment str., 7, building 9

✉ misssienna@yandex.ru

Abstract. The object of this study is contemporary Russian-Latin American relations. The influence of the current international context related to the crisis around Ukraine on Russia's strategic partnerships (SP) with a number of Latin American states is considered in detail. The first part reveals the specifics of this relationship format. The second part analyzes the dynamics of the dialogue with Argentina, Brazil, Bolivia, Venezuela, Cuba, Nicaragua, Peru and Ecuador, depending on the depth of the impact on them of the confrontation between Russia and the West after the start of the Russian special military operation in Ukraine. In conclusion, the work highlights similarities and differences in the lines of conduct of Russia's Latin American strategic partners in today's conflicting international political conditions. This study is one of the first attempts to comprehend the effects of the Ukrainian crisis on the

state and possible future of strategic partnerships between Russia and nations of the LAC region. A new look at the issue, involving systematic approach and case study method, which allows analyzing and including each national example of bilateral strategic partnership in the broader context of the dialogue between the Russian Federation and Latin America, determines the author's contribution. Main conclusions are as follows. First, although the reaction of Russia's strategic partners to the Ukrainian crisis and its global consequences varies, their common desire to maintain the momentum of mutually beneficial cooperation with Russia is noticeable. Secondly, within strategic partnerships, one can single out a material and symbolic components, and it is on the second that the complication of the international context has hit the hardest. Finally, the current situation clearly requires Russia to revise its Latin American strategy, the first step of which could just be a rethinking of the SP format.

Keywords: Nicaragua, Venezuela, Cuba, Brazil, Argentina, Bolivia, strategic partnerships, foreign policy, Latin America, Russia

References (transliterated)

1. V Rosatome predlozhili sozdat' v Bolivii polnotsennuyu litievuyu promyshlennost'. 22.11.2022, URL: <https://neftegaz.ru/news/dobycha/759849-v-rosatome-predlozhili-sozdat-v-bolivii-polnotsennuyu-litievuyu-promyshlennost/> (data obrashcheniya: 23.02.2023)
2. Davydov V.M. Strategicheskoe partnerstvo v kontekste rossiisko-latinoamerikanskikh otnoshenii // Vestnik Rossiiskoi Akademii nauk. 2016, t. 86, №4, s. 304-315
3. Gritsenko I.A. Rossiya i Argentina: uspekhi i slozhnosti sotrudnichestva v neprostrykh usloviyakh // Latinskaya Amerika. – 2022. – № 12. С. 64-79
4. Interv'yu Posla Rossii v Argentine D.V.Feoktistova zhurnal' «Mezhdunarodnaya zhizn'», 6 fevralya 2020 goda. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/ar/1426403/> (data obrashcheniya: 17.01.2023)
5. K. Kosachev: Regulyarnye kontakty s ekvadorskimi kollegami sposobstvuyut aktivizatsii dvustoronnego sotrudnichestva. 21.09.2022. URL: <http://council.gov.ru/events/news/138466/> (data obrashcheniya: 17.01.2023)
6. Kommentarii Departamenta informatsii i pechati MID Rossii v svyazi s vystupleniem Gossekretarya SShA R.Tillersona v Tekhasskom universitete po politike SShA v otnoshenii Latinskoi Ameriki. URL: <https://www.mid.ru/ru/maps/ar/1562577/> (data obrashcheniya: 17.01.2023)
7. Medina Gonsales V.K. Rossiya i Ekvador: partnerstvo v tekhnicheskoi i tekhnologicheskoi sferakh // Mezhdunarodnye otnosheniya, 2018, № 1, s.67-72
8. Ob uchastii Rossii v mezhgosudarstvennom ob"edinenii BRIKS. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/vnesnepoliticeskoe-dos-e/mezhdunarodnye-organizacii-i-forumy/deatelnost-briks-v-kontekste-zaversivsegosa-predsdatelstva-rossii-v-etom-obedinenii/?ysclid=lc6p7r48ym918720065 (data obrashcheniya: 17.01.2023)
9. Predsedatel' Soveta Federatsii obsudila s izbrannym Prezidentom Brazili razvitie rossiisko-brazil'skikh otnoshenii. 01.01.2023, URL: <http://www.council.gov.ru/events/news/141755/> (data obrashcheniya: 17.01.2023)
10. Putin dogovorilsya uglublyat' partnerstvo s Kuboi, Venesueloi i Nikaragua. 26.01.2022. URL: <https://www.interfax.ru/russia/818468> (data obrashcheniya: 17.01.2023)
11. Rossiya vedet peregovory s Boliviei po dobyche litiya, zayavil posol // RIA Novosti.

- 14.02.2023, URL: <https://ria.ru/20230214/litiy-1851983593.html> (data obrashcheniya: 17.01.2023)
12. Sovmestnoe zayavlenie Rossiiskoi Federatsii i Federativnoi Respubliki Brazili o strategicheskome vneshnepoliticheskom dialoge. 21.06.2017, URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5212> (data obrashcheniya: 17.01.2023)
13. Yakovlev P.P. Strategicheskoe partnerstvo Rossii so stranami Latinskoj Ameriki: tendentsii i kontrtendentsii. // Perspektivy. 2016, № 1 (5), s.39-50.
14. Adins S. Las relaciones bilaterales entre el Perú y Rusia en el siglo XXI: una perspectiva peruana. // Iberoamerikanskije tetradj, 2021, t.IX, №4, s.84-100
15. ALBA-TCP va a la vanguardia política en la región, asegura Maduro. 15.12.2022. URL:<https://spanish.news.cn/20221215/ec4c1959aa874568bfc58d8ab6e592cf/c.html> (data obrashcheniya: 17.01.2023)
16. Argentina mantiene su alianza comercial con Rusia y se niega a aplicar sanciones económicas como Estados Unidos y Europa. // Cronista, 02.07.2022, URL:<https://www.cronista.com/economia-politica/argentina-mantiene-su-alianza-comercial-con-rusia-y-se-niega-a-aplicar-sanciones-economicas-como-estados-unidos-y-europa/> (data obrashcheniya: 17.01.2023)
17. Before the opening, Lula da Silva met with delegations from Russia and Ukraine. 01.01.2023, URL: <https://newsunrolled.com/world/153194.html> (data obrashcheniya: 17.01.2023)
18. Brazil's Rouseff criticizes Russia over Syria. URL:<https://www.worldbulletin.net/europe/brazils-rousseff-criticises-russia-over-syria-h165615.html> (data obrashcheniya: 17.01.2023)
19. Canciller: "Perú condena enérgicamente ofensiva militar de Rusia contra Ucrania y su población". // La Republica, 25.02.2022. URL:<https://larepublica.pe/politica/2022/02/25/guerra-rusia-ucrania-canciller-cesar-landa-peru-condena-energicamente-ofensiva-militar-de-rusia-contra-ucrania-y-su-poblacion/> (data obrashcheniya: 17.01.2023)
20. Chaguaceda A., Boersner Herrera A. Rusia en Latinoamérica: la confluencia illiberal. 18.08.2022, URL:<https://blogs.lse.ac.uk/latamcaribbean/2022/08/18/rusia-en-latinoamerica-la-confluencia-iliberal/> (data obrashcheniya: 17.01.2023)
21. Chile y otros 23 países de la OEA condenan invasión rusa a Ucrania: Ni Argentina ni Brasil apoyaron declaración. 26.02.2022, URL: <https://www.emol.com/noticias/Nacional/2022/02/26/1047847/argentina-brasil-no-apoya-oea.html&hl=es&gl=ru&strip=1&vwsrc=0> (data obrashcheniya: 17.01.2023)
22. Cuba y Rusia confirman asociación estratégica. 02.11.2018, URL: <http://www.acn.cu/cuba/38693-cuba-y-rusia-confirman-asociacion-estrategica> (data obrashcheniya: 17.01.2023)
23. Díaz-Canel estrecha vínculos con Rusia en su visita a Putin. // El Periodico, 22.11.2022. URL: <https://www.elperiodico.com/es/internacional/20221122/diaz-canel-brinda-apoyo-kremlin-78909363> (data obrashcheniya: 17.01.2023)
24. Duarte I. Brasil recebe cargas de fertilizantes da Rússia, mas risco de escassez se mantém // Estadão, 29.04.2022, URL: <https://www.estadao.com.br/economia/brasil-importacao-fertilizantes-russia-risco-escassez/> (data obrashcheniya: 17.01.2023)
25. Ecuador a favor de la salida de Rusia del Consejo de Derechos Humanos de la ONU. // El Comercio, 07.04.2022, URL: <https://www.elcomercio.com/actualidad/mundo/ecuador-apoya-salida-rusia-derechos-humanos-onu.html> (data obrashcheniya: 17.01.2023)
26. El ministro de Comercio Exterior de Ecuador descarta acuerdo comercial con Rusia.

- 07.04.2022. URL:<https://sputniknews.lat/20220407/el-ministro-de-comercio-exterior-de-ecuador-descarta-acuerdo-comercial-con-rusia-1124156758.html&cd=15&hl=ru&ct=clnk&gl=ru> (data obrashcheniya: 17.01.2023)
27. Encuesta guerra Rusia-Ucrania: más del 65% de los argentinos rechaza la invasion. 05.03.2022, URL: <https://www.iprofesional.com/actualidad/358511-encuesta-rusia-ucrania-65-de-argentinos-rechaza-la-invasion> (data obrashcheniya: 17.01.2023)
28. "Es un triquitracazo de Daniel Ortega", dice ex-militar sobre ingreso de tropas rusas en Nicaragua. // La Prensa. 19.06.2022. URL:<https://www.laprensani.com/2022/06/19/suplemento/la-prensa-domingo/3009894-es-un-triquitracazo-de-daniel-ortega-dice-militar-sobre-ingreso-de-tropas-rusas-a-nicaragua&hl=es&gl=ru&strip=1&vwsr=0> (data obrashcheniya: 17.01.2023)
29. Farah D., Richardson M. Dangerous Alliances: Russia's Strategic Inroads in Latin America. Strategic Perspectives, 2022, 41, 54 pp.
30. Figueiredo J. Sem Brasil, Paraguai retira comunicado dos presidentes do Mercosul condenando a Rússia. // O Globo. 25.02.2022, URL: <https://oglobo.globo.com/mundo/sem-brasil-paraguai-retira-comunicado-dos-presidentes-do-mercossul-condenando-russia-25410712> (data obrashcheniya: 17.01.2023)
31. La larga trayectoria de los helicópteros rusos en el Perú. 30.12.2022, URL: <https://fpp.org.pe/la-larga-trayectoria-de-los-helicopteros-rusos-en-el-peru/?amp=1> (data obrashcheniya: 17.01.2023)
32. 'La OEA aborda el rol desestabilizador de Rusia y Cuba en Venezuela'. Declaraciones de Alexis F. Ludwig, Representante adjunto permanente de los Estados Unidos, 02.05.2019, URL: <https://cu.usembassy.gov/es/la-oea-aborda-el-rol-desestabilizador-de-rusia-y-cuba-en-venezuela/> (data obrashcheniya: 17.01.2023)
33. La OEA pide el fin de posibles "crímenes de guerra" en Ucrania. 25.03.2022. URL: <https://www.semana.com/mundo/articulo/la-oea-pide-el-fin-de-posibles-crimenes-de-guerra-en-ucrania/202258/> (data obrashcheniya: 17.01.2023)
34. La oposición boliviana descargó fuertes críticas contra Arce por abstenerse de condenar la invasión rusa a Ucrania. 03.03.2022, URL:<https://www.infobae.com/america/mundo/2022/03/03/la-oposicion-boliviana-descargo-fuertes-criticas-contra-arce-por-abstenerse-de-condenar-la-invasion-rusa-a-ucrania/&hl=es&gl=ru&strip=1&vwsr=0> (data obrashcheniya: 17.01.2023)
35. La rusa Gazprom y YPFB negocian inversión para la exploración del campo Vitiacua. 21.06.2021. URL: <https://www.abi.bo/index.php/noticias/politica/36-notas/noticias/economia/7151-La-rusa-Gazprom-y-YPFB-negocian-inversi%C3%B3n-para-la-exploraci%C3%B3n-del-campo-Vitiacua> (data obrashcheniya: 17.01.2023)
36. Los intereses que persigue EEUU en la OEA: condenar a Nicaragua, Venezuela y Rusia. 06.10.2022, URL: <https://sputniknews.lat/20221006/los-intereses-que-persigue-eeuu-en-la-oea-condenar-a-nicaragua-venezuela-y-rusia-1131223601.html> (data obrashcheniya: 17.01.2023)
37. Lula Talks to TIME About Ukraine, Bolsonaro, and Brazil's Fragile Democracy. // Time, 04.05.2022, URL: <https://time.com/6173232/lula-da-silva-transcript/> (data obrashcheniya: 17.01.2023)
38. Marta L. Ramírez: 'Debemos tener el compromiso de defender la democracia'. // El Tiempo, 21.07.2022. URL:<https://www.eltiempo.com/politica/gobierno/marta-lucia-ramirez-hizo-un-llamado-a-la-seguridad-multilateral-en-prosur-689115> (data obrashcheniya: 17.01.2023)
39. Nicolás Maduro expresó su fuerte apoyo a las "acciones decisivas" de Rusia en Ucrania,

- según el Kremlin. 01.03.2022. URL: <https://cnnespanol.cnn.com/2022/03/01/nicolas-maduro-apoyo-rusia-ucrania-guerra-kremlin-trax/> (data obrashcheniya: 17.01.2023)
40. Orozco M. Nuevo retraso en Toachi Pilatón, empresa rusa pide más plazo. 09.12.2022, URL: <https://www.primicias.ec/noticias/economia/nuevo-retraso-toachi-pilatón-rusia-china-ecuador/> (data obrashcheniya: 17.01.2023)
41. Presidente (e) Guaidó tras suspensión de Rusia como país observador de la OEA: "Los venezolanos ratificamos nuestro rechazo a la atroz invasión de Putin a Ucrania". URL: <https://presidenciave.com/presidencia/presidente-e-guaido-tras-suspension-de-rusia-como-pais-observador-de-la-oea-los-venezolanos-ratificamos-nuestro-rechazo-a-la-atroz-invasion-de-putin-a-ucrania/> (data obrashcheniya: 17.01.2023)
42. Presidente de la Duma de Rusia agradece apoyo de Daniel Ortega. 25.02.2022. URL: <https://cnnespanol.cnn.com/2022/02/25/nicaragua-duma-rusia-ortega-orix/> (data obrashcheniya: 17.01.2023)
43. Presidente Gabriel Boric dialoga con Volodymyr Zelensky y ofrece ayuda humanitaria para Ucrania: "Tiene un amigo en América del Sur". // El Mostrador, 01.07.2022, URL: <https://www.elmostrador.cl/noticias/mundo/2022/07/01/presidente-gabriel-boric-dialoga-con-volodymyr-zelensky-y-ofrece-ayuda-humanitaria-para-ucrania-tiene-un-amigo-en-america-del-sur/> (data obrashcheniya: 17.01.2023)
44. Rouvinsky V. Russia and Latin America. A framework for analysis / Rouvinsky, V. and Jeifets, V. (eds.). Rethinking Russian-Latin American Relations in the Post-Cold War Era. New York: Routledge, 2022, pp.15-32
45. Rusia ayuda a Bolivia a construir un centro nuclear. 08.08.2022, URL: <https://spanish.almanar.com.lb/643975> (data obrashcheniya: 17.01.2023)
46. Sitenko A. Russia and Latin America. Strategic partnerships / Rouvinsky, V. and Jeifets, V. (eds.). Rethinking Russian-Latin American Relations in the Post-Cold War Era. New York: Routledge, 2022. Pp.132-146
47. Tarasenko P. Will Brazil's New President Back Russia's Dream of Multipolarity? 14.11.2022, URL: <https://carnegieendowment.org/politika/88331> (data obrashcheniya: 17.01.2023)

The mechanism of memory policy implementation in the context of the social framework of "collective memory".

Gadalin Dmitrii Yur'evich

Bachelor's Degree, Department of Comparative Political Science, Moscow State Institute of International Relations (University) Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation

119454, Russia, Federal city of Moscow, Moscow, Prospekt Vernadskogo str., 76

✉ gadalindimitriemgimo08071999@gmail.com

Imanalieva Mariya Almazovna

Bachelor's degree, Department of Labor Law, Lomonosov Moscow State University

76 Vernadsky Avenue, Moscow, 119454, Russia

✉ gadalindimitriemgimo08071999@gmail.com

Abstract. The purpose of the article is to analyze the mechanism of memory policy in the context of the phenomenon of "collective memory" by M. Halbwaks. The policy of memory is an

orderly action of political elites to form the desired set of images and representations of the past by society. Such a strategy makes it possible to solve several problems, in particular the problem of legitimacy, as well as the problem of argumentation of domestic and foreign policy programs chosen by the state, which may also set themselves the task of distorting their own historical past and worsening relations between the two states. The processing of collective memory as a component of social consciousness has undergone a serious evolution and today can represent a lot of aggressive strategies. The scientific novelty of the research is the use of a combined approach to understanding the phenomenon of collective memory and its processing. A combined approach based on the works of M. Halbwaks in the field of sociology and psychoanalysis based on the psychology of the unconscious Z. Freud, as well as the theory of the collective unconscious and its archetypes by C.G. Jung, allows us to identify the interdependence between the differentiation of images of the historical past and the levels of consciousness of the individual. A scheme of interconnection, as well as a scheme of sampling narratives of public consciousness in order to form a universal set of images and representations, has been developed. The conclusions confirm the validity of M. Halbwax's method and its correlation with psychoanalysis, and also indicate the danger of connivance on the part of the Russian state in relation to the aggressive policy of memory in the countries of the post-Soviet space and the former socialist bloc.

Keywords: collective memory, social consciousness, politics of memory, psychoanalysis, collective unconscious, social frame, frustration, nation-building, indicator, image

References (transliterated)

1. Assman A. Novoe nedovol'stvo memorial'noi kul'turoi. — M., 2016. S.19.
2. Emel'yanova T.P., Kuznetsova A.V. Predstavleniya kollektivnoi pamyati ob epokhe Petra I i ego lichnosti u predstavitelei razlichnykh sotsial'nykh grupp // Psikhologicheskie issledovaniya. 2013. T. 6, № 28. S. 9. URL: <http://psystudy.ru> (data obrashcheniya: 28.06.2021).
3. Kuznetsov Yu.V., Kravtsov V.A., Kibitkin A.I. Sotsial'no-filosofskie kontseptsii sotsializatsii lichnosti (E. Dyurkgeim, Zh. Piazhe) // Vestnik MGTU. 2012. №1. S.5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-filosofskie-kontseptsii-sotsializatsii-lichnosti-e-dyurkgeym-zh-piazhe> (data obrashcheniya: 04.07.2021).
4. Malinova O.Yu. Aktual'noe proshloe: simvolicheskaya politika vlastvuyushchei elity i dilemmy rossiiskoi identichnosti. M.: ROSSPEN, 2015.
5. Malinova O. Yu. Konstruirovaniye smyslov: Issledovaniye simvolicheskoy politiki v sovremennoy Rossii. M.: INION RAN, 2013. S.12-13.
6. Malinova O.Yu. Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati: Sb. nauchn. tr. / Otv. red. Miller A. I., Efremenko D. V. M.-SPb: Nestor-Istoriya, 2018. 224 s.
7. Oskolkov P. V. Fenomen natsionalizma: kontseptualizatsiya i tipologii // Sovremennaya Evropa. 2020. № 3. S. 108–116.
8. Potseluev S. P. «Simvolicheskaya politika»: K istorii kontsepta // Simvolicheskaya politika. Vyp. 1: Konstruirovaniye predstavlenii o proshlom kak vlastnyi resurs. M.: INION RAN, 2012. S. 17–53.
9. Prokudenkova O. V. Rossiya: Evropa ili Aziya polemika P. N. Milyukova s evraziitsami o roli geograficheskogo faktora v razvitii russkoy kul'tury // Vestnik RKhGA. 2006. №1.
10. Safronova Yu.A. Memory studies: evolyutsiya, problematika i institutsional'noe razvitie / Metodologicheskie voprosy izucheniya politiki pamyati: Sb. nauchn. tr. / Otv. red. Miller A. I., Efremenko D. V. — M.-SPb: Nestor-Istoriya, 2018. — 224 s.

11. Freid Z. Nekotorye zamechaniya otnositel'no ponyatiya bessoznatel'nogo v psikhoanalize (1912). S.34-39.
12. Freid Z. Psikhologiya bessoznatel'nogo. M., 2006. S. 25-38.
13. Khal'bvaks M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' // Neprikosnovennyi zapas 2019. 2-3(40-41).
14. Khal'bvaks M. Sotsial'nye ramki pamyati. M., 2007. S.11.
15. Yung K. G. Chelovek i ego simvoly // Serebryanye niti, 2017. 352 s.
16. Jung C. The Archetypes and the Collective Unconscious, Collected Works, Volume 9, Part 1 // Princeton University Press. 1959. para. 90-92,118.
17. Kudashov V.I., Chernykh S.I., Yatsenko M.P., Grigorieva L.I., Phanenstiel I.A., Rakhinskiy D.V. Historical Reflection in the Educational Process: An Axiological Approach // Analele Universitatii din Craiova. 2017. Vol. 22, №1. P. 139–147.